

Анатолий Агарков

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

РАХИТ

СБОРНИК РАССКАЗОВ
И ПОВЕСТЕЙ

Электронная версия

Анатолий Агарков

**Рахит. Сборник
рассказов и повестей**

«Издательские решения»

Агарков А.

Рахит. Сборник рассказов и повестей / А. Агарков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501423-8

В двадцать лет силы нет, её и не будет. В сорок лет ума нет, его и не будет. В
шестьдесят лет денег нет, их и не будет./народная мудрость/

ISBN 978-5-00-501423-8

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

Рахит	6
Шесть-седьмой	8
Забияки	55
Крылышко жёлтого трубача	73
Лорды с Болотен-стрит	87
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Рахит

Сборник рассказов и повестей

Анатолий Агарков

© Анатолий Агарков, 2019

ISBN 978-5-0050-1423-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рахит

*В двадцать лет силы нет – её и не будет.
/народная мудрость/*

Человек рождается маленьким, беспомощным, беззащитным, но с невероятной жадой жизни и удивительными способностями выживать в любой среде – будь то волчье логово или королевские чертоги. Только в каменных замках растут принцы, а в земляных норах – маугли.

Появился я на свет здоровяком. Из всей палаты – что весом, что ростом – матери на радость, другим роженицам на зависть. Но вот беда – не пошло мне впрок родное молоко. То ли патриотизм во мне начисто отсутствовал и впитываться не хотел, то ли ещё какая причина, только мотал я головой, избегая нацеленного в рот соска, и верещал, истошно, не согласный с голодной кончиной. То же, что ухитрялась впихнуть в меня мама, неблагодарно срыгивал.

На счастье моё случилось в палате мёртворождение. Горевала несчастная очень, и муж её дома – запил, забирать не хотел жену-неудачницу. Просила она, глядя на наше родственное противостояние:

– Нюр, ну, дай покормить.

В её руках я мигом успокаивался – набивал брюшко контрабандой и неблагодарный засыпал. Молочная моя мама плакала, а родная злилась. Возмездие ждало дома. Так и не привыкнув к родному молоку, выживал на сладенькой водичке и жёваном хлебе. Вopil дни и ночи напролёт, голос потерял, а потом слабеть стал.

Однажды отчаявшись, отложила меня в сторону мама и сказала:

– Не жилец.

Застонал глухо отец, скрипнув зубами. Сестра смотрела на меня с деловым интересом, будто гробик примеряя. Но Всевышний рассудил по-своему.

Заглянула к нам врачиха участковая и всплеснула руками:

– Да у него ж рахит развивается! Что ж вы, мамаша, ребёнка губите? Ну-ка, бегом к нам.

Вернулись мы в палату, из которой месяц назад выписались, и пошёл я по рукам – ел от брюха, пицать перестал, поправляться начал.

– Большой любитель чужого добра растёт, – смеялись женщины.

А мама на своём:

– Трoих вскормила. Что ж этот как подкидыш?

Врачи:

– Бывает. Несовместимость.

Мама моя человек упёртый, ей врачёвы домыслы по барабану. И что было бы со мной, не явись на выписку за нами отец, одному Всевышнему известно. Но он прибыл и строго из-под сдвинутых бровей глянул на жену, услышав диагноз.

– Коровка есть? – напутствовали врачи. – Вот и кормите малыша. Кашки варите, творожок. И везде, везде рыбий жир добавляйте. . . . Слышите? Рыбий жир спасёт вашего потомка.

Я притих в кулёчке одеяла, чуя кульминацию недолгой жизни.

Отец взял меня на руки и с тех пор не выпускал до самой своей кончины – не в буквальном, конечно, смысле.

Вот с такими мироощущениями и вошёл я в сознательную жизнь:

– с болезненной, порой доходящей до абсурда любовью и опекой отца;

– с незаметной, практически не проявляющейся, однако подспудно всегда присутствующей неприязнью матери;

– с презрением старшей сестры – «рахитик!»

– с тошнотворным вкусом и запахом рыбьего жира.

Шесть-седьмой

*История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она —
следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана
без тщеславного желания возбудить участие или удивление.
(М. Ю. Лермонтов)*

1

С вечера стоял морозный туманец, и все деревья за ночь густо оделись в белый наряд. Заворожённое, волшебное царство! В первые, утренние, досолнечные ещё часы он держался крепко. Разве что стайка снегирей (красногрудых на белых сахарных ветках) стряхнёт немного инея, и крупные, но очень лёгкие, невесомые почти, кристаллы кружились в воздухе, текли вниз, переливаясь, играя бликами. Но позже, когда светило поднялось выше и стало немножечко, по-декабрьски пригревать, он начал сам по себе осыпаться, и вскоре весь чистый, прозрачный, подзолоченный лучами и подголубленный небесами воздух наполнился мерцающей, как пух лебяжий, неподвластной законам земного тяготения, снежной пылью.

Не правда ли, грешно сидеть дома в такое утро. Радостями, которые преподносит жизнь, следует дорожить, решил я и, потеплее одевшись, вышел на улицу. Воздух звенел не только воробьиным гомоном – в соседском огороде вопили мальчишки, играя в войну. Юрок Куровский догнал Вовку Грицай, свалил в сугроб, оседлал.

– Ага, попался! Жизнь или смерть?

– Ой, жизнь! – тяжело дыша то ли от бега, то ли от смеха, взмолился Вовка. – Ой, больше не буду.

– Хватит вам дурачиться! – крикнул я им сквозь щель в заборе. – Посмотрите, какие снегيري прилетели.

Куровский перестал тузить Вовку. Тот поднялся из сугроба, выглянул из-за Юркиного плеча, увидел меня и быстро пошёл – мягко сказано – побежал ко мне. И такой радостью засветился – просто родного брата встретил, с которым десяток лет не виделся. Перед забором погасил свою улыбку – должно быть, застеснялся.

– Давно бегаете? – спросил я. – Небось, уши отморозили. Гляди – отвалятся.

– Эти отвалятся, новые вырастут, – беззаботно махнул рукой Юрка, подходя.

– Жди-и, – на полном серьёзе усомнился Вовка. – Вырастут...

– А у нас сегодня ёлка будет, – похвастал он.

– Какая ёлка? – я потёр застывающий нос варежкой. – Игрушечная?

– Ну, вот ещё! – Грицай попытался быть серьёзным, что, однако, ему плохо удавалось – Ёлка самая настоящая, из леса, а на ней игрушки.

– А-а, настоящая? – я шмыгнул носом. Мне хотелось посмотреть на ёлку.

Вовка это сразу понял.

– Пойдем, глянешь. Замерз совсем.

– Я не замерз – я только вышел.

Хозяйка дома подозрительно оглядела нас от большой печи.

– Что, уже набегались? Быстро...

Вовка оправдывался, пытаясь расстегнуть закоченевшими пальцами пуговицы пальтишка:

– На улице – Мороз Красный Нос. Вон и мальчишки подтвердят.

Мать слушала и смотрела на его торчащий вихор, оттопыренные уши сначала как будто бы с угрозой, но постепенно сердце её оттаяло, и по лицу заструилась улыбка.

– Мам, есть что поесть? – Вовка опростал ноги от валенок, подошёл к матери и приложился холодным ухом к её полной руке выше локтя.

– Промялся? – Стюра Грицай провела рукой по вихру, но он тут же встопорщился.

За её спиной весело потрескивало в очаге – по комнатам разливалось тепло.

– Давай-ка сюда свои лопушки, – сказала тётя Стюра, прижимая к себе голову сына и оттирая его озябшие красные уши.

Вовка посматривал на нас смородиновыми глазами из-под материнской руки и счастливо сопел.

– Натё-ка гостинца, – хозяйка разломилла кусок пирога на три части и подала нам.

И мы уплели его с таким наслаждением, будто это был не обыкновенный капустник, а невесть какое лакомство.

– А ты, Толька, всё хилой какой-то. Или мать тебя плохо кормит, или гуляешь мало? Много, говоришь? Так что ж такой худющий – кожа да кости? Или молока у вас сейчас нет? Вот погоди, весна придёт, корова растелится – будет и молочко...

– Скорей бы уж, – посетовал Юрка. – Зима как надоела...

Поев, мы забрались на печку. В тепле нас разморило, а вот пальцы ломило.

Подошёл хозяин дома, погладил мои волосы большой мозолистой ладонью кузнеца:

– Согрелись? Тогда слезайте, ёлку будем ставить.

Глаза у него хитроватые, с постоянной лукавой усмешкой в глубине.

Самый маленький Грицай – Серёжка скакал, скакал на одной ноге, упал, нос расквасил. Его старшая сестра Людмила присела перед ним на корточки, намазала нос зелёной.

– Не ори, так надо. А то будет заражение крови, и тебе весь нос отрежут.

Увидев нас, она встала и начала собирать в пучок рассыпавшиеся волосы. Они были тёмными, и потому, наверное, кожа на лбу и на висках казалась особенно нежной, матово-белой. Кофточка-безрукавка с широким вырезом на груди оставляла открытыми руки и шею.

Хозяин принёс с веранды пушистую ёлочку с крестовиной у комля, поставил возле окна, в комнате сразу стало темнее. Он широко раздул ноздри, ловя острый аромат хвои, потом поперхнулся, сердито махнул рукой и трудно закашлялся. Лицо его стало тёмным, под стать ёлочным иголкам, в груди что-то хрипело и клокотало.

Прокашлявшись, сказал:

– Кому что, мать честная! Наполеону для настроения Россия была нужна, Гитлеру – весь свет, а кому и так вот, у ёлочки посидеть – красота, милое дело. Как думаете, пацаны, будет из вас толк в жизни? Даст Бог – посчастливит. Жизнь, она ведь что коловерть: кого на дно затянет, в самую тину, а кого на быстрину вынесет – плыви по раздолью.

– Ясный ты на слова, и лампу зажигать не надо, – сказала ему жена от дверного косяка, тоже любясь ёлкой.

– Видишь, какая экономия выходит, забогатеть можно. Что ни говори, а здорово сотворён мир, с отделкой исключительной. Только вот человек в недоделке остался – словно кто помешал в процессе создания...

Жена отмахнулась, сказала, уходя на кухню:

– Ёлка в дом – праздник в нём.

Нина Грицай развешивала на качающихся ветвях стеклянные бусы, а её старшая сестра держала в руках коробку с ёлочными игрушками и декламировала:

– Под голубыми небесами

Великолепными коврами,

Блестя на солнце, снег лежит,

Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит...

Ёлка совсем отошла от мороза. Над хвоей закружилась дымкой пар. На иголках засверкали капли росы. Тянуло от коры смоляной свежестью.

А мне вдруг погрелись сказочные берега далёких стран, крики птиц и шум прибоя, грохот барабана, зовущего на бой, короткая, но кровавая схватка, смуглые плечи и курчавые головы пленников, что склонились на жертвенный алтарь...

– Тотошка!

Я вздрогнул и оглянулся – на пороге в шубейке с платком в руке стояла моя старшая сестра Люся.

– Идём обедать.

– Отстань, я ёлочку наряжаю.

Высоченный кузнец Михаил Грицай на самый кончик ёлки водрузил рубиновую звезду.

– Без этой вершинки – раскосматится.

И засипел широкой грудью.

– Я жду, – напомнила о себе моя старшая сестра. – За вихры тебя тащить? Могу.

– Ты сама-то зайди, – пригласил её хозяин. – Да на ёлку полюбуйся. У вас такая?

– Не-а. Мы вообще не ставили.

– Вы вечером вместе с Толиком приходите, – пригласила Люда Грицай.

– Ладно. Пошли, – теребила меня сестра.

Михаил Давыдович покачал головой, усмехнувшись:

– Думаю, всё думаю, старость пришла, уж и в землю пора, да что-то не хочется. Вот я и говорю иной раз, куда люди спешат – торопятся, будто бегом бега дольше прожить можно.

С сестрой спорить бесполезно – я оделся и побежал домой.

Дома было чисто, тепло и уютно, словом, как перед праздником.

Я поел и забрался на широкую родительскую кровать. Вскоре подкрался сон.

...У меня были крылья – огромные, сильные. Я парил высоко над землёй. Подо мной растелилась незнакомая равнина, виднелись вдали горы. Зорко оглядывая безмерные пространства, я увидел берег чудесной реки. Захотелось искупаться. Приземлившись, почувствовал неясную угрозу. Дёрнул с бедра меч и, очертя голову, бросился навстречу неведомой опасности. Подо мной уже резвый скакун, белый плащ вьётся за моими плечами. А со всех сторон, из-за каждого куста, пригорка или валуна в меня направлены стрелы бьющих без промаха луков. Неведомые стрелки. Кто они? Сколько их?...

Проснулся от яркого света в комнате – Люся читала книгу, притулившись к столу.

Было невыразимо приятно нежиться под тёплым одеялом.

Сестра не заметила моего пробуждения и продолжала неторопливо шелестеть страницами. Должно быть, интересная книга. Но куда ей до моего сна!

– Диковинный сон мне приснился.

– Силён ты дрыхнуть. Что ночью будешь делать?

– В гости пойду.

– Ага, иди. Давно уже пора, да как бы не поздно было – на дворе-то уж темно.

Я бросился к окну, и сердце моё защемила обида.

– Проводи, – наспех, кое-как одевшись, захныкал я.

– Отвянь, – дёрнула плечом сестра.

– Я боюсь – там темно.

– Боишься – не ходи.

– Ага, с тобой сидеть останусь.

– Ну, иди... Я посмотрю, как ты вернёшься, если ещё дойдёшь.

И я пошёл, хотя очень боялся ходить по тёмной улице. Ледяной червячок страха осязаемо шевелился где-то на дне моего сознания. Но улица не была такой страшной, какой казалась из окна. В разрывах облаков мерцали звёзды. Луна где-то блудила, и её матовый свет мягко стелился по окрестности. Снег весело и звонко хрустел под валенками. Мороза не чувствовалось, хотя, конечно, он был – не лето же.

Чёрный пёс вынырнул откуда-то на дорогу, покосился на меня, сел и завыл, уткнувшись мордой в небо.

С отчаянным воплем я бросился вперёд – собака с визгом от меня. Мелькнул забор, и я с разбегу ткнулся в калитку грицаевских ворот. Никто меня не преследовал, никто не гнался за мной. Калитка подалась вовнутрь двора, когда я потянул за верёвочку щеколды. Все окна были черны, лишь гирляндой светилась ёлка. Поднялся на крыльцо, прошёл веранду, толкнул дверь. Ни души, ни звука.

– Есть, кто дома? – прозвучало мольбой.

– Кто там? – Люда откуда-то из глубины комнат.

– Это я, – сказал я.

– А, Толя, – с улыбкой на губах показалась Люда. – С Наступающим!

– Говорили, ёлка будет.

– Проснулся! Так была уже. Ребятишки были – попели, поплясали, получили подарки и разошлись. Ты где был?

Слёзы сами собой побежали по моим щекам.

Люда покачала головой и вытерла мне нос полотенцем.

– Подожди, я тебя сейчас угощу. Там должно что-то остаться.

– Садись, – позвала она меня за стол, – да разденься ты.

Через минуту я уже уплетал какие-то сладости, запивая их компотом, а Люда сидела на диване, погрузив локоть в подушку, подперев щёку рукой, и ладонью поглаживала голое колено.

– Очень жаль, что тебя не было – детвора так уморительно веселилась.

Ей захотелось меня утешить, но как это сделать она не знала. Ей было шестнадцать лет, и она испытывала ко мне материнские чувства. Наверняка.

– А где все?

– К Батеневым пошли.

Не компот, а настоящий нектар! Я потягивал его с наслаждением. И торт, и печенье с выпечкой – я ещё не всё испробовал. А конфет, какая куча! Мне хотелось остаться, но обида и неловкость не проходили. Заявил, что ухожу.

Людмиле было скучно одной сидеть дома.

– Подожди. Идём, чего-то покажу.

Жуя на ходу, протопал следом за ней в тёмноту спальни. Люда быстро освободилась от платья, а шёлковую сорочку обеими руками лихо вздёрнула на самую голову. Это было непостижимо, таинственно и захватывающе интересно. Сейчас мы будем целоваться и ляжем в кровать, подумал я.

– Видел?

– Ага.

– Что видел?

– Ну, тебя.

– Да нет, смотри.

Манипуляции с сорочкой повторились.

– Видел? Искры видел? И всё тело наэлектризовано – светится.

Я поперхнулся непрожеванным куском. Люда надела платье, включила свет и подозрительно уставилась на меня.

– А ты что подумал? А ну, марш домой! Бесстыдник....

Кто бесстыдник? Я? Ну, люди! Вот, народ! Это в душе, а внешне я был вызывающе спокоен и безмятежно доволен собой. Сколь бы старше и умней не была она меня, всё же оставалась женщиной – куда ей до мужика, пусть даже такого маленького, как я.

Ночью приснился сон. Целый хоровод девиц кружился возле моей кровати. Их не видно в темноте – только шарканье ног и скрип половиц. Потом ночные сорочки птицами взмыли вверх, и обнажённые тела угрожающе засветились из темноты.

Я нырнул под одеяло....

2

Сегодня самый замечательный день в моей жизни – мы едем покупать телевизор. Вот только проснётся отец, отдыхающий после ночной смены, и сразу поедим. Я взволнован, мне радостно и чуточку не по себе.

Как долго тянется утро. Тревога наполняет сердце – а вдруг отец передумает. Я так ждал этого дня. Сумбурные чувства теснятся в груди – напряжённое любопытство, счастье, страх, надежда, сомнение, нетерпение.

Будто издали доносится голос сестры:

– А что ты сделаешь, если тебя захотят отлупить?

Я опасливо отодвинулся.

– Не собираюсь тебя бить, просто хочу узнать, что ты делаешь в таких случаях?

Я сунул указательный палец в рот и стал грызть ноготь. Люся вытащила палец из моего рта и посмотрела на руку с обкусанными ногтями.

– Рука как рука. Всё нормально. Скажи, а тебе никогда не хотелось дать сдачи?

Широко раскрыв глаза, я покачал головой.

– Так и будешь всю жизнь козлом отпущения?

Я опустил голову. Палец снова оказался во рту.

– Послушай, Тотошка, – хрипло прошептала она, наклонившись к самому моему уху, – я научу тебя давать сдачи. И когда какой-нибудь здоровенный парень начнёт приставать к тебе, ты покажешь ему, где раки зимуют.

Я вытащил палец изо рта и недоверчиво уставился на неё.

– Ты слышал, как я отлупила Катюку Лаврову? А она ведь старше и больше меня.

Я почтительно кивнул.

– Так вот, я научу тебя, как это делается. Тресь! Тресь! Тресь!

Её кулаки отмузили воздух.

– Тресь! – тихо повторил я, неуверенно сжал кулак и нанёс слабый удар в пустоту.

– Прежде всего, если кто-нибудь заорёт на тебя, никогда не трусь, не веди себя так, будто думаешь, что тебя убьют на месте.

– Тресь! – я неуверенно ткнул маленьким кулачком перед собой.

– Нет, начинать надо с другого. Может, тебя вовсе и не собираются бить. Первым делом – глубокий вздох, – она глубоко вздохнула воздух и подождала, пока я сделаю тоже самое, – рёбра проступили под моей рубашкой, – а потом орёшь во всё горло: «Вали отсюда к чёртовой матери!»

На её крик в дверях комнаты появилась мама.

– Что вы тут делаете?

Она с тревогой посмотрела на меня. А я поднялся на цыпочки, сжал кулаки, зажмурил глаза, сделал глубокий вздох и заорал:

– Вали отсюда к чёртовой матери!

Потом повернулся к сестре и улыбнулся:

– Ну, как, нормально?

– Люся, ... – сказала мама.

– Должен же он, наконец, научиться защищать себя.

Мама остановилась в дверях, словно не зная, что ей делать дальше. Тогда я насмелился, подошёл к ней, выставил перед носом свой маленький кулачок, глубоко вздохнул и пропищал:

– Вали отсюда к чёртовой матери!

Мама покачала головой:

– Дожила...

– Я просто тренируюсь. Это я не тебе сказал.

Мать вытерла нос передником, махнула рукой:

– Чему хорошему, а этому быстро учатся. Лучше б почитали...

– Читать его в школе научат, а вот защищать себя вряд ли.

– Ну, учи-учи, – мать шмыгнула носом и вытерла глаза передником.

– Не собираюсь делать из него задиру, – сказала Люся. – Просто хочу, чтобы он мог постоять за себя. Не может же он прятаться за твою юбку каждый раз, когда кто-нибудь на него не так посмотрит.

Отец проснулся от наших воплей, заскрипел пружинами кровати, поворачиваясь на бок, сказал:

– Вот сподобилось Всевышнему девицу наградить мужским характером, а парнишку наоборот. Послушай меня, сынок. Твоя сестра права, но только отчасти – на каждого драчуна всегда найдётся ещё более сильный соперник. Я научу тебя не бояться никого и ничего. Надо только понять, что такое страх. А это то, что движет нами. Всё на свете держится на нём. Дисциплина и подчинение зиждутся исключительно на страхе. Основы закладываются с детства. Страх перед материнской руганью, перед отцовской поркой, перед упрёками друзей. Страх перед учителем, перед наказанием, боязнь плохой отметки, провала на экзамене. Потом, когда ты взрослый – страх перед начальством, от которого зависит твоя премия и карьера. Страх перед кознями коллег или врагов. Страх перед войной и смертью. Верующий боится ада, неверующий – ошибок. Страх перед болезнью, болью, старостью, одиночеством, непониманием, милицией, психушкой. Страх проходит через всю нашу жизнь. Вообще, она им только и держится. Страх перед тюрьмой заставляет уважать законы. Так было всегда, во все времена. А теперь запомни – когда, как говорит твоя сестра, кто-нибудь не так на тебя посмотрит, ты подумай о том, как много боится он. И тебе станет легче смотреть ему в глаза. И ты ударь его – нет ни кулаком, словом ударь в самое уязвимое место. И если ты правильно определишь его уязвимое место, и правильное найдёшь слово, увидишь, как побледнеет твой враг, испугавшись, и побежит прочь, сломя голову.

Я задрал вверх подбородок и вызывающе посмотрел на сестру: словом бить куда как интересней – что скажешь?

Люся отмахнулась:

– А ну тебя – не в коня корм.

Знаменательный день для меня! И самый обычный для миллионов других людей. Один день из многих. Зимний, серый, скучный – приближающий их к старости. Отцу, конечно, до старости далеко – он отдохнул и теперь энергичен, весел, деятелен. Мы выходим из нашего дома на тихой окраинной улице. На остановке приходится подождать. Появляется автобус, мы садимся. Через несколько остановок въезжаем в Южноуральск. За обледенелым окном – люди куда-то спешат, бестолково суетятся, словно муравьи. Городская суматоха, наполненная своими делами и заботами. В автобусе сплошь угрюмые неприветливые физиономии. Разговоров не слышно. Ни улыбок, ни оживления. А мы-то едем покупать телевизор!

Белесое солнышко, будто ему лень светить, с трудом пробивается сквозь серую мглу. Отец смотрит в окно и молчит о чём-то своём. Можно немного помечтать. Я представил ста-

ринный город, о котором читала вслух сестра. На улочках возле рубленых из крепчайшей лиственницы домов и лавок толпятся казаки, служивые люди, охотники. Подгулявшая компания дразнит у кабака привязанного цепью медведя. К воеводскому дому тащат мужичонку в латанном кафтане. На гостином дворе покупатели прицениваются к сыромятным кожанам, соли, охотничьим припасам, ножам, алым сукнам, свинцу, котлам из красной меди, бисеру. Много всякого добра в пограничном городке. Народ тут лихой, предприимчивый, выдавший виды. И то сказать – что делать в городке на границе Великой Степи ленивым изнеженным боярским сынкам? Ведь, пока доберёшься сюда – натерпишься и горя, и напастей. Это люди своего жестокого века. Они открывают новые земли, торгуют, воюют. Врагов у них не меньше, чем друзей. И свистят в лихой час оперённые стрелы – и падают казаки на дикую землю.... В воздухе носится аромат новогодних апельсинов....

Ага, прокол! Откуда в старинном таёжном городе южные диковинные фрукты? Может, царь воеводе своему в подарок выслал? У царя-то, небось, были. Я вздохнул – вот так соврешь, и не поверят. Ну что ж, перенесёмся мысленно в страну апельсинов. Вижу ясно – берегом реки жарит по песку кучка людей. Бегут и оглядываются. Вслед из густого тростника несётся львиный рык. А впереди-то крокодилы!

Вот бы их сюда. Что б тогда творилось в славном городе Южноуральске, а? Да и в автобусе стало б попросторней, если б из-под сиденья – хватать за ногу! – аллигатор. Может порычать тайком: шибко скучные физиы у горожан – пусть немного порезвятся. И почему у нас нет таких свирепых хищников? Чем наши берёзы, хуже пальм?

Пацаны мне не поверят, что в автобусе на нас напал крокодил и многих проглотил. Откуда, скажут, быть здесь крокодилам в разгар зимы? А вот если бы по улице промчалось стадо слонов, тогда не только люди – машины шарахнулись в стороны, забились по дворам и углам. Это тебе не пешеходов давить – со слонами шутки плохи.

– Пап, а ты мог бы стать капитаном? – спросил я, теребя его за рукав.

– Ке-ем? – в изумлении переспросил отец.

– Да капитаном на корабле.

– А почему бы нет? Не представился случай, а то б попробовал.

– А я буду.

– Ну и молодец. Хорошая работа – много платят. Ну, и уважение конечно.

– Не, я не для денег – путешествовать люблю. Или вот, скажем, на лошади – тоже интересно, всё лучше, чем пешком.

– Про верблюда не забудь, – усмехнулся отец. – Корабль пустыни.

– Школу закончу, – заявил я, – пойду на путешественника учиться. Или сразу, без школы....

– Нет, без школы не возьмут, – на полном серьёзе сообщил отец. – Без школы сейчас только в дворники.

Как мучительно осознавать недостаточность своих знаний! К сожалению, сестра не хочет учить меня читать, говорит – в школу пойдёшь и научишься. До школы далеко. Без книг, где набраться знаний? Ах, да! Ведь мы же едим покупать телевизор! Держитесь, моря и острова – все тайны мира буду знать! Да здравствует телевизор! Но сколько ж можно ехать, пора бы уж.

Нет, капитаном всё же лучше быть. Я б научился курить трубку. А как чудесно плыть по воде мимо неизвестных берегов! Встречи со штормами, стоянки у берегов чужих стран, знакомство с чудесами тропических морей. Сколько себя помню, всегда мне грезились синие дали и белые паруса, тропические пальмы и свирепый рёв шторма. Мне казалось, я знаю, как пахнет смола и пеньковые канаты....

За окном автобуса мелькают кирпичные неопрятные здания. Множество людей мельтешат между ними. Многие из них – воры. Отец говорит, что воришками, как и товарами, город щедро снабжает наш посёлок и район.

Как прекрасна жизнь, между прочим, и потому, что человек может путешествовать! Весь свой век прожить среди этих серых стен, этих людей... Бр-р-р!..

Наконец покинули автобус и вошли в невзрачный дом, в такую же квартиру. Отец с хозяином телевизора долго крутили его ручки. Отец задавал бесчисленные вопросы, а мужик нудно отвечал. Наконец на тысячи вопросов отвечено, все подробности настройки телевизора усвоены, и начались торги, такие же долгие и нудные, и мне всё больше казалось – бесплодные.

Пока отец вёл переговоры, я не спускал с экрана глаз. Там какие-то мужики разгуливали по городу с петухами под мышками. Вот клоуны! А потом петухов стравили для драки – самим, небось, лень.

Переговоры отца с хозяином закончились тем, что последний попросил, как можно скорее покинуть его квартиру. Что делать? Решил вмешаться.

– Жаль, что у вас нет петуха. У нас есть....

Спорщики, как по команде, уставились на меня. Потом хозяин взглянул на экран и всё понял. Расхохотался:

– Чёрт с тобой! Твоя взяла – согласен, но только ради вот этого смышлённыша...

Итак, у нас в доме появился Телевизор. Не сказка и не выдумка. Единственный на всю улицу. Сильно и радостно билось моё сердце. Надо было видеть, каким я ходил гордым и как свысока посматривал не только на сверстников, но и на ребят постарше. Сколько радостных, восторженных минут пережил у его голубого экрана. Сколько новых прекрасных мыслей открыл мне мой светящийся друг. О, как он умел рассказывать даже о самом скучном! Знали бы вы, какие увлекательные сюжеты рождались в моей голове! Например, из документального фильма об истуканах острова Пасхи! А в благодарных слушателях недостатка не было.

Великие перемены с появлением телевизора произошли в жизненном укладе нашего семейства. Все соседи, от мала до велика, стали относиться к нам с величайшей почтительностью. Вечерами у нас собиралась внушительная толпа зрителей. Рассевшись, кто, на чём смог, многие просто на полу, живо комментировали увиденное.

– Спасайте! Утоп!

– Ах, ты, грех какой!

– Гляди-ка, выплыл!

– Где? Верно. Вот это, называется, повезло! Посмотрите – целёхонек!

А сосед дядя Саша Вильтрис как заорёт:

– Он жив! Ура! Ура!

И полез обниматься. Ну, как на стадионе. Увлёкся мужик. На правах хромого он садился, развалившись, в одно из двух наших стареньких кресел.

Иногда это смешило, чаще – надоедало. Тогда отец вставал и решительно выключал телевизор.

– Комедия окончена, артистам надо отдохнуть.

Гости нехотя расходились. Кто-нибудь предлагал поиграть в картишки, с надеждой, что экран засветится ещё раз.

Надо ли говорить, что все зрители, и дети в том числе, были просто влюблены в прелестных дикторш – просто души не чаяли.

Вот как-то одна заявляет:

– Этот фильм детям до шестнадцати лет смотреть не рекомендуется.

Отец покосился на Люсю и её подружку Нину Мамаеву.

– Для вас сказано.

– А чего его не гонишь? – фыркнула сестра, ткнув в меня, примостившегося у отца на коленях, пальцем.

– Он ничего в этих делах не понимает, – усмехнулся отец.
– А там ничего такого и нет, – вмешалась Нина. – Я этот фильм в кинотеатре видела.
– Какого такого? – обернулся отец.
– Ну, такого... Вы знаете.
– Я-то знаю. Вы откуда знаете? Ох, девки, девки, как быстро вы вырастаете – беда, да и только.

Я украдкой показал сестре язык и кивнул – вали, мол, отсюда. А потом пожалел – ах, как бы ни поплатиться.

3

Новогодние каникулы закончились. Скучно стало на улице. Да и дома, когда отец отдыхал после смены, а мама не разрешала включать телевизор. Дошкольником быть очень плохо. Все друзья на учёбе. У них время летит быстро, весело, незаметно. Им есть чем заняться – мне нет. А хочется большой, бурной жизни. Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или сочинить толстенный роман.

Я живу в тоске, потому что не умею ни писать, ни читать. Неграмотный я по причине своего малолетства, но чувствую в себе силы и способности на тяжкий умственный труд. Вот слепые же пишут романы, и музыку, и стихи. За них кто-то записывает. Вот бы мне такого писарчука – уж я бы надиктовал!

Хуже всего, что никто не понимает моих мук. Все смотрят на меня, как на малыша, которому достаточно дать конфетку, чтобы он отстал и не путался под ногами. А можно просто взъерошить волосы – иди, гуляй. Остаётся одно – мечтать. И это спасение от вселенской скуки и людских обид.

Смотрю на высокий сугроб, представляю его Кавказским хребтом, а себя – путешественником, заросшим чёрной бородой, голодным, продрогшим от холода. Я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот это жизнь! Вот бы мне попасть в экспедицию! Нет, не возьмут: скажут – окончи школу. А потом – институт. А потом...

А потом я и сам не захочу в горы, сяду за стол и буду писать романы в тихом, уютном кабинете. Мир потеряет великого путешественника и открывателя. Точно. Стану Героем, Гением, Человеком, которым гордится страна, если... Если не помру со скуки в начале самой своей жизни. Господи, как тяжело жить! Скорей бы весна. Когда много света и солнца. И сады начинают пахнуть так, что бодрость преследует тебя даже во сне.

Но ничто не вечно в этом мире – даже скука, глубокая, как горе. В соседском огороде появились Вовка Грицай с маленьким Серёжей. Жеребёнком, ошалевшим от радости, я поскакал им навстречу – благо, забора между нашими огородами не было.

– Н-но! – подгонял сам себя.

Серёжка, укутанный в шаль, сиял глазами, в улыбку губы распустил. Глядя на солнце, на сверкающий в его лучах снег, смеялся:

– Солнушко, гы-го-го...

– Цы-па, цы-па... – манил резвящихся воробьёв.

– Здорово, Вов-Чик! – бодро, звучно, нажимая на «ч», говорю я. – Как школа? Происшествий не было?

– Какие там могут быть происшествия? – пожимает плечами сосед.

– Ну, не скажи – столько пацанов вместе... Неужель чего нельзя придумать?

– А учителя?

– А голова на что? Ну, хоть бы после школы отлупить девчонок.

– Чё ты несёшь?

Я посмотрел на Вовку со смутным беспокойством – начал задаваться? Школьник.

– Ты, наверное, с девчонками дружишь? – съязвил я и покрутил пальцем у виска. – Похоже, школа ничему хорошему не учит.

– Я тебе сейчас покажу, чему нас учат в школе, – сказал Вовка и выломал обезглавленный подсолнух.

– Ура! Сейчас будет рыцарский турнир, – я тоже вооружился и поскакал вокруг соперника.

– Коли! Луби! – возбудился маленький Серёжка.

Ему удалось выломать прошлогоднюю будыль из снежного покрова, и он напал на брата с другой стороны.

– Ну, начинается потеха, – пригрозил Вовка и повёл на меня атаку.

Я отступал, отбиваясь, и хрипел страшным голосом, изображая чудо-юдо лесное:

– Добро пожаловать, богатырь, в гиблые места!

– Ты давай, работай, – Вовка лупил своей палкой по моей. – Сейчас я тебя уложу на раз-два-три... Раз...! Два...! Три...!

– Ула! – Серёжка ткнул своим «копьем» брату в глаз.

Вовка вскрикнул и доказал, что в школе он чему-то всё-таки научился – разразился отборнейшей бранью.

– Я тебя щас на куски порву, – пообещал он брату, а сам пнул его так, что Серёжка кубарем полетел в сугроб.

Вовка убежал домой, закрывая ладонями лицо. Младший Грицай орал, лежа в снегу, и плач сотрясал его тело. Я мог считать себя победителем турнира.

– Эй, вы, что тут вытворяете? – через забор перешагнул Валерка Журавлёв, по прозвищу Халва, и подошёл к нам.

Не думайте, что он долговязый великан – просто в недавнюю метель намело такой сугроб, из-под которого забор наш едва виден. Вдвоём мы подняли Серёжку, отряхнули от снега, уговорили не реветь и не жаловаться, повели домой.

– Залазьте, – Вовка позвал нас с тёплой печки, сияя «фонарём» под глазом, и кивнул на брата. – А этого бандита сюда не подсаживайте. Полезайте, я тут засаду устроил – в войну поиграем. Мамка разрешила.

– А парашут есть? – осведомился Валерка. – Высоко падать, если что.

На маленькой печке, заваленной всяким хламом, шибко-то не развернёшься. Какого чёрта здесь держат тулупы вместе с валенками? Впрочем, без них на голых кирпичках поджариться можно очень запросто. А из валенок, при желании и небольшой фантазии, неплохие пулемёты получаются. Вот мы и застрочили в три голоса.

– Здесь и спать можно, – похвалил я печку и пожалел, что у нас дома такой нет.

– Была нужда, – отмахнулся Вовка. – У меня кровать есть.

– Я, когда женюсь, с женой буду спать, – заявил Халва.

– А я женюсь на дикторше из телика, – поддержал тему Вовка.

Я обиделся – телевизор мой, значит, и дикторша моя. Какое он имеет право на ней жениться? Да никакого. Заявил об этом, и обиделся Вовка.

– Я вообще жениться не собираюсь, – сказал я. – А девчонок буду лупить, где не встречу.

– Ты ещё маленький, – сказал Халва, – и ничего не понимаешь.

– Сам ты маленький, – оборвал я его.

Играть совсем расхотелось, да и жён себе выдумывать. Повисла гнетущая тишина.

– А пойдёмте, ходы в снегу рыть, – предложил Валерка.

Вспомнил ворчание отца, когда в последний раз просил у него для этих целей лопату.

– Делать вам нечего. Лучше б снег от фундамента отбросал – весной работы меньше будет.

– Не, – предложил я. – Пойдёмте окопы рыть. Должны, точно знаю, должны враги напасть на наш дом. А мы окопы выроем и всех перестреляем. Пока врагов ждём – телик посмотрим.

Телевизор – аргумент. Ребята сразу согласились, что окопы возле дома рыть интересней, чем ходы в сугробе.

Это с тёплой печки работа казалась лёгкой и интересной. Недавняя метель так скрепила снег, что я быстро выдохся и заскучал. Чтобы как-то поддержать боевой настрой, предложил хором спеть. И первым затянул:

– Шёл отряд по берегу, шёл издалека...

Песню о героическом Щорсе мои друзья не знали, но дружно подхватывали припев:

– Ээ-эй! Ээ-эй! Красный командир...

Мама в окно постучала, перед ртом шепотью машет – обедать зовёт.

– Продолжайте, я сейчас.

За столом усидеть не было сил – на подоконник пристроился с тарелкой, ем и наблюдаю, как ребята в снег вгрызаются.

Отец увидел, подивился и похвалил:

– В жизни всегда так бывает – кто-то вкалывает, а кто-то руками водит. Учись, сын, головой работать – лопата от тебя не уйдёт.

Отец ушёл скотину убирать, а мне на мороз не хочется. Сестра уроки учит – прочитает в учебнике, захлопнет, сунув палец закладкой, глаза закроет и повторяет вслух:

– Чьи это поля, чьи это мельницы? Это панов Вишневецких. Это...

Забудет, собьётся и вновь в книгу подсматривает.

– Чья это дура с книжкой у печки? Это панов...

Хлоп! Люська стукнула меня учебником по голове. Я бросился на сестру с кулаками, но она так лягнула меня в живот, что я кубарем (как давеча Серёжка) улетел под кровать. Оттуда возвестил на весь дом, что не очень-то доволен подобным обращением с будущим Героем Всей Страны. Крупная слеза упала на пыльную половицу и застыла стеклянным шариком. Мама вошла с кухни.

– Смотри, как она меня лупит, – сквозь рёв жалуюсь я. – У меня даже один глаз выпал.

Мама вопросительно посмотрела на сестру. Люся, зевнув в учебник:

– Уроки учить мешает.

– Следая. Не лезь, – мама подвела итог инциденту и удалилась на кухню.

Жду отца – уж он-то заступится, наведёт в семье порядок. Но вместо отца заходят ребята.

– Вон он, ваш командир – под кроватью хнычет, – сказала мама.

После такого представления вылезать совсем расхотелось. Ребята постояли немного у порога и ушли. Отец пришёл.

– Плюнь и растери.

Разделся, лёг отдыхать перед сменой.

– Толик, айда бороться.

Я тоже разделся и кинулся на отцовы ноги. Они сильные и очень хитрые – всё время норовят скрутить меня в бараний рог. Долго выпутывался, устал.

Отец:

– Тащи книгу – почитаем.

С Люськой мы сказки читаем, а с отцом толстенную книгу «Следопыт». Про индейцев, про войну. Вообще, жутко интересную. Отец начинает бойко, потом запинается, делает паузы и умолкает. Книга падает ему на грудь. Он вздрагивает и начинает снова, с уже прочитанного. Так повторяется несколько раз. Наконец, он решительно откладывает книгу и говорит:

– Давай поспим.

Ну, что ж спать, так спать. Но сначала.... Вот бы мне ружьё такое, как у Следопыта – чтоб само метко стреляло. Я б тогда.... А кто б узнал? Как ни суди – а без Филимона Купера

о Следопыте никто б не узнал. Придётся братья за перо. Уж я бы написал – видит Бог! Глаза начинают слипаться, но уснуть не удаётся – мама позвала:

– Толя, собирайся в баню.

Зимой баню топят редко – в морозы дров надо много, поэтому используют любой случай, чтобы напроситься к соседям. А у нас телевизор – как приглашенный билет. В этот раз Нина Мамаева прибежала за сестрой.

– С девчонками не пойду, – заявил я.

– Я тебе не пойду, – мама грозит сначала пальцем, потом кулаком.

Приходится вылезать из тёплой постели. Но и девчонки не в восторге от моего общества.

Люся:

– Да он уж большой, чтоб с нами ходить.

Мама:

– Помоете, не сглазит.

Нина:

– Помоем, конечно, помоем. Айда, Толяша, на ручки.

Это она из-за телевизора такая ласковая. А может, я ей симпатичен? Она-то мне определённо нравится – больше всех Люсиных подруг. Я когда вырасту, наверное, на ней и женюсь. Вот интересно, кто на Люське женится? Впрочем, пусть это будет хороший человек. Жалко её – сестра всё же, и не всегда она со мной дерётся, иногда защищает и книжки читает, когда попрошу. Размышляя об этом на полку в бане, я плескался водой на девчонок.

Сестра:

– Чё сидишь, как барин – кто-то тебя мыть будет.

– Смотрю, – неопределённо ответил я и тут же пожалел.

– Смотришь? – Люся придвинулась ко мне. – Смотришь?

И хлесть мне мыльной мочалкой по лицу. Сразу глаза защипало. Я заревел.

Нина вступилась:

– Люська, ты что сдурела?

Она попыталась промыть мне глаза. Я не дался и получил ещё и подзатыльник. Не видел от кого, но, думаю, что от сестры, потому что Нина отнесла меня в предбанник, где я и прохныкал, пока не пришла мама.

4

К соседям Томшиным сын Володька приехал из армии с молодой женой. В первый же день молодка поскандалила со свекровью и ушла к соседям. Приютили её Власовы, у которых, говорили, старик в войну предателем был. Они были нелюдимы, их не любили. Володька метался от жены к матери, пытался примирить, потом, отчаявшись, запил.

– Езжай туда, откуда приехал, – заявил ему родитель Пётр Петрович Томшин. – Ты мне больше не сын.

За дело взялся мой отец. Он привёл Володьку к нам домой, поил и потчевал, приговаривая:

– Ты ешь, ешь, и тогда тебя никакая хмелюга не возьмёт – по себе знаю.

Беседовал с ним, беседовал. Про себя рассказывал. Была у него большая любовь с медсестричкой одной, когда после ранения на фронте в госпитале лежал.

– Ну, казалось, ни минуты без неё прожить не смогу. Выписка тут подоспела. Как без неё ехать? И она на службе. Хотел остаться. Сама уговорила – поезжай, мать повидай. Дома, веришь ли ты, как с поезда сошёл, забыл, как и не было её. Через полгода письмо прислала: «Что ж ты, сокол мой ясный...» А я, веришь, даже лица её вспомнить не могу.

Поучал гостя:

– Не любовь, это Петрович, приворот один. Любовь – это когда дети общие, хозяйство, и тебе другой женщины на дух не надо. Рви ты с ней, ломай своё прошлое, пока совсем голову не задурила. Ищи такую, чтоб мать уважала – такая для жизни нужна.

Судьба первого Володькиного брака была решена. Однажды я увидел приезжую. Шла она мимо, худенькая, тонконогая, глаза большие, чёрные и затравленные. Со спины она была жалкая, но взглянешь на маленькое упрямое личико и невольно думаешь, что есть в ней что-то колдовское. Походив по судам и Советам, вскоре она уехала ни с чем. Володька завербовался на Север и отправился в те края, где деды его упокоились.

5

Среди ночи взлаяла собака – пришли Николай и тётя Маруся Томшины. Он одет, она в пальто поверх ночной сорочки – Пётр Петрович опять гульбу учинил. Отец пошёл успокаивать. Сосед встретил его с топором в дворовой калитке.

– Брось топорюгу, давай поговорим, – предложил отец.

Пётр Петрович с размаху всадил его в столбик:

– Заходи, коль не боишься.

Отец не боялся. Томшин был лыс, курнос, маленького роста, невзрачного вида мужичок. Подвыпив, всегда ревновал свою жену. И хоть повода она не давала, он обвинял её в отсутствии любви. А она, без преувеличения, красавица, каких поискать. Оба из раскулаченных семей, встретились на Севере. Только у Петра Петровича умерли родители, и ему разрешили вернуться в мир обетованный, а Марусе ещё куковать, если б не поженились...

Кроме Николая у Томшиных были ещё два сына. Про Володьку я уже рассказывал, а Геннадий учился где-то. Коля – младшенький, ему с отцом не совладать. Немного погодя ушли женщины – мама с тётей Марусей. Мы – Люся, Коля и я – сели играть в домино. Вечёрка затянулась. Зеваем во всю ивановскую, а от взрослых вестей нет. Лица у нас мрачные, на душе тревога.

– Чего он там? – спросила сестра.

– Из-за Володьки, – покривился Николай.

Николай – старшекласник. Он старше Люси и пытается держаться солидно, но обстоятельства тому не способствуют.

– Я не понимаю, – пожал плечами сестра. – Чего этим взрослым не хватает?

Николай виновато потупился – наши родители свои скандалы к ним не носят.

6

А ещё у нас в соседях тётя Груша (Аграфена Яковлевна) Лаврова и дядя Саша Вильтрис. Он латыш и попал в наши края в войну – то ли беглый, то ли сосланный, к армейской службе непригодный: у него мокрая язва на ноге. Он мало пил, много шутил, поднимал гири для здоровья и научил кота прыгать через веник. Мы с ним ладили.

У тётки Груши трое детей – Иван Алексеевич, Николай Алексеевич и Екатерина Александровна, а фамилия у всех Лавровы. Николай, когда пришёл из армии, подарил мне золотых птичек из погон – ни у кого таких не было. Он куражился несколько дней, как положено у дембелей, а потом его порезали ножом хулиганы. А может, бандиты – разное говорили. Только Николай отмалчивался. Он и из больницы вышел забинтованный – торопился, потому что старший брат Иван надумал жениться. Из пожарной охраны взяли лошадей для форсу. Особенно заметен был вороной жеребец Буян. Зверь, не лошадь – говорили знатоки.

Николай дал мне задание:

– Всех ребят собирай к магазину – покатаю.

Почему к магазину? А по нашей улице зимой не то, что лошади, пешеходу не пройти – так заносит. Николай сначала возил гостей свадьбы чин-чинарём – Буян бежал красивой рысью. Все веселились и кричали прохожим:

– У нас свадьба!

Нам, пацанам, тоже удалось разок прокатиться – с Бугра до самого вокзала и обратно. Потом наш возница крепко выпил за столом и опять взялся за вожжи. Желающих с ним кататься не нашлось. Тогда он кликнул пацанов – кому-то надо дурь свою показать. От кнута и посвиста Буян рванулся в галоп – разукрашенные сани понеслись. Дышать становилось всё труднее – казалось, сердце выскочит из груди и помчится прочь, оставив тело в санях на произвол судьбы. От свиста ветра в ушах и звона колокольчиков под дугой должны были лопнуть барабанные перепонки. Как мы прохожих не подавили, уму непостижимо – тогда ведь тротуаров не было. На крутом вираже сани перевернулись, и мы полетели в снег. Я потерял шапку, а потом нашёл – на ней сидел Вовка Грицай и, держась за плечо, громко стонал.

– Что с твоей рукой? – спросил я.

– Кажется, сломал.

Остальные хохотали. А если не сугроб – было бы до веселья?

7

Сугробы громоздятся у нас Гималаями. За околицей до самого леса холмистое поле – вот на нём-то, разгоняясь, и берут начало зимние метели, а потом, врываясь в посёлок, озорничают по дворам и крышам, чудно перестраивают всю архитектуру по своей прихоти. Спрессованный ветром, спаянный морозом снег плотными хребтами перекрывал улицы, рассекал огороды, накрывал заборы, устраняя все границы. Если попадал на пути дом – и его заносил до самой крыши. Трудно было угадать, где пройдёт снежный вал в следующую метель, из чьего дома соорудит он берлогу. Для хозяев бедствие, для ребятишек отрада. Бегать можно напрямки, через чужие огороды – заборов не видно. И на санках кататься с пологой кручи – не надо горку заливать. И ходы можно в сугробах рыть – хоть целый город под снегом, было б желание.

Как-то вечером собрались девчонки погулять, и я за сестрой увязался. На улице светло, как днём – звёзды блещут рядом с яркой луной, снег сияет, искрится, будто днём в солнечных лучах. Мороз бодрит и задорит – э-ге-гей, каналы! По сугробу плотному, как дорога, разбежишься, будто по воздуху летишь – под ногами верхушки деревьев.

Дом Ершовых занесло под самую крышу – гребень сугроба припаялся к грибку ворот. Калитку даже и не открывают – прорубили сверху ступени снежные к дверям. Смешно. И страшно – вдруг однажды заметёт, и из дома не выберешься до весны. Да доживёшь ли?

Витька Ершов возле дома ходов в сугробе понорыл, будто крот. Лабиринт – запутаешься. Если вверху светили, слава Богу, звёзды и луна, то лаз чернел кромешной тьмой. Девчонки заглядывали, но лезть не решались. Вдруг из него донёсся звук, от которого похолодело внутри. Это мог быть тот самый страшный Бабайка, которым пугают старухи. А может...

Из лаза раздался грозный рык. Девчонки с визгом бросились врассыпную. А я... Меня сбили с ног и чуть не затоптали в сугроб. Очень близко, за моей спиной заскрипел снег под чьими-то ногами. Я в ужасе обернулся – Виктор Ершов!

– Что, малыш, перепугался? Вставай, сейчас бабё попугаем.

Прекрасная мысль! Отличная мысль! Сейчас мы покажем этому трусливому племени, где раки зимуют. Я побежал вслед за Ёршиком, дико вопя и махая над головой руками – для пущей жути. Но куда мне за ним угнаться, таким долговязым. Сначала потерял из виду, а когда нашёл, он уже вполне мирно беседовал с девчонками и приглашал в свой лабиринт. Они отказывались. Наконец Натка Журавлёва согласилась и полезла за Виктором в чёрную дыру. Долго

их не было. Подружки сказали – они там целуются. Вполне возможно – Ёршик многим девочкам нравился.

8

Тогда я тоже решил возле дома вырыть лабиринт в сугробе – прохожих пугать. Стою с лопатой у ворот – ребята мимо с клюшками идут на каток в хоккей играть. Сашка Ломовцев что-то шепнул, и все остановились, глядя на меня.

– Толька, – спрашивает Ломян. – Тебе сколько лет?

Я молчал, подозревая подвох. Скажешь «семь», начнут смеяться – почему не учишься, иль для дураков ещё школы не открыли? Скажешь «шесть», в ответ – и в кого ты такой умный в дурацкой-то семье?

– Так и...

– Шесть, – осторожно начал я и добавил. – Седьмой пошёл.

Ребята переглянулись и весело расхохотались.

– Что я говорил! – ликовал Ломян. – Он и в прошлом году также отвечал.

И повернулся ко мне:

– Шесть-седьмой иди домой.

Мальчишки, посмеиваясь, пошли дальше. Поразительными иногда бывают человеческие симпатии. Ведь не позже, как вчера с этим самым Сашкой мы болтали душа в душу, и казался он мне самым лучшим на свете другом. А теперь.... Ненавижу его до бессильной ярости. Чего бы не отдал, не сделал ради того только, чтобы увидеть Ломана униженным, растоптанным, чтобы насладиться за свою обиду. Теперь он мой враг – ненавижу и презираю его.

– Толяха, пойдём играть в хоккей, – это Славка Немкин позвал.

Лява авторитет на улице – его многие боятся.

– У меня клюшки нет.

– Ерунда – на ворота станешь.

На болоте от берега до камышей была расчищена площадка. Воротами служили четыре замороженные в лёд палки. Славка, как чёрт, носился на коньках, один обыгрывал полкоманды. А я самоотверженно стоял у него на воротах, хотя толкали меня немилосердно, и шайбой несколько раз припечатали – будь здоров! Разок в свалке Славкин конёк чиркнул по моей переносице. Лява в последний момент бросил тело на лёд, чтобы не разрезать моё лицо на две половинки – верхнюю и нижнюю. Я-то не пострадал, а вот Немкин встал со льда, морщась от боли. Поднял меня, поставил на ноги, отряхнул, подмигнул, и игра продолжилась. И я стоял на воротах, готовый бороться, вгрызаться зубами, впиваться когтями, отстаивать себя и честь команды во имя победы, как хлеба насущного. Получать ушибы, шишки, травмы... Ура! Наша взяла!

Однажды игроков на площадке собралось так много, что мне и места не хватило – стоял среди болельщиков. Вдруг раздался свист и следом крик:

– Октябрьские!

Ватага ребят спускалась к берегу. Забыв про хоккей, размахивая клюшками, как дубинками, мы бросились навстречу врагам. Я не любил драться, но бежал вместе со всеми, хотя и в последних рядах. С ходу бой завязать не удалось – не нашлось зачинщика. Покидавшись снежками, вступили в переговоры. Тема вечная – чьё болото, кто у кого капканы снимает, кто чьи морды трясёт....

Посоветовавшись меж собой, командиры решили не кропить снег вражеской кровью, договорились в прятки играть команда на команду – одна прячется, другая ищет. Контрольное время – полдень (время в школу собираться). Проигравшие развозят победителей по домам на загорбке. Одно не учли атаманы – наша улица вот она, рядом, крайний дом на берегу стоит,

а до Октябрьской шлёпать и шлёпать, да ещё в гору. Впрочем, участвовать никто не заставлял. Все побежали, и я побежал – нам выпало прятаться.

Я отстал, конечно, скоро, да и какой смысл бегать – играем-то в прятки. Присмотрел в камышах кучу ондатровую и притаился за ней. Над болотом крики носят яростные и ликующие. Долго лежал, замёрз. Потом смотрю, Витька Ческидов в камыши залез – нужду справляет.

– Витёк, – спрашиваю. – Игра-то не кончилась?

– Толян! – удивился тот (а мне показалось, испугался). – Сиди, сиди, не вздумай вылезать. наших, кажись, всех переловили. Сдаваться не будем, пока тебя не найдут. Так что сиди, не трепыхайся.

Слышу спор неподалёку.

– Все.

– Не все – малька нет.

– Какого малька?

– Толькой кличут.

– Толька! – понеслось над болотом. – Вылазь, домой пойдём.

– Агарыч сиди. Врут они – найти не могут.

И следом:

– Шесть-седьмой не ходи домой – позовём, когда надо.

Вот сволочи! Я бы вышел. На зло. Но уже октябрьские кричат:

– Морду набьём. Ноги оторвём. Вылазь, падлюка, говорю.

– Не бойсь, Толян, сами получают, – это уже Лява Немкин, его голос ни с кем не спутаешь.

И я сидел, дрожа от холода и недобрых предчувствий.

– Всё! Время! – кричит Коля Томшин. – Выходи, Толик, мы победили. Выходи! Это я, Томшин. Ты меня узнаёшь?

Коля ладошки рупором сложил и кидал свои слова куда-то вдаль. А я выползаю из камышей в двух шагах от него:

– Да здесь я, здесь.

Выползаю для форсу разведческого. Получилось – наши меня хвалят, качать кинулись. Но я эти приколы знаю – два раза подкинут, один раз поймают – и начал орать благим матом. Спас меня атаман октябрьских Лёха Стадник – поймал на руки, не без умысла, конечно.

– Молодец, заморыш.

Посадил на плечи. Кричит своим:

– Долги платим, братва!

Довёз до самого дома. А потом мы вместе хохотали, глядя на то, как октябрьские корытшки везли, шатаясь, на себе наших бугаёв.

– Смотри, Лёха, как нам достаётся из-за твоего заморыша, – жаловались они. – Убить бы его надо.

– Потом как-нибудь, – пообещал Стадник. – А сейчас смотрите, как весело!

9

Как-то Коля Томшин, увидев меня в огороде, предложил:

– Зови парней, в войнушку поиграем.

Дома застал только Вовку Грицай. Вооружившись деревянными пистолетами, мы перелезли к Томшиным в огород. Николая нигде не было видно. И вдруг кучка снега зашевелилась, перепугав нас до полусмерти. Из неё выскочил Колька в белой накидке из простыней с автоматом, как настоящий ППШ, и застрочил губами:

– Тра-та-та-та...

Раззадоренные пережитым страхом, мы дружно ответили ему из пистолетов:

– Бах! Бах! Пых! Пых!

И бросились в атаку.

– Окружай! – орал я. – Живьём возьмём! Хенде хох! Русиш швайн!

Колян кинулся на замёрзшую навозную кучу. Мы следом, но с трудом – для нас слишком круто.

– А, чёрт! – ругался русский партизан. – Патроны кончились.

– Ура! – ликовал я. – Хай, Гитлер!

И Вовка вторил:

– Сдавайся партизанин!

Коля выдрал из гнезда автомата диск, бросил не глядя, рванул с пояса запасной. Тяжёлый кругляш, выпиленный из цельного ствола берёзы, прилетел с кучи точно Вовке в лоб и сбил его с ног. Падал он красиво, но орал препротивно – думаю, настоящие немцы так не поступают. Хотя шишка на лбу соскочила – будь здоров.

Играть расхотелось. Томшин растёр повреждённый лоб снегом и всё уговаривал Вовку не жаловаться. Зря распинался – мой друг не из тех, кто несёт обиды домой. А что ревел – так больно очень. Боль пройдёт, и он утихнет.

– У меня ещё кое-чего есть, – похвастал Николай.

Забрались на крышу сарая. Из-под снопов камыша Коля извлёк пулемёт «максим». Только ствол и колёса деревянные, остальные все части металлические. И ручки, и щиток. Даже рукав какой-то, причудливо изогнутый, в нём лента с пустыми гильзами. Ну, совсем, как настоящий.

– Тут кое-что от настоящего пулемёта, – пояснил Томшин. – С самолёта снял, на аэродромной свалке.

Вовка, чувствуя себя именинником, предложил:

– Давай поиграем.

– Давай.

Пулемёт сняли с крыши, установили в Петра Петровича плоскодонку, которую он на зиму притащил с болота.

– Мы в тачанке, – пояснил ситуацию Николай. – Вы – лошадей погоняйте, а я – белых косить...

Мы с Вовком засвистели, загикали. Коля тряс пулемёт за ручки:

– Ту-ту-ту-ту...

До темна бы играли – жаль в школу ребятам пора. Договорились завтра встретиться на этом месте и продолжить. Но наутро Николай явился сам.

– Ты пулемёт свистнул? – процедил сквозь зубы.

Я не брал и мог бы побожиться. Но предательская краснота полыхнула от уха до уха, губы задрожали, к языку будто гирию подвесили. Ведь знал же, где спрятан – значит мог...

– Не я, – пропищал, наконец, не самое умное.

– Дознаюсь, – мрачно пообещал Томшин. – Пошли к твоему другу.

Вовка сидел на корточках в углу двора и на куске рельса крошил молотком пулемётный рукав.

– Ты что, гад, делаешь? – Коля глаза округлил.

Вовка не готов был к ответу и сказал просто:

– Я думал, это магний – бомбочку хотел сделать...

И заревел, ожидая жестокой расправы.

– Магний и есть, а бомбу я сейчас из твоей бестолковки сделаю. И ещё футбольный мяч.

Вовка попятился, размазывая соплю по щекам, взгляд его лихорадочно забегал по двору, ища пути отступления.

– А я, а я, а я... скажу, что ты у нас простыни спёр. Ведь у нас же, у нас...

Суровость Томшина растаяла.

– Ну, ладно. Отдавай, что осталось.

А мне:

– Ну, и приятели у тебя...

Эх. Вовка, Вовка! Как ты мог? Ведь мы с тобой собирались удрать летом в Карибское море и достать золото с испанских галеонов, которыми там всё дно усеяно. Просто никто не догадался нырнуть, а может акул бояться. Ну, нам-то точно повезёт. Я уверен. Вот в тебе теперь нет. Ты и золото, нами найденное, покрасть можешь, и меня того... следы заметая. Вообще, потерял я друга и будущего компаньона. Надо будет нового подыскать.

10

Потом ударили морозы – даже школьникам разрешили не посещать занятия.

– Люсь, почитай.

– Отстань.

– Ну, почитай.

– В ухо хочешь?

В ухо я не хотел. Помолчал и снова.

– Давай поиграем.

Сестре некогда со мной возиться – она уборкой занималась.

– Погляди в окно – кто по улице идёт?

– Вон тётя Настя Мамаева.

Люся, подметая:

– Тётя Настя всех понастит, перенастит, вынастит.

– Ты что, дура?

Сестра погрозила мне веником.

– Глади дальше.

Заметив нового прохожего, сообщил:

– Вон, Коля Лавров.

– Дядя Коля всех поколет, переколет, выколет.

Эге. Вот так смешно получается. Занятная игра. Вижу очередного прохожего, кричу, ликуя:

– Дядя Боря Калмыков!

И хором с сестрой:

– Дядя Боря всех поборет, переборит, выборет.

Мороз разрисовал причудливыми узорами окно. Легко угадывались белоснежные пляжи и лучезарное небо, кокосовые пальмы на ветру и фантастические бабочки, драгоценными камнями рассыпанные по огромным тропическим цветкам. Тонкий и пьянящий аромат экзотических фруктов чудился мне за прохладной свежестью стекла.

Я ковырял ногтём ледяные узоры и думал о сестре. Перебирал в памяти всё, что было известно мне о ней, и понимал, что мало её знаю. Нет, я её совсем не знаю. Она гораздо лучше и умней. И потом, она такая смелая у нас. Может, её пригласить за сокровищами? Вот родители удивятся, когда мы явимся домой с мешками золота и жемчугов. Стоит подумать...

11

А когда отпустили морозы, пошли с отцом во взрослую библиотеку. Кружился лёгкий снег. Было тепло и тихо. У дороги стоял маленький домик без палисадника. «Как можно без

забора? – подумал я. – Каждый возьмёт да и заглянет». Подумал и залез на завалинку. Заглянул и очень близко у окна увидел на столе старческую руку. Испугался и отпрянул, побежал за отцом. Думал, как много на земле людей – больших и малых, старых и молодых, злых и добрых. Им и дела нет, что живёт на свете такой мальчик Антоша Агапов и никому зла не желает. Почему бы его не полюбить? Так нет. Все стараются его обидеть, унижить, только лишь потому, что они сильнее.

В библиотеке, я знал, на книжных полках жили, сражались, погибали и никогда не умирали разные герои. Они плыли на кораблях, скакали на конях, летали на самолётах. Они стреляли и дрались. А что они ели! Господи! Только представьте себе – они лакомились ананасами и экзотическими островными фруктами, а также морскими моллюсками с нежными раковинами и устрицами, большими и маленькими, зелёными, голубыми, золотистыми, кремовыми, перламутровыми, серебристыми, жареными, варёными, тушёными с овощами, с сыром, запечёнными в тесте. . . .

Я кинулся на книжные полки, как на вражеские бастионы.

– Не унести, – сказал отец, увидев мой выбор.

Удивился, расставляя книги на свои места:

– Это тебе зачем?

То был «Капитал» Карла Маркса.

– Я думал, прочитаем и богатыми станем.

– Книги, – внушал отец, – самое долговечное, что есть на свете. Писателя уже давно нет, а его все помнят и любят. И героев его тоже. Я много чего повидал в жизни, рассказать – целый роман получится. Давай расти, учись, напишешь про меня книгу. Я умру, а люди будут знать – жил такой.

Мне стало жаль отца, жаль себя сиротой. Захлопал носом:

– Ты не умирай, не умирай. . . Ладно?

– Дуралей, – отец ласково прижал мою голову к боку. – Все мы когда-нибудь умрём.

Было тепло и тихо. Кружился и падал лёгкий снег.

12

Дома не сиделось. У соседа дяди Саши Латыша кот через веник прыгает. Вот и я решил подзаняться нашим рыжим Васькой. Только мне фокусы разные ни к чему. Мне нужен надёжный друг в далёких походах и опасных приключениях. А Васька наш ни одной собаки в округе не боялся. Такой смельчак меня вполне устраивал.

Я вышел за ворота:

– Кис-кис-кис. . .

Васька подбежал, хвост трубой, потёрся о валенок. Впечатления бывалого моряка он явно не производил.

Я дальше отошёл:

– Кис-кис-кис. . .

Ни в какую. Будто черта невидимая пролегла. Васька делает два шажка вперёд и останавливается. Потом крутиться начинает, будто на цепи. А потом и вовсе домой убежал. Но и я не лыком шит – решил обмануть кошачью натуру. Это он пока дом видит, туда и стремится. Отловил кота и унёс за околицу – теперь попробуй! Что Вы думаете? Припустил мой хвостатый помощник в походах со всех ног прочь, будто знает, где его дом, и там у него молоко на плите убежало. Вот тебе и друг-защитничек. Запустил ему вслед снежком и решил больше не связываться.

Огляделся. Сеновал подзамело изрядно. И всё-таки ему повезло – сугроб прошёл мимо. Что прихватил, так это свалку. Ну, свалка не свалка, а яма такая большая за околицей. В ней глину берут для строительных нужд и следом засыпают всяким мусором.

Пошёл проверить, как сугроб с ней расправился. Ух, ты! Нашёл дыру в снегу, узкую, как воронка, как раз такая, чтоб человек упал туда, а вылезти не смог. Вот если б я её вовремя не заметил, так и поминай Толю Агаркова – замёрз, и до весны бы не нашли. Дна не видно – чернота. Страшно стало – а вдруг там кто прячется, сейчас как выскочит....

Надо бы ребят позвать, да никого на улице нет. Побрёл домой со своей тайной.

Ночью была метель. Когда наутро мы пришли туда с Серёгой Ческидовым и Юркой Куровским, никакой дыры не было. То ли забило её под завязку снегом, то ли сверху затянуло настом.

– Была, братцы, ей богу, была, – чуть не плакал я.

Ческидов, как самый старший в компании и рассудительный, прикидывал по ориентирам.

– Так, вот сеновал, вон дома... Дыра должна быть здесь.

Лишь только он утвердился в этом выводе, как мгновенно пропал из глаз. Стоял только что, и вдруг не стало. Чужа недоброе, мы с Юрком стали осторожно подходить к тому месту. Дыра нахально распахнула чёрную пасть в белом снегу. Проглотила одного и поджидала следующего дурочка-смельчака.

– Серый, ты живой?

– Жив пока, – голос донесся из такого глухого далека, что мы ещё больше перетрусили.

– Бежим, папка дома, он поможет, – предложил я.

– Ты беги, зови, – рассудил Юрок. – Я здесь постерегу – мало ли чего...

Я рванул со всех ног, но у крайнего дома меня остановил дед Ершов:

– Куда бежишь, пострел?

– Там такое... – и я всё, торопясь, рассказал старику.

Он снял с крыши сарая рыбацкий шест:

– Показывай.

Осторожно опустив шест в дыру, упёр, навалив на плечо.

– Эй, там, вылазь потихоньку...

Скоро в дыре показалась Серёгина голова, запорошенная снегом.

– Дальше не могу, – застрял он в горловине, поворочался и со вздохом, – назад тоже.

Дед Ершов сгрёб Чесяна за шиворот и, как пробку из бутылки, вытащил рывком из дыры.

– Шапка там осталась, – радовался спасённый. – Весной поищем. А не найдём, не жалко – всё равно старая.

13

Попала на глаза нужная доска – я такую давно искал. Размышлял – стащить или спросить? Украсть – совесть замучает. Спросить – а вдруг отец откажет, тогда уж точно не украдёшь: заметит. Долго мучился, потом решился.

– Эту? Зачем? На автомат? Бери.

Поспешил к Николаю Томшину:

– Нарисуй автомат, чтоб как у тебя, с круглым диском, только для моего роста.

Коля прикинул что-то, заставил руки согнуть, вытянуть, измерил и нарисовал.

– Как раз под твой рост.

Выпросил у отца ножовку и принялся за дело. Попилил, устал. Принялся размышлять. Если в день пилить постольку, то, наверное, к лету закончу. С этим автоматом у меня были связаны определённые планы. Ведь я на полном серьёзе мечтал удрать из дома, как только

наступит тепло и растает снег. Представлял себя стоящим на носу пиратского корабля с автоматом в руках. Пусть не настоящим, но кто издали-то разберёт. Не разберут, а напугаются и отдадут всё, что потребую. Пиратом, пожалуй, быть гораздо выгодней, чем нырлящиком за сокровищами. Там, того гляди, акула сожрёт – ей ведь по фигу, автомат у меня или удочка какая. Сожрёт и не подавится.

Куровскому похвастался:

– Летом у меня будет автомат – самый лучший и как настоящий, не отличишь.

– Да ну? – не поверил Юрок.

Показал. Он всем рассказал, и ребята на улице посмеялись – а я думал, завидовать будут. Тем не менее, затею не оставил – пилил и пилил. Каждый день понемножку. Уже солнышко стало припекать. Захрустели сосульки под ногами. Скособочились снеговые горки. Сугроб закряхтел, осел, потемнел и заструился ручьями. А я всё пилил и пилил...

Однажды Витька Ческидов шёл мимо. Не утерпел.

– Ну-ка, дай сюда.

Попыхтел полчаса и подаёт задуманное оружие.

– Получай.

Прикинул к плечу. Хоть и диска нет, а всё равно видно – коротковат. То ли Томшин ошибся в расчётах, то ли я так вырос за это время.

14

Зима, хоккей, школа сдружили ребят – друг без друга дня прожить не могли. А потом наступили весенние каникулы, а с ней распутица, слякоть, грязь не проходимая. Ни на улице места нет поиграть не найти, ни в гости сходить – мамыши бранятся.

Заметил Николай Томшин – распалась Лермонтовская ватага. Раньше все к нему прибивались, а теперь те, кто повыше живут, вокруг Сашки Лахтина отираются. Себя Бугорскими называют, нас, нижеживущих – Болотнинскими. Задаваться начали. Своя, говорят, у нас компания, а с вами и знаться не желаем. Ещё говорят – мы, может, с октябрьскими мир заключим: они, мол, парни что надо, а вам накостыляем.

Коля Томшин отлупить хотел Лахтина, и покончить с расколом, да тот от единоборства уклонился, а предложил биться толпа на толпу. И желающих поучаствовать в битве оказалось много. Пришлось нашему атаману согласиться с разделом власти и предстоящей войной.

Поляна за околицей только-только начала подсыхать. Сияло солнце, паром исходила земля. И совсем не хотелось драться.

– Давайте в «Ворованное знамя» играть.

Две команды в сборе и делиться не надо. Отметили «границу», выставили «знамёна». И пошла потеха! Задача игры – своё знамя сберечь, у врага украсть, и чтоб не забاشили.

Бугорские победили, но Лахтину не повезло. Его загнали в грязь на чужой земле. Он не хотел сдаваться и начерпал воды в сапоги. А потом, поскользнувшись, и сам упал в лужу. Ушёл домой сушиться, а веселье продолжалось. Играли в «чехарду». Теперь чаще везло нам. Мы катались на Бугорских, а они падали, не дотянув до контрольной черты. Им явно не хватало Лахтина.

Потом вбивали «барину» кол. Здесь на команды делиться не надо. Игра такая – один сидит с шапкой на голове, очередной прыгает через него и, если удачно, на его свою шапку кладёт. Таким образом, от прыжка к прыжку препятствие росло в высоту. Кто сбивал эту пирамиду, наказывался – подставлял задницу и били по ней задницей сидевшего с шапками, взяв его за руки, за ноги, и раскачивая, приговаривали:

– Нашему барину в жопу кол вобьём.

Пострадавший садился с шапкой на голове, и прыжки возобновлялась.

Меня за малостью лет и роста в игру не брали. Но я был тут и потешался над участниками до коллик в животе.

Ближе к вечеру запалили костёр. Сидели одной дружной компанией, курили папиросы, пуская одну за другой по кругу – кто ронял пепел, пропускал следующую затяжку. Рассказы полились страшные и весёлые анекдоты – забыты распри и раскол.

Потом поймали лазутчика. Я этого мальчишку знал, хотя он жил на октябрьской улице – наши отцы, заядлые охотники, дружили и ходили друг к другу в гости. Он спустился на берег взглянуть на лодки, что зимовали в воде у прикола. И тут был пойман. Его допросили, а потом решили проучить.

– Ну-ка, Шесть-седьмой, вдарь.

Драться мне совсем не хотелось, а уж тем более бить знакомого, ни в чём неповинного мальчика. Но попробуй, откажись – тогда никто с тобой водиться не будет. Домой прогонят, и на улице лучше не появляться. Подошёл, чувствуя противную дрожь в коленях. Пряча взгляд, ударил в незащищённое лицо.

– Молодец! Но надо в подбородок бить, как боксёры. Тогда с копыт слетит. Бей ещё.

Хотел отойти, но, повинувшись приказу, вновь повернулся к лазутчику. У него с лица из-под ладоней капала кровь.

– У меня нос слабый, – сказал он. – На дню по два раза кровяка сама бежит. А заденешь, после не унять.

Ему посочувствовали. Кто-то скинул фуфайку, уложили пострадавшего на спину, советовали, как лучше зажать нос, чтобы остановить кровотечение. Про меня забыли. А я готов был себе руки оторвать, так было стыдно. И бегал за водой, бегал за снегом для пострадавшего – не знал, как загладить свою вину...

А потом представил себя в плену у кровожадных дикарей. Или лучше у губернатора Карибского моря. Закованный в цепи, угрюмый, как побеждённый лев, предпочитающий смерть на виселице униженному подчинению доводам, угрозам, расточаемым этим испанцем, пахнущим, как женщина, духами. Он предлагал мне перейти к нему на службу. Это мне-то, от одного имени которого тряслись купцы всего американского побережья от Миссисипи до Амазонки, и плакали груднички в колыбельках. А их прекрасные матери бледнели и обожали меня.

15

На Пасху Николай Томшин решил дать лахтинцам генеральное сражение – покарать предателей за измену. В его дворе стало шумно от ребячьих голос и звона молотка о наковальню. Гнули шпаги из проволоки. У кого были готовы – учились фехтовать.

Мне сделал шпагу отец – длинную, тонкую, блестящую – из негнушейся нержавеющей стали. Привёз с работы и подарил. Все ребята завидовали, даже пытались отнять или выменять. Но Коля сказал им – цыц! – и назначил своим ординарцем.

У Томшина был хитроумный стратегический замысел. То, что схватки не миновать, что она давно назрела, знали все. Банально предполагали – либо Коля с Лахтиным подерутся за лидерство, либо толпа на толпу, как Сашка предлагал. Но наш атаман был мудрее. Он готовил битву на шпагах, а чтоб враги не отказались, и им тоже готовил оружие, но короткое, слабое, из тонкой, гнушейся проволоки. С такой шпажкой любой верзла против моей, почти настоящей, не мог выстоять. В этом и заключалась тайна замысла, в которую Коля до поры до времени не посвящал даже ближайших помощников. И прав оказался. Обидевшись на что-то или чем-то польстившись, перебежал к лахтинцам Витька Ческидов. Про готовящееся сражение рассказал, а про военную хитрость не знал.

Грянула Пасха. Чуть разгулялось утро, к дому Николая Томшина стали собираться ребята с сетками, сумками, авоськами, мешочками полными всякой снеди по случаю праздника и дальнего похода. И при шпагах, конечно. Наш атаман послал к Лахтину парламентёров с двумя дырявыми вёдрами, полных «троянских» шпаженок. Вернулись с ответом – вызов принят.

Выступили разноголосой толпой. Но лишь за пригорком скрылись дома, Томшин построил своё воинство – разбил на пятёрки, назначил командиров. С ними отошёл в сторонку и провёл совещание штаба. Дальше пошли строем, горланя солдатские песни. А когда кончились солдатские, стали петь блатные. Например, такую:

– Я брошу карты, брошу пить и в шумный город жить поеду.

Там черноглазую девчоночку увлеку, и буду жить....

Она хоть словами и мотивом плохо напоминала строевую, но мы орали её с таким упоением, что далёкий лес отзывался эхом.

Там ещё припев был замечательный:

– Я – чипурела. Я – парамела. Я – самба-тумба-рок.

Хоп, я – чипурела. Хоп, я – парамела. Хоп, я – самба-тумба-рок.

С пригорка на опушке видели, как от посёлка отделилась толпа – наконец-то лахтинцы собрались и устремились в погоню.

В лесу подыскали сухую поляну, остановились лагерем, натаскали валежнику к костру. Мы таскали, а командиры совещались. Перекусив наскоро, решили – пора выступать. Коля Томшин сказал, что свора предателей должна и будет наказана. Мы крикнули «Ура!» и пошли искать противника, оставив в лагере боевое охранение.

Блуждали долго, но вот из-за деревьев потянуло дымком. Выслали разведку, а потом, подкравшись, атаковали основными силами. На лесной поляне, похожей на нашу, горел костёр, и Коля Новосёлов, по прозвищу «Ноля», охранял сложенный в кучу провиант. Заикой он был, и когда спрашивали – тебя как зовут, отвечал:

– Н-н-н-оля.

Нолю окружили, и хотя он пытался храбро отбиваться своей шпажкой, Халва мигом сбил с него спесь и желание умереть героем – попросту огрел лесинкой по хребту, и охранник заплакал.

В трофеи досталась вся нетронутая Бугорскими провизия. Нолю взяли в плен, а чтобы не ныл, вернули ему его мешочек. Остальное поделили и сладости слопали. А что осталось, растолкали по карманам.

В это время по аналогичному сценарию развивались события в нашем лагере. На него набрели искавшие нас лахтинцы. Перед тем, Слава Немкин, командир пятёрки, оставшейся в боевом охранении, приказал выпотрошить наши авоськи в кучу и уселся пировать со своими головорезами. В этот момент на наш лагерь и наткнулся отряд Сани Лахтина.

Лява Немкин лишь подколупнул скорлупку с крашеного яйца, когда за спиной загремело дружное «Ура!». Он пихнул неочищенный продукт в рот, чтоб освободить руки, но не нашёл шпаги и ударился в бег. Впрочем, недалеко. В овражке поскользнулся на голубоватом льду и упал в лужу на все четыре опоры. Его окружили враги, тыкали шпагами в бока и задницу, принуждая сдаться, а Слава бы рад, да слова сказать не может: яйцо застряло во рту – не проглотишь, не выплюнешь.

Победители переловили всех бойцов охранения и вместе с командиром привязали к берёзам. Потом набросились на нашу еду. Насытились и стали пытаться пленников. Здорово они орали – эти крики и привели нас обратно в наш лагерь.

С воплями «Ура!» бросились на врагов. Завязалась сеча не хуже Полтавской, или Куликовской, или как на Бородинском поле. Была и кровь – как же без неё в таком-то деле.

– Пленных не брать, – командовал Томшин и толкал на землю бросивших оружие и поднявших руки.

Я углядел за кустами притаившегося Витьку Ческидова.

– Попался, предатель! Сдавайся!

– Брысь, мелюзга! – прошипел Витька, но бой принял.

Его шпажонка из тонкой проволоки согнулась от первого удара. Я наседал, тесня противника, не давая ему возможности бросить сталь и схватиться за дерево. Дубиной-то он меня, конечно бы, отдубасил. Но Чесян не догадался сменить оружие и напролом через кусты кинулся на меня. Упругая ветка подкинула его руку, и удар, нацеленный мне в грудь, угадил в лицо. Я почувствовал, как лопнула щека, и что-то твёрдое и холодное упёрлось в коренной зуб, тесня его прочь. Витька отдернул руку, и из ранки брызнула кровь. Я побледнел, попятился, зашатался, ища опоры. Чесян подхватил меня в охапку, смахнул кровь, заорал:

– Коля, Коля, бинт есть? Пластырь нужен.

Битва в основном уже закончилась – разоруженных лахтинцев сгоняли в кучу. Моё ранение привлекло всеобщее внимание. Забыв вражду, все ребята столпились вокруг. Конечно, у атамана нашего нашлись и бинт, и лейкопластырь – Коля готовился. Такое дело, война – всякое может случиться. Бинт не потребовался. Мне залепили щёку пластырем, и кровь унялась. Боли почти не было, но я постанывал, когда мазали зелёной и лепили заплатку – мне нравилась роль раненого героя.

Коля мои заслуги отметил принародно, пожурил предателей. Те покаялись. Единство на улице Лермонтова было восстановлено. Наступивший мир отметили пиршеством. Знаете, что такое пир на природе, пир победителей? Когда нет рядом взрослых, которые постоянно упрекают за неумение вести себя за столом. Когда некому сказать, что нельзя хватать еду руками, громко чавкать и отрыгивать, что нужно вытирать пальцы, а не облизывать, и закрывать рот, когда жуёшь.

Верно, что мы не отличались изысканностью манер и были после сражения и блужданий в лесу, правду сказать, изрядно грязны. Но мы были так веселы, так простодушно верили в свою благопристойность, что никто не испытывал неловкости, видя, как вытираются руки о штаны, и предварительно пробует на вкус пирожок, дабы убедиться, что он хорош и может понравиться соседу.

Без малейших колебаний, как куриную ножку, я подносил к губам пущенную по кругу папиросу. И возвращалось к нам родство духа, утерянное в период раскола. У костра звучали шутки, смех, песни. Хвастались, конечно, без конца. Но и смеялись над трусами и неудачниками. Ляве Немкину досталось. Рот он себе скорлупой покарябал, плохо говорил и от того злился без конца.

– На свалку! На свалку! – требовал он. – Сегодня мы всем покажем, где раки зимуют. Пусть узнают силу Бугра!

Городская свалка была излюбленным местом паломничества – ходили сюда городские мальчишки, чапаевские и увельские. Она, как сказочное Эльдorado, манила к себе любителей пожить всякой всячиной – в основном, поломанными, но иногда и целыми игрушками. Для любителей подраться тоже было, где душу отвести.

Пришли на свалку. Были здесь и чужие ребята, но как-то не до них стало, когда то тут, то там стали раздаваться возгласы:

– Смотрите, что я нашёл!

Я ходил по кучам хлама, то кузов машинки подниму, то кубик. Поношу немного и выкину, потому как игрушечный мотороллер, совсем целехонький, просился в руки.

– Эй, Шесть-седьмой, ну-ка пни сюда мяч, – долговязый Генка Стофеев стоял, ухмыляясь.

Обидно, что забыто моё геройство, и опять звучит эта противная кличка. Смотрю – мяч белый, круглый, лежит на краю зловонной лужи. Если посильней ударить, взлетит вместе с брызгами грязи и прямо в Генкину рожу. Разбежался и пнул со всей силы. Ладно, ногу не сломал – мяч, оказывается, не мяч, а шар бетонный. Я через него кувыркнулся и руками прямо в поганую лужу. Все, кто видели, со смеху покатались, а Генка пуще других. Витька Ческидов поднял меня, обмыл в чистой воде, своим платочком утёр, а Генке сказал:

– Чё скалишься – зубы жмут?

Стофа улыбку погасил, и зубы спрятал – Чесян мог и проредить.

Дома я только сестре рассказал про своё сквозное ранение.

– Фи, – дёрнула косичками Люся. – Смотри.

Взяла иголку и, не поморщившись даже, проткнула щёку, а иголку вынула изо рта.

15

На нашей улице в маленьком домике жили два очень интересных человека – старичок со старушкой. «Вот интеллигентные люди», – говорили про них все без исключения соседи. В молодые и зрелые годы были они учителями, а теперь – пенсионеры. В хозяйстве держали козу и кота. После обеда курили сигареты в костяных мундштуках и играли в самодельные шашки – проигравший мыл посуду.

Была у них домашняя библиотека. Не просто собрание или коллекция книг, а именно – библиотека. Всяк желающий мог взять почитать любую книжку, и его записывали на карточку. Люся, научив меня алфавиту и чтению по слогам, замолвила слово, и старушка сказала: «Пусть приходит». Я дожидаться не мог, когда просохнет дорога после первых весенних ливней – в грязной обуви в гости не ходят.

Старушка с интересом посмотрела на меня через толстые очки и, кивнув головой, сказала хриловатым голосом:

– Выбирай.

Я разулся у порога и по самотканым дорожкам прошёл в комнатушку. Не сказать, что было много книг. Две полки на стене, шкаф с дверцами и этажерка. В настоящей библиотеке гораздо больше, но чтобы дома... – ни у кого столько не было. Над этажеркой висела картонка на нитке, на ней карандашом был нарисован очень похожий портрет старичка-хозяина.

Проследив мой взгляд, старушка, притулившись у косяка, сказала:

– Это Николай Пьянзов писал, его золотых рук работа. Ты его знаешь?

Я знал и был перед ним виноват. Не единожды, завидев его, идущим по улице, мы с сестрой убегали домой, и дразнились из-за высоких ворот:

– Мордва – сорок два, улица десятая, ты зачем сюда пришла, гадина проклятая?

Ему было восемнадцать лет, ему было стыдно связываться с мелюзгой – он кидал в ворота булыжник и уходил разобиженный. Этого, конечно, не стал рассказывать, а только кивнул головой – знаю, мол.

Вытащил с полки толстую книгу в синем переплёте с золотым теснением «Виллис Лацис». Сестра её уже брала. Запомнилось – девчонки читали вслух одно место и хихикали. Там парень, танцующий, приподнял у девушки подол юбки, а она и не заметила. Думал, почитаю ребятам – вот удивятся.

Старушка взяла из моих рук книгу, осмотрела со всех сторон, будто удивилась, чем она привлекла малыша, с сомнением покачала головой:

– Картинок здесь нет, а читать ты её, наверняка, не будешь. А если и будешь, то пропадёшь с глаз моих на полгода. Давай для начала подберём что-нибудь полегче. Вот возьми эту. Прочтёшь – мы с тобой побеседуем. Я узнаю, как ты умеешь читать, думать... Может, тогда и за Лациса примемся.

Безропотно взял предложенную книжку с картинками. А старушка посмотрела на карандашный портрет мужа и глубоко вздохнула:

– Сколько ещё талантов таится в гуще народной...

Я вышел очень гордый. Хотелось, чтоб видели меня ребята, как я сам хожу в библиотеку, выбираю книги, беседую с интеллигентными людьми. И домой пошёл не прямым путём, а соседней улицей – так длиннее. Шел, листая на ходу, с видом умным и сосредоточенным. Ребят не встретил, а возле дома Лапшиных меня атаковал петух. Этот красно-пёстрый разбойник был известен всей округе. В него и камнями кидались, и с рогатками за ним охотились, но и он спуска не давал. Основной приём – коварство. Среди курочек безобидно поклёвывает камушки, заходит за спину и вдруг, как кинется. Или другой способ. Когда близко нельзя подкрасться, он выглядывает из-за поленницы дров или столба, а потом как побежит. Молча несётся десять, двадцать, тридцать метров и перед тем, как прыгнуть на свою жертву, вдруг испускает победный клич. Тут уж всё – падай и не шевелись.

Именно так он на меня, зачитавшегося на ходу, накинулся – перепугал до смерти, столкнул в пыль, долбанул по темечку, потоптался по спине, пренебрежительно вытер клюв о рубашку и прыгнул на землю, косясь и будучи готовый повторить атаку. А я лежал, уткнувшись лицом в мятые страницы, и душа рвалась на части от стыда, страха и обиды – ведь ничего же ему не сделал. Представляете картину? Могучий герой, готовый в любую минуту вступить в бой, никогда не желавший уклониться от рукопашной, все свои малые годы проживший в предвкушении испытания отваги и рыцарской удачи, не страшившийся боли и горечи поражений от ещё более могучего противника, терпел его теперь от соседского петуха... Хотя бы никто не видел такого позора!

На петуха кому пожалуешься? Пережил нанесённое оскорбление и вечером снова вышел с книжкой на улицу. Ребята резвятся, а я сижу неподалёку на брёвнышке и почитываю.

– Эй, Шесть-седьмой, в школу собрался?

– А, – небрежно махнул рукой. – Не скоро, осенью.

– Ты, наверное, хорошо будешь учиться – уже читать умеешь.

Сашка Ломовцев подаёт мне два чибисиных яйца, коричневых в крапинку:

– Хочешь прославиться? Положи на солнце, от тепла птенцы вылупятся – в школу отнесешь и покажешь. Тебя не просто умным назовут, а учёным.

Я обрадовался и простил Ломану все прежние обиды и насмешки. Сунул яйца вместе с книжкой за пазуху. А Сашка обнял меня и к себе прижал, будто поцеловать хочет:

– Антон, айда брататься и больше не будем с тобою ругаться.

Я его тоже обнял... Но тут тихо хрустнули скорлупки под моей рубашкой – мальчишки ржут, а у меня за пазухой каша. Что рубашка – её выстирать можно, а книжку, заляпанную, как очистишь? Так и не прочёл я её. И в библиотеку больше не ходил. Хотя, думаю, старички б меня поняли и простили. Или отец заплатил – книжка тонкая, не дорого стоит.

Сейчас, через многие-многие годы, очень жалею, что не сошёлся ближе с этими замечательными людьми, а обходил их дом и их самих десятой дорогой.

Вот как бывает.

16

– Вставай, сынок, ты со мною хотел, – отец растормошил меня с первыми лучами солнца. Будить меня не сложно – могу и до восхода подняться. Вот Люська, та другое дело – будет ныть и брыкаться. А не разбудишь – весь день проспит, как пить дать.

Сегодня Первомай. На сегодня намечена масса интересных дел. Сначала идём на болото, где у прикола вместе с другими и наша плоскодонка на цепи. У отца на плече шест, крапив-

ный мешок для сетей. А на ногах болотные сапоги – такие, с ботфортами. У меня сапожки попроще – в них на улице по лужам бегаю.

Обитатели болотные встречают Первоймай – гагары, чайки, камышевки с ума сходят, галдёж устроили, хоть уши затыкай. На страже общественного порядка коршуны – парят, высматривая нарушителей. А их полно. Вон стрекоза, блестя и шелестя крыльями, уселась на шест, которым отец толкает лодку. Он заносит его далеко, подгребая, и за ним бежит воронка фиолетовой воды.

– Поймай, – прошу.

– Они полезные, комарами питаются, – застывает отец.

Комары – мои враги. А пуще оводы – эти, как фашистские самолёты без крестов, кружат над нами и гудят – норовят укусить.

– А я ей за хвостик ниточку привяжу, и ни один комар тогда не страшен. Пап, а оводов кто-нибудь ест?

– Кто-нибудь ест, – соглашается отец.

Лодка, царапая бортами камыши, вспугивая то ли с гнёзд, то ли с воды зазевавшихся уток, пробивается вперёд. Вот и плёс. Я смотрю в глубину – фантастические заросли и хитро-сплетения водорослей. Вот бы где в войну поиграть – есть, где спрятаться и побегать, вернее поплавать. Отец петля за петлёй выбирает сеть. В ячейках золотятся запутавшиеся караси – тоже, поди, в войнушку играли. Вот и доигрались.

Дома сети освободили от рыбы и развесили сушиться. Эти снасти из чёрных ниток зимой вяжет вся семья. И я пробовал, хотя меня никто и не заставлял. После завтрака поехали в город на завод. Праздник праздником, а отец наладчик – начальник вызвал его на работу пускать станки, которые никак не хотели запускаться.

На мотоцикле поехали, напрямик, лесной дорогой. Я, как взрослый, сидел на заднем сидении. Ноги не доставали до подножек, так я их в амортизаторы упёр и обеими руками вцепился в ручку. Страшно! Но отец сильно не гонит – я успокоился. А потом он что-то увлёкся – сначала разговором, потом скоростью.

– ... еду как-то зимнею порою. Дорога узкая – грейдером расчищена. Вон там, у столбика мужик стоит – морда шире плеч. Лес, глухомань. Он руку поднимает – не свернуть, не объехать. Вперёд на скорости рванёшься, он только кулак выставит – и меня в седле, как ни бывало. Что делать? Я газ сбрасываю, ногу выставляю – будто остановиться собрался. Он и руку опустил – лыбится, довольный. Поравнялся с ним и по газам – айда, догоняй! Только мат следом летит. А кто его знает, что у него на уме...

Поздно увидел отец камень на дороге – переднее колесо успел отвернуть, а заднее так подкинуло, что меня вырвало из седла, и полетел я вперёд, обгоняя мотоцикл. Каким-то чудом отец успел схватить меня рукой, прижать подмышку, другой справился с мотоциклом и остановил его.

Уняв дрожь в руках, с хрипотцой в голосе, отец сообщил, притиснув мою голову к своему животу:

– Ну, Толя, открывай счёт.

– Чему?

– Звонкам с того света.

Он перевёл дыхание, а получился всхлип. Я знал – отец любит меня и страшно боится потерять. Усадил перед собой на бачок:

– Да пропади они пропадом!

– Кто?

– Гаишники.

И мы поехали дальше. Совсем успокоившись, заспорили. Я утверждал, что летел ласточкой. Отец:

– Да какой же ласточкой, если руки прижаты? Рыбкой ты летел, рыбкой....

Отец замолчал, переживая. А я уже думал о другом. Город.... За болотом и за лесом стоял удивительный град Южноуральск. В будни и праздники доносилась оттуда музыка. Значит, весело там живут люди. И богато. У них высокие кирпичные дома, у них красивые машины. А у ребятишек полным-полно игрушек – так много, что они их даже на свалку выкидывают. Когда вырасту, обязательно буду жить в большом городе. Буду работать на заводе, ходить в синем тренировочном костюме, и не буду кричать на свою жену....

Завод был режимным. Охранник на проходной не хотел меня пропустить, но отец позвонил куда-то, пришёл его начальник, тоже позвонил кому-то. Наконец, трубка попала в руку охранника, и после его военного «Понял!», я оказался на заводе.

Отец, его начальник и ещё двое наладчиков возились с красивым станком. Я понаблюдал за ними, узнал, что «американец ни хрена не хочет выдавать массу», и заскучал. Сказывался ранний подъём – зевота подступила, и глаза заволокло туманом. Прилёг на ящик и задремал. Сквозь сон чувствовал, как мне сунули что-то под голову и укрыли....

Домой вернулись к обеду, когда солнце уже отшагало половину положенного дневного маршрута. Отец был зол – «американец» так и не начал выдавать массу, а это значит, ему надо опять вернуться на завод, и возможно, придётся работать и завтра, и послезавтра. Срывалась намеченная поездка в Петровку – там прошло детство отца, и жили родители матери.

Мама расстроилась, и начались препирательства. Она оделась в дорожное, принарядила меня для гостей, а потом выпроводила из дома, чтобы я не слушал их споры. А у меня и не было желания или любопытства становится свидетелем ссоры, которая, наверняка, сильно опечалит мать и разозлит отца. Для деятельных натур, коим считал себя я, разговоры на повышенных тонах с близкими людьми ни к чему.

Ребят нигде не было – не перед кем было щегольнуть новым костюмчиком «а ля матрос». В конце улицы ругались мужики, но они меня не интересовали. Вдруг из-за угла выскочил пылевой столб и пошёл накручивать круги. Я погнался за ним. Прыгнул через канаву, а он на меня. Тугая волна воздуха ударила в грудь, опрокинула на спину. Покрутившись на мне, ветер погнал воронку дальше. Я поднялся и заревел во весь голос – новый синий матросский костюмчик стал серым от пыли. Шёл домой, размазывая грязь по щекам, и думал, на кого бы свалить вину – ведь не поверят, что ураган напал.

Дома царил гнетущая тишина – мама вытирала слёзы, отец стал ещё мрачнее. Так всегда бывало, когда выходило не по его. Никто не стал слушать моих объяснений. Мама прошлась по костюму одежной щёткой, её тыльной стороной пару раз одарила вниманием мою задницу, сунула в ладонь монетку и послала в магазин за хлебом.

– Бегом беги – к бабушке поедем.

Спор мужиков на улице перерос в потасовку – не на шутку сцепились две компании, чего-то не поделив, а были выпимши в честь праздника. Бабы, как водится, голосили двумя капеллами. Мужики тоже не отступали от общепринятых правил – отчаянно матерясь, рвали друг другу рубашки и «угощали» тумаками. Коля Пьянзик отдирали штукетины у Немкиных с забора и раздавал, всем желающим вооружиться. Кто-то, возможно из противоборствующей команды, поданной палкой и огрел мордвина по хребтине. Коля взвыл и бросился бежать вдоль по улице.

Было страшно интересно наблюдать за этим побоищем – я и про магазин забыл. Мне-то тут бояться нечего, только не стоит лезть в самую гущу, чтоб не стоптали, иль не зашибли ненароком. Наблюдая, никак не мог определиться – которые здесь «наши», за кого следует болеть? Тут меня заметила пьяная женщина:

– Иди ко мне, сыночка. Кабы не убили – ишь, как разгулялись, антихристы.

Она потянулась ко мне, раскинув толстые руки, а я бросился наутёк, сразу вспомнив о магазине. Там недолго был, но, когда возвращался с хлебом, побоище уже закончилось. Одна

из компаний, забаррикадировавшись за высокими воротами, вела переговоры с нарядом милиции. Другая наоборот, распахнув калитку и ворота, зримо переживала результаты потасовки. Одного мужика в белой порванной и окровавленной рубашке, подложив чурбак под голову, отливали водой из ведра, мотали бинтом голову другому. Наверное, это были побеждённые.

А на улице ни одного мальчишки, и я – единственный свидетель. Кому бы рассказать? Однако, дома меня уже заждались. Отец на мотоцикле отвёз нас на деревенскую остановку, но раньше автобуса появился попутный грузовик. Отец договорился с водителем, и мы с мамой залезли в кузов. Вообще-то меня звали в кабину, но там уже сидели шофер с пассажиром, и мама спросила:

– А как же я?

И я остался с ней. Обдуваемые тёплым ветерком, мы катили в далёкую Петровку. Мама вспоминала своё деревенское детство:

– ... тятя вечерами к соседям в карты уходил играть. Мы сидим, четыре бабы в избёнке, и всего боимся. Луна светит в окна – лампы не надо. Тень мелькнула у забора. Шорох. Никак корову воры повели? Мама боится. Олька плачет. Маруська ещё маленькая была, на руках. Я на цыпочках к окошку подкралась, смотрю – заяц мох из пазов тербит. Я по бревнам кулаком стучу – кыш, поганец! А он хоть бы хны...

Мать в ожидании встречи с родными разругалась, отошла от слёз.

В последнем лесочке у Межевого озера, когда на горизонте замаячила Петровская колокольня, машина остановилась. Мужики вылезли, достали водку, закуску, позвали нас. Мама отказалась, а я слез. Водку не любил, а вот килечку в томатном соусе... Это же любимое лакомство всех на свете путешественников. Пока мужики пили да болтали, банку я опорожнил. Они заметили, удивились и скорёхонько посадили меня обратно в кузов. А я ведь ещё мечтал за рулём посидеть. Куркули деревенские – кильку пожалели ребёнку! Тогда, зачем звали?

Не скоро тронулись дальше. Остаток пути из открытых окон кабины слышался хриплый дуэт – мужики пели о замерзающем в пути ямщике, о морозе, которого просили не досаждать. Как-то не убедительно всё это звучало в пригожий весенний день.

17

Баба Даша затопила печку – налаживалась печь блины. Я сижу у окна – скучно мне в деревне. Дед Егор целыми днями занят на работе – меня с собой не берёт. Бабушка тоже копаётся по хозяйству – в карты играть не хочет. Хорошо бы к тётке Нюре сбежать, отцовой сестре. Там Сашка, старший брат – с ним было б весело. Но как туда уйти? Бабушка не поведёт – я уже просился. Одного не отпустит. Убежал бы тайком, да боюсь заблудиться – дома-то тёткиного ещё не знаю. Скучно тут...

– Баб, а кто это идёт?

Дарья Логовна наклонилась – окошко низкое:

– Зоя Фурсова.

– Тётя Зоя всех позоит, перезоит, вызоит.

Нет, не получается игра. Скучно.

– Баб, а это кто?

– Валя Ишачиха.

– Почему Ишачиха? Ишакова что ль?

– Да нет, когда с Казахстану они приехали, ишака с собой привезли – лошадка такая маленькая, вроде барана. Сельсовет обложил налогом, как настоящую лошадь. Бился, судился мужик, не досудился – зарезал скотину, а прозвище осталось...

Смешно. Вот деревня, вот удумали!

– Баб, а капказята это кто?

Дарья Логовна машет рукой, беззвучно смеётся.

– Прародитель ихний ещё при царе Горохе на Кавказе служил. Как вернулся, все рассказы – Капказ да Капказ, будто краше земли нет на свете. Помер давно, а последышей так и кличут – капказята.

– Баб, а что кума Топорушка не приходит?

– Не кума она мне вовсе. Отродясь к нам не ходила. С чего ты взял?

– Да слышал, как вы тут говорили: «Кума-то Парушка...»

– Это бабёшки кто-нибудь. Таня Извекова должно – ей Парушка кумой доводится.

Время от времени принимался петь известные песни. Про барабанщика – гимн немецких коммунистов, про «Чипурелу», про Щорса и другие. Но бабушка не подпевала – слов не знала. Да и как-то не очень внимательно слушала, а свои петь не хотела. Только сказала:

– Смешливый ты парнишка, Толя. Не помрёшь – много горя примешь.

Дарья Логовна будто поняла моё настроение – за обедом пошептала мужу на ухо. Егор Иванович Апальков с виду человек строгий, даже суровый – выслушав жену, сказал мне солидно:

– Хватит, Анатолий Егорович, хвосты собакам крутить, пора к делу привыкать. Со мной пойдёшь, на работу.

Церковь прошли.

– Деда, а давно её строили?

– Давно, ещё раньше меня.

– Какая красивая.

– Ты туды не лазь – там зерно колхозное хранится. Сторож не подстрелит, так поймает – штраф припишут.

– Не полезу – я мышей боюсь.

Подошли к круглой башне возле сарая. Егор Иванович:

– Водокачка. Видишь крюк? Я скажу – за него дёрнешь. Он лёгкий.

– Я, деда, не достану.

– Достанешь. Подставку дам.

Егор Иванович работал конюхом в колхозе. И теперь мы пришли на конюшню. Дед стал возиться с упряжью, а я вертел головой по сторонам. Зачем он привёл меня сюда? Какую даст работу? Хорошо бы воробьёв заставил позорить. Я бы мигом на стропила забрался. Только жалко «жидов». Может навоз надо убирать? С лопатой бы управился, только боюсь конских копыт.

Между тем, Егор Иванович оседлал лошадь, вывел во двор.

– Иди сюда, внук, смелее.

Крепкие дедовы руки подхватили меня, усадили в седло. Безнадёжно далеко от ботинок болтались стремяна. Дед покачал головой:

– Ну, ничего, лошадка смиренная – доедешь. Крюк помнишь? Езжай-ка, дёрни за него.

С того момента, как взлетел в седло, я не чуял своего сердца. Оно будто ещё выше подскочило и теперь парило где-то в облаках и никак не хотело возвращаться на место. Лошадь ступала, понуро опустив голову. Седло качалось и подкидывало, а я сидел в нём гордый и счастливый, держа в руках перед собой уздечку, как руль машины. Лишь однажды тревожно ёкнуло в груди, когда по дороге, обгоняя нас, промчался всадник галопом. Мой скакун поднял голову и, сотрясаясь всем телом, заржал, приветствуя собрата. А может быть, осуждая – куда несёшься, мол, сломя голову.

Крюк действительно легко подался. В сарае загудело. Я вернулся на конный двор и катался по нему, покуда дед не послал выключить насосную станцию. Закончив все дела, собрались домой.

– Деда, а что там гудело?

– Пойдём, глянем.

Он отпёр замок на сарае, распахнул дверь, щёлкнул выключателем. Электромотор, насос, ремни, лужа на полу, запах масла. Ничего замечательного. Егор Иванович взял маслёнку с носиком как у чайника, да, пожалуй, ещё длинней, и полез чего-то смазывать. В дверях замаячила тень.

– Больно быстро ты ноне откачался, Егор Иванович. Аль сломалось чего? Я только мыть наладилась, а воды – тью-тью.

То была тётя Нюра Саблина, отцова сестра. Дед, я знал по домашним пересудам, сватью недолюбливал и пробурчал что-то, не прекращая своего занятия.

– А это чей же такой херувимчик? Никак Толяша Агарковых. Как вырос – не узнать. Ты что ж в гости не приходишь? Шурку попроведать...

– Я к вам дороги не знаю, а то бы пришёл.

– Ну, а я-то знаю. Со мной пойдёшь?

Я покосился на деда. Тот продолжал возиться с маслёнкой и бурчать себе под нос.

– До завтра-то починишь, Иваныч?

Анна Кузьминична взяла меня за руку и повела к себе домой.

18

У тётки жизньё гораздо веселей, хотя, может быть, не такое сытное, как у бабушки – хозяйка готовила редко.

– Ты, Антошка, жрать захотишь, не стесняйся – бери, что приглянется. Вон сахар в горшке, молоко в сенах или погребке. Да ты к погребу не подходи – Шурке скажи. Шурка, балбес, смотри за братом, чтоб в погреб не упал.

У бабушки то блины на столе, то лапша из петуха. В сенах бочка стоит с клюквенным квасом, а на полатях мешок с сухарями. Я дырку проковырял и похрумкивал тайком, чтобы баба Даша не услышала. Сухари мелкие, кислые, из домашнего хлеба. А у тётки и вправду сахар хранится в горшке, который малышам подставляют – зато крупный, пиленый. Возьму кусок – полдня грызу и облизываю.

Саня, брат – пацан что надо, хотя, конечно, намного старше меня, он даже старше Люси. Сделал мне свисток из ивового прутика. Я сначала так свистел, а потом Саня туда горошину опустил, и стали получаться милицейские трели. Я дул в него – дул, пока щёки не заболели. Вечерами мы ходили в огород грядки поливать. В этом краю деревни огороды вскапывали далеко от жилья, но рядом с озером. Поливать удобно, а охранять – никакой возможности. То-то раздолье пацанам, думал я, обозревая зелёное царство – ни собак, ни сторожей. А про хозяев – редкие лентяи, колодец у дома выкопать не могут.

Саня сделал мне лук, а копьянки для камышовых стрел согнул из консервной банки. Такой стрелой кого убить – плёвое дело. Я забросил свисток и целыми днями, пока брат был в школе, стрелял из лука в цель – на меткость, вверх – на высоту полёта. Хвастал, что пойду на болото и настреляю уток.

– Сходи-сходи, – кивала Анна Кузьминична. – А то картошка эта совсем опостылела.

Она была пьяницей, и её уже несколько раз выгоняли с фермы, где она работала дояркой, а потом снова звали, потому что людей в колхозе не хватало. В доме у неё не было никаких запасов, а за душой – никаких сбережений. Но была корова, был огород, за которым Сашка ходил. Был сахар в горшке. Был ковёр на стене с тремя богатырями. Я частенько забирался на тёткину кровать, чтобы рассмотреть их оружие.

Зимой Саня спал на печи, а на лето перебирался в сени. Здесь стояла старая кровать. И хотя на ней постели не было, но было много старых шуб, тулупов, фуфаек, и были две большие мягкие подушки. В первую ночь Анна Кузьминична позвала:

– Антон, айда ко мне спать – на печи, поди, жестко.

Я отмолчался, будто спал. А Сашка пробурчал:

– Мы завтра в сени переберёмся.

И перебрались, хотя на дворе ещё прохладно по ночам – был месяц май. Прихватили лампу керосиновую. Саня стал читать толстенную книгу «Тысяча и одна ночь». Это были сказки, только странные какие-то, будто для взрослых. Сашка читает, а я уткнувшись носом в его холодное плечо и слушаю. А потом говорю:

– У меня, Саня, будет самая красивая жена.

Брат покосился на меня снисходительно:

– Чтобы иметь самую красивую жену, надо быть самым сильным мужиком.

– Не-а, я буду самым богатым.

В кино пошли, ухитрившись как-то без билетов прошмыгнуть. В зрительном зале вместо кресел с номерами лавки – садились, кто куда хотел или успел. Пацанам вообще место было на полу в проходах или на сцене у экрана. Саня предусмотрительно прихватил крапивный мешок, расстелил, сам уселся, меня на колени посадил.

Фильм назывался «Мамлюк». Ну, я Вам скажу, картина! Мы как вышли из клуба, я её тут же начал брату пересказывать. Со своей версией сценария и счастливым концом, конечно. Саня слушал, не перебивая. Брели мы, не спеша, тёмной улицей и оказались возле церкви. Брат остановился:

– А хочешь, в мамлюков поиграем?

– Сейчас?

– Конечно.

– Вот здорово! Давай.

– Я сейчас залезу в гарем за красавицей, а ты пошухери. Если янычары нагрянут – свисти.

Понял?

Я понял и прижался к холодной стене, вглядываясь в тревожную темноту, прислушиваясь ко всяким шорохам. Саня, цепляясь за выщерблины в кирпичках, ловко по вертикальной стене полез вверх и пропал в дырке обрешеченного окна. Я представлял, как по связанным простыням спускается вниз красавица из гарема турецкого султана. Потом мы бежим прочь тёмной улицей, и громче наших лёгких шагов шуршат её шёлковая юбка и парчовая накидка, в лунном свете блестит золотистый шарф. Спасаясь бегством, она напоминает яркую птицу с южных островов, бьющуюся о прутья клетки. Смерть преследует нас по пятам. Однако красавица надеется на нас – верных и бесстрашных мамлюков. И мы, конечно, не подведём – умрём, костями ляжем, но спасём беглянку. А потом женимся. Нет, конечно, женюсь я, а Саня будет стоять с кривой саблей за моей спиной и следить за порядком на свадьбе.

Через бесконечно долгое время из дыры в окне чуть не на голову мне упал крапивный мешок чем-то наполненный. Потом прыгнул Саня.

– Красавица в мешке? – удивился я.

– Тихо! Пойдём отсюда.

Я всё понял – в мешке зерно, о котором говорил дед. Сашка в церковь не за пленницей гарема лазил, а воровать. Да ещё меня привлёк, не совсем летнего. Ну, погоди, братан! Я обиду затаил и назавтра наябедничал тётке. Анна Кузьминична плавилась в похмельной истоме. Моя информация её взбудрила.

– Шурка! Сколь раз тебе, паразиту, говорить, чтоб в церкву не лазил?

– Чё разбазлалась? – отмахнулся Саня. – Иль курей прикажешь твоей гущей кормить?

Куры сдохнут, и мы с голоду помрём.

А ведь Санька-то прав, подумал я. И ещё вспомнил, как прошлым летом поучал меня отец, вынимая дикую утку из петли: «Когда для семьи – это не воровство, воровство – это

когда для себя». И мне стыдно стало за своё наущничество. Но как он с матерью разговаривает! Попробовал бы я так – вмиг языка лишился.

Впрочем, и Анна Кузьминична не настроена была прощать грубость сыну. Она вооружилась поленом и бочком, бочкам стала подкрадываться к нему. Каким-то чудом в последнее мгновение Санёк увернулся от нацеленного в голову удара и задал стрелача. Перемахнул через плетень, а посланное вдогонку полено поцеловалось с глиняным кувшином, жарившимся на солнце. Черепки его смотрелись жутко.

Я хотел удрать к бабке, но подумал, что это было б верхом предательства по отношению к брату. Вместе уйдём, решил я и остался ждать. Анна Кузьминична попила бражки и легла спать. Мне одному страшно было в сених, и я перебрался на печку. И повёл разговор, который должен был облегчить мою, сгоравшую от стыда, душу.

– Тётя Нюр, ты зачем пьёшь?

– Я, племяш, без Лёньки стала пить. Умер залёточка мой, от ран, от войны проклятой. Какой был мужик! Как они с твоим отцом дружили. Эх, кабы жив-то был, рази я такая была?

Саня, наверное, простил моё предательство. А может, просто попрекать не стал. Золотой человек! Появился он на следующий день, когда тётя Нюра на дойку уехала – попил молока из кринки, похлопал себя по животу:

– Порядок. Пошли, Антоха, рыбу ловить.

Шли мы долго. Впрочем, церковь отовсюду видна: оглянешься – кажется, и деревня рядом. Саня разделся до трусов и полез ставить сети. Растянул её у самых камышей, дырявую, мелкаячеистую. Вылез весь облепленный водорослями, как водяной:

– Бутить будешь?

Взглянул на гусиную кожу его ног и схитрил:

– Я, Саня, пиявок боюсь.

Схватил палку и кинулся по берегу бегать с дикими воплями, пугая за одно и рыб, и комаров. Саня, синий уже весь, снова полез в воду – честно отбутив, снял сеть. Ни много, ни мало, а с полведра рыбёшек запуталось. Да никакого-то там карася – гольян бескостный. Анна Кузьминична прокрутила наш улов через мясорубку и нажарила котлет. Мир в семье был восстановлен. Я на радостях разболтался:

– В деревне жить можно и без работы. Была б корова да огород, да куры. Ещё рыбалкой и охотой кормиться можно.

– Завтра на охоту пойдём, – пообещал Саня. – Крыс ловить.

Я хотел было взять лук и стрелы, но брат отсоветовал:

– Палка лучше подойдёт.

Ватага подобралась большая. Был даже мальчик моих лет – Сашка Мезенцев, которого почему-то все звали Журавлёнок. Отношения между ребятами приятельские, шутки безобидные. На нашей улице такого явно не хватало.

Базовки опустели от скота – коров перегнали в летние лагеря, на пастбища. В открытых на обе стороны коровниках порхали воробьи, свистели крыльями голуби, шныряли крысы – одна мне чуть ноги не отдала. По-пороссячи поворачивая голову, припадая на передние, будто больные, лапы, она, нисколько не боясь, спешила по своим делам.

Саня прихватил с собой капканы. Насторожив, расставлял в норы и возле них. Я ни на шаг не отставал от него, боясь крыс.

– Какие они противные. Я бы их палкой, палкой...

Кто-то сбросил на пол гнездо с воробьишатами – они подышали, желторотые, большебрюхие, совсем голые. Тоже противные, но их было жалко. Потом жалость затопил азарт – капканы хлопали, крысы пищали, ребята бегали по коровнику и лупили их палками. И я бегал и орал, рискуя сорвать голос:

– Вот она, вот! Попалась!! Крыса! Крыса!

Домой пошли, когда проголодались. Убитых крыс за хвосты связали попарно, подвесили на шест и несли вдвоём, как охотники волка с картинки из сказки. За сданных грызунов колхоз платил деньги немалые – можно даже велосипед купить, о котором мечтал мой брат.

У околицы, на берегу гусиного пруда Ляги нас остановил Ваня Коровин, по прозвищу Колхозный Бугай. Он был здоровяк, каких поискать, ему давно исполнилось восемнадцать, но в армию его почему-то не брали. Коровин одним словом пленил всю ватагу, отобрал добычу, забросил её в камыши, отобрал и капканы, а пленных обратил в рабов. Объявил себя падишахом, и все должны были ему поклоняться. Колхозный Бугай щедро раздавал тумачи налево и направо, приучая к покорности. Потом устал и назначил Витьку Бредихина и Генку Назарова своими мамлюками, и теперь они раздавали тумачи и крутили руки за спину непокорным.

Бугай сидел, по-турецки скрестив под себя толстые ноги, и указывал пальцем на очередную жертву. Мамлюки кидались на неё, тащили к падишаху, и по его желанию несчастный раб должен была петь, плясать, читать стихи, рассказывать анекдоты – короче, развлекать своего господина.

Мне игра понравилась, а Сане нет. Он под шумок смотался и вскоре вернулся с настоящим ружьем. Нацелил его Коровину в морду:

– Щас я тебя убью, подлюга. Кровью умоешься.

Падишах сильно испугался, затрясся и стал похожим на дурочка. Видимо, когда-то в детстве его здорово напугали. А я подумал, как такого в армию – он ружья боится.

– Лезь за крысами, сволота! – Сашка был действительно страшен – скрипел зубами, вращал глазами.

– Беги, – хрипло сказал он, когда Колхозный Бугай весь мокрый положил к его ногам связку крыс.

Бывший падишах безропотно побежал прочь, смешно взбрыкивая толстыми ногами.

Дома я пытал брата:

– Откуда у тебя ружьё?

– Тс-с-с, – Саня приложил палец к губам. – От отца осталось.

Утром, когда Анна Кузьминична уехала на дойку, а мы нежились в кровати, в сени ворвался Колхозный Бугай со своими мамлюками и Журавлёнком. Я так думаю, это он следил за нашей избой (живёт по соседству) и сообщил Коровину, когда хозяйка дом покинула. Ну, погоди, предатель, я с тобой ещё поквитаться. А пока мне пришлось удирать на печку. На Сашку навалились гурьбой, связали руки и стали пытаться. Его щекотали, щипали, стегали ремнём, требовали:

– Отдай ружьё.

Потом развязали и столкнули в подпол:

– Помёрзни.

На столе появились две бутылки вина с облитыми сургучом горлышками, на закуску нарезали хлеба, луковиц, и незваные гости принялись пировать.

– Журавлёнок, слазь на печку, накостыляй городскому.

Санька Мезенцев не смел ослушаться. А когда его веснушчатая рожа появилась из-за шторки, я так саданул ему пяткой в лоб, что не будь сзади тёткиной кровати, он брякнулся бы на пол и, наверняка, убили.

– А городской-то шустрый. Выпьешь, малец?

– Давай, – сказал я, гордый похвалой и готовый биться насмерть.

Мне налили полстакана красного вина. Я выпил – на губах сладко, в животе горько. Голова закружилась.

– Закусить?

– Не-а...

– Силён!

Край печи, труба, потолок закачались, как от качки, пошли ходуном по кругу. Боялся, что упаду, жался к стене, жался и всё-таки упал. За столом дружно захохотали. Я подумал – над чем, сунулся посмотреть и полетел вниз, оборвав занавеску. Упал на лавку, а с неё на пол. На лбу шишка соскочила, а я стал смеяться и звал Журавлёнка бороться. Тот отказался, хныкал, что сломал шею, падая. Потом я стал за брата просить. Но Коровин потребовал выкуп – брагу. Впрочем, флягу они сами нашли, выпили ковшик – не понравилась, тогда туда же и помочились. Потом побежали во двор с криками: «Пожар! Пожар!» Это они хотели брата запугать. А я – дверь на задвижку и подпол открыл, хотя меня мотало из стороны в сторону. Саня вылез, всё прибрал, меня в тёткину кровать уложил, приказал:

– Молчи.

Матери сказал:

– Заболел.

Анна Кузьминична лоб мой пощупала, покачала головой. Я лежал, а голова кружилась. Богатыри с ковра смотрели заинтересованно – что-то будет. Чайник с полки подмигнул – молчи, брат. А родственники на многочисленных фотографиях на стене осуждали – ишь, налился, паршивец. Я сунул голову под подушку и кое-как заснул.

19

Отца увидел неожиданно – шумного, радостного, в скрипучем кожаном пальто. Нет, ошибся – шумный, но не радостный. Ругались они с Анной Кузьминичной. Ругаться начали ещё до моего рождения, не поделив наследство умершей жены их старшего брата Фёдора – няни Матрёны. При встречах просто продолжали с того места, на чём остановились, а так как каждый считал себя правым, то упрекам и оскорблениям конца не было видно.

– Убирайся, я сказала! Убирайся, падла, из моего дома! – кричала тётка, далеко брызгая слюной.

– Что ты орёшь? Что ты орёшь, дура? – кричал отец и размахивал руками.

Сашка сидел на краю кровати, облокотившись на дужку, глядя отрешённо в пол. Отцов друг и сосед Саблиных Фёдор Андреевич Мезенцев с любопытством заглядывал из сенец. Я по привычке кинулся на печь-спасительницу, но попал в отцовы руки.

– Зарублю! – Анна Кузьминична метнулась в сени.

Там за дверью у стены лежал топор. Отец толкнул её в плечо, и она повалилась на кровать.

– Пойдём, Егор Кузьмич, пойдём от греха, – звал Мезенцев.

Анна Кузьминична, уткнувшись в подушку, громко рыдала. Фёдор Андреевич и отец со мной на руках вышли. Стояли возле Мезенцевых, курили, тихо переговариваясь и прислушиваясь, как долго успокаивалась во дворе Анна Кузьминична.

Домой к бабе Даше шли потемну. Отец держал меня за руку и рассказывал о своей семье. Кузьма Васильевич Агарков, отец отца и мой дедушка, погиб на фронте в неполных сорок лет, но уже имел одиннадцать детей, крепкое, самостоятельно нажитое хозяйство – двенадцать лошадей, три амбара с хлебом, дом, как игрушку. Уходя на войну, наказывал жене: «Береги последыша пуце всех – кормилец твой будет». И верно сказал – доживала свой век бабушка Наталья Тимофеевна в семье младшего сына.

– И умерла на моих руках, как раз в день твоего рождением, – отец тяжело, с надрывом вздохнул.

– А где теперь твои братья и сёстры, мои дядьки и тётки?

– Ну, одну-то ты знаешь. А остальные...

Старший в семье, Фёдор, был ровесником дедушке Егору Ивановичу, погиб на фронте где-то под Воронежем. А в Гражданскую хотел его Колчак забрать в свою армию, но Фёдор

убежал и по лесам скрывался. Потом в тюрьму попал, и беляки собирались его расстрелять. Да красные их так шуганули, что не до Фёдора стало. Другой брат, Антон, умер в голодный год.

– Сестёр-то всех я и не упомяну. Кто умер до моего рождения, кто после. Нюрка-то, ох и притесняла меня в детстве – противная была. А вот мужик у ней, Лёнька Саблин – золотой человек, помер от ран фронтовых, не долго после войны-то пожил. Э-эх, жизнь наша...

Отец уехал, оставив меня в Петровке – уехал чуть свет, не попрощавшись. Я с ним спал на кровати в сенях, но так и не услышал, как он вставал, собирался, завтракал, заводил мотоцикл. Проснулся – отца и след простыл. Забыл я вчера пожаловаться на свою безрадостную жизнь, попроситься домой – думал, ещё успею. И не успел.

И снова потянулись скучные дни. Дед дулся на меня, на работу больше не звал, вечерами уходил к соседям в карты играть. Я к бабушке приставал:

– Расскажи сказку.

– Не знаю, родимый.

– Ну, так про старину расскажи. Как жили.

– Как жили? Хлеб жевали, песни певали, слёзы ливали...

– Баб, а почему тебя Логовной зовут?

– Имя, стало быть, у отца такое было. Да я его и не помню совсем.

– Айда, баб, в карты играть.

В «пьяницу» играли, потом в «дурака». Я жульничал бессовестно, подкидывал всё подряд. А Дарья Логовна, проигрывая, добродушно сокрушалась:

– Масть, масть, да овечка...

Поглядывала на часы – старинные, с гирькой на цепочке – и будто намекала:

– Ох-ох, уж полтринадцатого...

А я скучал.

20

Приехала из Каштака мамина младшая сестра, тётя Маруся Леонидова, с дочкой Ниной, моей сверстницей. Двоюродная сестричка мне понравилась. Счастливая, как мотылёк, резвящийся над полевыми цветами, она сверкала румяными щёчками и показывала в развесёлой улыбке все свои ровные зубы. В её глазах горел хитрый огонёк, и они искрились так, что было трудно разобрать, какого же они цвета – скорее всего это цвет озёрной воды в солнечный день.

Приехали они на телеге, забрали почту на почте и завернули к «дедам» кваску попить.

– О-о-о! Парнишка городской! Поехали с нами. Мы тебе настоящую мужицкую работу дадим, а то бабка старая тебе последние зубы выпердя.

До Каштака путь не близкий. У меня руки устали за вожжи держаться. Я их опустил, а конь сам по себе – цок да цок копытами по просёлку – дорогу знает. Пассажиры мои легли поудобней, и....

– Вот кто-то с го-орочки спустился

На-аверно милый мой идёт....

В два голоса – заслушаешься. Я себя сразу мужиком почувствовал: степь да степь кругом – а вдруг кто нападёт. Ну, там, почту отнять, женщин обидеть. Вспомнил, как мамлюки сражались, придвинул кнут поближе – отобьюсь.

А вокруг-то – русское поле без конца и края! Трепал седые кудри ковыля проказник ветер, серебрились глянцевые блюда солончаков, и горьковатый запах полыни оставлял во рту вкус мёда. Невидимые в небесах заливались жаворонки, и, словно эхом отражаясь, в травах вторили им скрипки кузнечиков. Солнце плавилось, и плыли облака, неспешно переворачиваясь в небе....

Хозяйство у Леонидовых большое, но какое-то неухоженное. День-деньской поперёк двора свинья лежит, здоровущая, как корова, только круглая в боках. А вокруг неё снуют поросята. Корова с телёнком, овцы, те только на ночь приходят, а днём где-то шляются. Но точно знаю – не в табуне мирском, а сами по себе. Куры везде и всюду – на дворе, в стайках, на огороде, на крыше бани. Их помёт и на крыльце, и в сенях. Но самое противное – это гуси. В Увелке гуси, как гуси – один шипит и шею вытягивает, остальные кучей отступают. Им покажешь пальчиками ножницы, и они боятся. А эти, будто бабой-ягой воспитаны – бросаются всем стадом и сразу щипаться. Они когда первый раз на меня гурьбой кинулись, я так испугался, что «мама!» закричал и на крыльцо через две ступеньки влетел. Ладно, никто не видел, а то скажут, хорош мамлюк – гусей боится. Решил в долгу не оставаться – набрал камней и стал к ним, пасущимся на лужайке, подкрадываться. Полз через лопухи, что у плетня, смотрю – яйцо куриное. Про гусей забыл и к тётке побежал.

Мария Егоровна сокрушается:

– Черти их узяли – кладутся, где хотят. Ты, Толя, пошукай-ка по усадьбе, можа ещё найдёшь.

На два дня увлекло это новое дело. Я взбирался на плоскую крышу бани и, как Следопыт из книжки Филимона Купера, подмечал места, куда в одиночку ходят куры. Расчёт мой был верен – сами они указали свои потайные гнёзда. Яиц я набрал – видимо-невидимо. Умел бы считать – похвастался. Хозяин дома Николай Дмитрич меня похвалил:

– Вот что значит, пацан. Мать, родишь мне сына? А то я тебя, наверное, выгоню.

– И-и-и... выгоняла, – Мария Егоровна добродушно махнула рукой.

Семья у них была дружная.

Сестра Нина как-то вечером позвала меня в гости к родне. Мальчишка, наш сверстник, скакал на одной ноге, строил рожи и казал язык кому-то в раскрытое окно, из которого пузырилась белая занавеска:

– Тётя достань воробушка. Тётя достань...

Наш визит отвлёк его от этого бестолкового занятия, хотя мы сами не показали ему достойными внимания. Он стал собирать у окна неустойчивое сооружение из трёхногого стула, дырявого ящика и ещё какого-то хлама. Рискаю упасть, взобрался на него и сунул руку за наличник. Увидев там солому и перья, а также беспокойных воробьёв на крыше дома, я догадался о цели его хлопот.

Из дома вышла красивая девушка лет восемнадцати:

– Серёжка, уши оборву.

Мальчишка лишь голову повернул – неустойчивое сооружение рассыпалось под его ногами, и он, чтобы не упасть, повис на ставне, дрыгая ногами. Прыгать вниз боялся.

– Валь, сними.

– Я штаны с тебя сейчас сниму.

Девушка осторожно двумя пальцами сорвала стебелёк крапивы и сунула брату, оттянув поясок штанов.

– Дура-а-а! – отчаянно завопил мальчишка и отпустил ставню.

Валя подхватила его, падающего, и тем же замахом перебросила через плетень.

– Сунься ещё к воробьям.

Придерживая штаны обеими руками, Серёжка убежал по улице без оглядки.

– А это чей такой мальчик? – она взяла меня за руки и присела на корточки так, что её смуглые полные колени упёрлись в мой живот.

У неё было красивое лицо, глаза и губы. Да что говорить – предо мной было само совершенство. Я вдруг понял, что это она – невольница из гарема, женщина моей мечты. Та, ради которой я готов был совершить массу подвигов и погибнуть, не моргнув глазом.

– Ух, ты, глазища-то какие, прям как у девки! – она взъерошила мои волосы. – Как тебя зовут?

А я онемел. Влюбился и дар речи потерял. Только краснел и чувствовал, как подступают слёзы. Наверное, так много обожания и восторженности светилось в моих глазах, что не осталась девушка равнодушной, от ворот оглянулась ещё раз:

– Чёрт! Прямо так завораживает. Кабы не был такой лилипут, тут же влюбилась.

С Серёжкой мы не подружились, но вот сестра его с того вечера не шла из моей головы. Чего только я не передумал, кем только себя не представлял, в какие только перипетии не заго-нял себя в фантазиях, но итог был один – моя свадьба на прекрасной Валентине Панариной. Мой жизненный опыт подсказывал, что для женщины главное счастье – выйти замуж за хорошего человека. А уж лучше меня-то разве есть кто на свете?

Замечтался я, влюблённый, затосковал и не заметил, как загудела деревня однажды с самого утра. Поначалу лишь женщины по дворам бегали, наряженные, потом гармошки зазвучали, лады пробуя, песни позывая. А в домах ели и пили. К вечеру застолья выплеснулись на улицы. Запел, заиграл, загулял Каштак.

Мария Егоровна пришла домой, покрасневшая от выпитого.

– Нинка! Папку твое Малютины-гады убили.

Притиснула дочкину головку к животу, и обе в голос заревели.

История эта была давняя. Выпили как-то мужики и уже в ночь поехали в Петровку за водкой – добавить решили. Машина застряла в топком берегу Каштакского озера. Николай Дмитрич за трактором вернулся. А Володичка Малютин рукой махнул:

– Пешком быстрее доберусь.

Остальные в машине уснули. Николай Леонидов трактор лишь на утро пригнал, а Володичка сгинул. Через три дня его всплывшее тело выловил Трофим Пересыпкин в Каштакском озере, но денег, собранных на водку, при нём не нашли. И слухи пошли – мол, Колька Леонидов из-за денег Малютина убил. Прокурор Николая Дмитрича к себе в райцентр вызвал, допросил и отпустил, не найдя за ним вины. Многочисленные Малютины рассудили по-своему, и за Володичку пообещали отомстить убийце и вору Кольке Леонидову.

Поплакав с дочерью, попричитав, Мария Егоровна опять ушла. А вернулась поздней ночью, с мужем распевая песни. Правда, рубаха на Николае Дмитриче была порвана, и под глазом багровел синяк, а в остальном держался он далеко не покойником.

Марию Егоровну никак нельзя было назвать равнодушным человеком. Она либо шумно ликовала, либо также горевала, либо просто пела, когда не было повода как-то реагировать на обстоятельства. Наутро притянула меня к себе, как Нину вчера:

– Дедушка-то наш помер – плач, Толик, плач родименький: легче будет.

У меня сердце защемило от жалости. Вспомнился молчаливый, всегда, будто на что серчавший, дед. Скоро лошадку заложили, и поехали мы с Марией Егоровной в Петровку.

Гроб стоял во дворе чужого дома, и дедушка наш, Егор Иванович, ходил тут же, в толпе народа, без всегдашней кепки. Оказывается, умер двоюродный брат его – Василий Петрович Баландин, которого по-уличному звали Краснёнок. Это прозвище он заслужил под колчаковскими плётками давным-давно, когда ещё не было на свете и отца моего.

Забытый всеми, сидел я в сторонке на куче дров и страдал от разлуки с любимой девушкой. Здесь и разыскала меня бабушка:

– Скромный ты у нас, Толя, хороший. Другие огольцы снуют везде, нороят к столу да в лучший угол, а с тобой никаких хлопот.

И утёрла слёзы кончиком чёрной косынки.

Приехали родители.

– Всё, – заявил я. – Ни дня здесь больше не останусь. Или... женюсь.

Отец горестно вздохнул и положил мне на голову тяжёлую руку.

Вернулся домой под самый праздник. Официально – это День молодёжи, а мы его по-татарски – сабантуй. Следом Саня Саблин прибыл – то ли у матери отпросился, то ли самовольно сбежал из Петровки на скачки поглазеть. Мама говорила, дедушка Егор Иванович заглядывал, погарцевал на скакуне верхом у ворот – и в лес. Мы тоже с Саней пошли. Отец дал нам три рубля на лимонад и мороженое. Сашке, конечно, дал, и он теперь подозрительно косился на бугорских ребят – не отняли бы.

Народ валом валит, с сумками, авоськами, песнями, гармошками. В деревнях мужики в кепках ходят, а тут сплошь и рядом – шляпы. Сане в диковинку. Затеяли игру – кто больше увидит этих цилиндров на бестолковках. Думаю, брат меня обжулькивал, как я бабушку в картишки – считать-то из нас двоих умел только он.

Так, играя, добрались до леса. А он из дикого, девственного превратился в парк культурного отдыха. Меж двух лиственниц натянут плакат – мол, с праздником, молодёжь. На каждой полянке компания – постелили клеёнку или покрывало, разложили закуски, пьют, поют и веселятся. Опять же гармошки, гитары. Буфеты, автолавки, просто лавки со снедью, и везде очереди.

На самой большой поляне соорудили сцену, и ансамбль из Южноуральска современную эстраду выдаёт. Среди танцующих не только молодёжь – старики ковыряют траву каблуками, кепки о землю и вприсядку. Старушки молодятся, дробят в кругу – пыль поднимают каблуками, разгоняют юбками, повизгивают. Музыке не в такт, да и не нужна им музыка – веселья через край и так.

Мы пока с Сашкой всё обошли, скачки конские проворонили. Самое интересное – ради чего брат и приехал. Обидно. Деда я тоже не увидел – а мечтал скакуна попросить, погарцевать. Тут как раз какой-то лихач подкатил верхами в торговый ряд, в самую толчею. Ну, конь его и взбрыкнул. Я видел, как высоко мелькнуло копыто, одной женщине прямо в живот. Она упала, молча, без крика – закричал народ.

Скорую позвали. Врач в белом халате расстегнул на пострадавшей кофточку – под белыми чашечками лифчика багровело синее пятно. Женщину увезли в машине, а народ судачит – не оклемается.

– Надо бы лошадь убить, – кто-то предложил.

– Нет, лучше всадника – куда дурень приехал.

Заспорили. Поэтому ли поводу, иль по другому вспыхнула драка. Весь лес наполнился милицейскими трелями, руганью, бегающими и дерущимися парнями. На то и праздник – День молодёжи. А я пожалел, что свисток мой, подаренный братом, в Петровке остался, и Саня не догадался с собой его прихватить – вот бы сейчас погоняли мы с ним драчунов.

21

Неожиданно приехала Валя Панарина. Даже родители удивились – сроду не бывала. А у меня душа напряглась в предчувствии счастья. Я крался и подсматривал за ней всюду, куда б она не пошла.

А Валя сказала:

– Я проездом – только заночую.

С замиранием сердца смотрел, как она раздевалась перед сном. Мой выбор не был ошибочным – она прекрасна! Утром Валя куда-то ушла, не забрав чемодана, и вечером не вернулась.

Мы с мамой были в магазине. Бабы судачили:

– Ваша? Какая красавица! Но девка порченная – с Шишкиным вяжется. Видели – вдвоём в лес ушли, а назад не вернулись. Наверное, в садах заночевали.

Я знал этого Шишкина – лицо его, перепаханное оспой, было противным. Поговаривали, он бандит и уголовник.

– Врёте вы всё, тётя! – крикнул я в отчаянном стремлении защитить свою любовь. – Вы!.. Вы!.. Сами вы потаскуха!

А она в ответ, подняв кулаки, крикнула:

– Кыш, зараза!

Я, испугавшись, бросился к матери, обнял за ногу, прижался. А глаза поднял – чужая тётя смотрит, улыбается и подмигивает. Кинулся в двери под дружный хохот сплетниц-кумушек. Пропади они пропадом! Так сказать, подумать о моей избраннице.

Мать переживала за Валю, до слёз спорила с отцом. То была их излюбленная тема – чья родня хуже. Панарины были мамины родственники. А я страшно мучился и, в конце концов, задушил в себе любовь. Остался лишь какой-то туманный образ – заблудший, оклеветанный, нуждавшийся в защите. Образ девушки красивой, как Валя.

Пожаловаться некому – кто меня поймёт. Наконец, после долгих и мучительных размышлений решил – надо всегда воспринимать жизнь такой, как она есть, хотя это не всегда то, что ожидаешь. Но как избавиться от своих фантазий? И стоит ли?

21

Следующие дни прошли спокойной тихой чередой, не лишённой, правда, той живости и привлекательности, которая свойственна началу лета. Потом случилось происшествие, совсем отвлекшее меня от печальных, почти тяжёлых дум.

Давным-давно, ещё до моего рождения, отец с соседом Петром Петровичем хлопотали об электрификации своих жилищ. Им сказали – купите столб, провода вам повесят. И вот он, купленный вскладчину и отслуживший свой срок, лежит на земле просто бревном. А рядом держит провода новенький, с железобетонным пасынком. Отец Томшину предложил:

– Перетащим – распилим.

– Нужда была кажилиться!

Не таков отец. Приладил бревну колёсики и один закатил во двор. А тут электрики приезжают – где столб? Узнали и к нам во двор – так и унесли, если бы не отец.

– Мой, не дам.

– Как твой? – удивились гости незваные.

– За мои деньги купленный, спросите в поссовете.

Начальник у электриков молодой, решительный:

– Ну, по поссоветам ты сам, мужик, бегать будешь, а нам некогда. Забирай столб, ребята.

Отец сгрёб его, белорубашечного, в охапку, вынес со двора и швырнул на землю, будто мешок с картошкой. Тут ему на плечи прыгнули два приезжих молодца. Батяня стряхнул их с себя, будто от холода поёжился, сунул руку под крыльцо – в руке топор.

– Вот я вас!

Ребята, толкаясь в воротах, наперегонки кинулись к машине. Один, половчее, сходу запрыгнул в открытый кузов, забарабанил по кабине:

– Езжай, езжай скорее.

Другой, понадеявшись на силу своих ног, улелётывал впереди автомобиля. Начальник, не жалея рубашки, прыгнул в кузов на живот, да руки короткие – схватиться не за что. Машина тронулась, а он кричал, болтая ногами в воздухе. Парень, схватив его за ворот, затащил в кузов, но рубашку порвал.

Так они уехали под дружный хохот собравшихся соседей.

22

Приехала Валентина Масленникова – папина племянница, ну, а моя, стало быть, двоюродная сестрица. Только она была совсем взрослая, жила в Троицке, работала официанткой в столовой вертолётного полка. Посватался к ней один солдатик. Раньше встречались, дружили, теперь он домой, на дембель собрался и её с собой зовёт. Вале посоветоваться не с кем: мать умерла давно, а отец – лучше и не вспоминать. Впрочем, расскажу немного.

В войну Андрей Яковлевич служил в заградотряде – это которые по своим отступающим стреляли. Отец говорил: «Ох, и много кровушки солдатской на руках этого гада». Понять его неприязнь можно – любимый брат Фёдор погиб в штрафниках. Вернувшись с фронта, своими пьяными драками свёл жену в могилу, сошёлся с какой-то Моряхой и к родне совсем не тянулся – да и не люб, и не нужен он был никому. Впрочем, Бог с ним, это тема другого рассказа – а я о Вале.

– Привози, – говорит отец, – своего солдата, посмотрим, подумаем, что посоветовать.

– Ну, так на выходные будет ему увольнение, мы и приедем. А пока, лёлька, отпусти со мной Тоолика. Юра в гости придёт, а я не одна...

Она улыбнулась мне:

– С защитником.

«Защитника» мигом собрали в дорогу, и покатили мы в Троицк. Я от Вали ни на шаг. Квартировалась она у какой-то старушки одинокой. Вечерами за молоком к соседям ходим, грядки хозяйке поливаем. Утром вместе на работу. Я котлет с картошкой налопаюсь и играю на лужайке. Вдали вертолёты стоят, настоящие. От их винтов свистел ветер, и пронеслись стаи туч, напоминая невероятные скачки. Рядом со столовой лосёнок ходил – хлеба клячил. Мне он не понравился – колченогий какой-то, то ли дело лошадь. Я с офицерами подружился. Один гирю в руках покидал:

– Можешь так?

– Не-а.

Тут Валя подошла:

– Я могу.

И подняла. Много-много раз. Офицер удивился, палец большой оттопырил. А я нос задрал – то-то. Солдат Юра мне сразу понравился. Он тоже очень сильный – пошёл нас провожать и до самого дома меня с рук не спускал. Я и обидеться не догадался – он так много всякого интересного рассказал и про себя, и про свой Казахстан. Когда ко мне мальчишка соседский задрался, я ему так сразу и сказал:

– Вот Юра придёт, и ты схлопочешь.

Юный троичанин подумал и сообщил:

– А знаешь, какой я жестокий...

– Я тоже жестокий, – решил не уступать, видя его колебания.

– Сейчас проверим, – забияка подтянул штаны и убежал.

Вернулся он с живым карасём. Положил на скамейку.

– Ударь – я посмотрю.

– Зачем?

– А я могу, – сказал забияка и шлёпнул шевелящуюся рыбу ладошкой. – Мне не страшно.

– Так и я могу, – и тоже шлёпнул недоумевающего карася.

– Нет, не так. Сильней надо. Вот тебе! Вот! Вот!

Мы отлупили полуживую рыбу и подружались. Однако на следующий день мы с Валею и Юрой уехали в Увелку. Проверку жениху батя устроил что надо.

– А не поможете ли мне, молодой человек, пол перестелить?

За два дня они не только пол отремонтировали, но и печку. А когда мама, Валя и Люся навели в доме порядок, накрыли стол. Отец стакан поднял, а потом и сам встал, волнуясь:

– Ну, что сказать? Вижу – пара вы подходящая. Совет да любовь.

23

С этими разъездами совсем отбился от друзей. Наконец, предоставленный самому себе, ошалелый от свалившейся свободы, выскочил на улицу. Где ребят искать? В лесу, на озере, в болоте? Мало ли какие игры могут затеять мальчишки на макушке лета. Кто теперь дома сидит? И улицы пусты – словно Батый прошёлся. Отчаявшись кого-то найти, примкнул к девчонкам – и это была роковая ошибка. К сожалению, не единственная.

Девчонки собрались на лебедя поглазеть. Величавая птица плавала в лимане. Косички-бантики заспорили.

– Лебедь – не жилец. Подругу потерял и теперь либо уморит себя голодом, либо разобьётся о землю.

– А может это она.

– Всё одно – они без пары не живут.

– Живут – не живут. Бросьте вы птицу хоронить. Один на гнезде сидит, другой кормится.

Потом поменяются.

Такой расклад всех удовлетворил, и компания пошла купаться.

Вы когда-нибудь купались с девчонками? Нет? Вам повезло. А мне нет. От безысходной тоски затесался я в эту компанию. Они меня совсем не стеснялись – трусы выжимали, без лифчиков загорали. Господи, а мне-то надо делать вид, что всё в порядке вещей, всё – как надо. Делать вид, что я один из них – надо бегать, брызгаться и визжать по-пороссячи. Тьфу. Лучше бы я домой ушёл. А дома-то – скука. А здесь – позор. Вот и думай, где лучше. Не подумал я и влип.

Вдруг из воды среди купающихся девчонок вынырнули мальчишки. Они давно за нашей компанией наблюдали, проплыли за камышами, ну и выскочили напугать. Напугали, конечно. Девчонки визжать, одежды похватили и бежать. А я? Я тоже, подхватив штанишки, кинулся в бега. И визжал вместе со всеми потому, что испугался сначала, не видя, что там произошло, с чего это они вдруг подхватились. Может, краказябра какая из воды выскочила.

Мальчишки какие-то трофеи на берегу захватили, машут ими над головой, свистят вслед. Меня заметили:

– Шесть-седьмой, вернись – пиписку забыл.

Мне бы и впрямь вернуться – ну, посмеялись бы, ну, подразнили, да и забыли когда-нибудь, а я бы вновь обрёл свою компанию. Но бес управлял мною в тот день, и я улепётывал вместе с девчонками, ничуть не отставая, будто вчерашние мои друзья обратились в непримиримых врагов.

24

С этого дня жизнь моя пошла наперекосяк – к ребятам и близко подойти боялся, а девчонки, наоборот, тащили за собой в каждую дыру. Не поверите – я даже писать при них научился. Отвернусь – и все дела. Те, что помладше, хихикать, было принялись, а старшие прищыкнули:

– Приспичит – сама сядешь, где придётся.

У девчонок все игры дурацкие. Считают себя и взрослыми, и умными, а всё с куклами расстаться не могут – наряды им шьют, примеряют. Мне даже – представляете? – лоскутков надарили, чтоб я не скучал и куклами занимался. Тьфу! Сестра – домой пришли – их тут же отобрала. И правильно сделала! Совсем не собирался я с куклами возиться. Просто плыл по течению – да не по речке к морю синему, а в помойную-препомойную яму.

Вообще-то, ребята, скажу вам, как очевидец и участник, жизнь девчачья совсем не мёд. Помните сказку – почему не ладят кошка с собакой? Васька в дом пробрался, а барбосу конура досталась. Вот так и мальчишки считают противоположный пол хитрыми бестиями, ябедами и дурами. Вообще-то всё верно, только не от ума у них эти пакости происходят, а как бы машинально – природа, что ли заставляет. И, наверное, защитная реакция. Ведь вы же, пацаны, девчонку мимо не пропустите – обязательно надо обхамить, обозвать, за косичку дёрнуть, а то и снежком запустить.

Но я-то сам пацан и хорошо знаю мальчишескую натуру. Нас можно похвалить, отругать, отлупить – ко всему привычны, многое перенесём. Мы бегаем, прыгаем, бьём стёкла, играем на гитарах, дерёмся, и всё это ради одного – чтобы нас заметили. Плохо ли хорошо, но только чтоб о нас говорили. Безразличие людей для нас хуже смерти – так уж мы устроены. Так вот, если б девчонки вместо того, чтоб бегать, визжать, да жаловаться, просто, раз-другой проигнорировали обидчиков, поверьте – в следующий раз мальчишки будут обходить их десятой дорогой. Ведь это ослу понятно, а девицам нет. Они будто нарочно пацанов провоцируют, а те, дуралеи, рады стараться. Короче, бесконечная война получается. Удивительно одно – как они потом меж собой женятся и живут.

Случайности, случайности... Они на каждом шагу, и какая-то из них, однажды случившись, может круто изменить вашу жизнь. Вот, к примеру, был я вчера мальчик Толя, а теперь кто? Девочка Антонина? Самое время переименовать, потому что перешёл я в девчачий стан и стал противником моих прежних друзей. Такие пироги.

Поначалу всё планы строил, как бы назад перебежать. А когда насмешки и оскорбления стали ещё круче, ещё нецензурнее, тут и сам «закусил удила». Ах, так! Мы ещё посмотрим, кто, где пиписку свою потерял. И стал думать, как пацанам отомстить, а с девчонками дружил.

Тут как раз скандал на улице приключился. Серёжка Помыткин, парень совсем уже взрослый, зазвал двух девах, себе подстать, в гости. И стали они в «дом» играть. Девицы картошки поджарили, салатик в тарелочку, а потом вместе легли в кровать да уснули. Тут-то их и застукали. Скандал вселенский! Шум до поднебесья! Собрались кумушки-соседки, оскорблённые матери как раз напротив нашего дома и ну языками чесать. Отцы по домам сидят, от стыда за распутство дочерей прячутся. А я взобрался на развесистый клён в палисаднике, затаился в густой листве и слушаю.

– Серёжка что, он парень, – судачат женщины. – Отряхнулся и пошёл. А девкам срам на всю жизнь. Да что за молодёжь пошла бесстыжая!

Вспоминали свою молодость.

Евдокия Калмыкова рассказывала:

– У-у! Мы с ребятами дрались. Конечно, доставалось нам, да и мы им спуску не давали. Подкралась как-то к дому – ребята там брагу пили да в карты резались – дверь-то подпёрли, а сами на завалинку, юбки задрали и задницы в окна. Слышим, парни говорят: «Чтой-то темно стало. Ба! Да это жопы. Ну, мы вам щас зададим, сикарашки проклятые!» Кинулись в дверь – а чёрт там ночевал! – она же припёртая. Разозлились – стали окна бить, а мы бежать. Так было!

Слушая этот рассказ, я мысленно был на стороне девчонок, которым нечего было противопоставить мальчишеским кулакам, кроме голых задниц в окна. Это ж надо так вжиться в образ!

Долго судачили, собрались расходиться. А тут Катька Лаврова из огорода кричит сёстрам Мамаевым:

– Алка, Нинка айдате в гости, я картошки нажарила...

Опять картошка! У-у, бесстыжие! И вновь работа языкам – будто дров в костёр подкинули...

Дыхнуло осенью. Туман сомкнул землю с небом, и где-то в белёсой выси затерялось солнце. Грустно на душе от каприза природы, пакостно от одиночества. Ребята собрались гурьбой, ушли на свалку. Я только вслед им поглядел – вражда продолжалась.

Ходил неприкаянный вокруг дома и решил в Яму заглянуть. Конечно, это не лесное Эль-дорадо, но и сюда валят всякий мусор. Иногда что-нибудь интересное попадает. Вон среди бурьяна мелькнула чья-то гребнистая головка с бусинками встревоженных глаз.

Поборов страх, вооружился палкой и пошёл в наступление:

– Кыш, проклятый!

Из-под лопуха с тревожным квохтаньем выскочила индюшка и припустила к домам. Что это она там прячет? Заглянул под лопух и обнаружил в земляном гнезде кучку крупных пёстрых яиц. Оба-на, вот так находка! Прикинул – в карманах, за пазухой столько не унести. Да и опыт уже есть горький. Пошёл домой за сеткой, в которой мама хлеб из магазина носит. По дороге думаю – чья это индюшка, не иначе Лавровых. Бабу Грушу с её мужем Латышом я уважал и решил сначала к ним завернуть. Благородный поступок мой был не только похвален, но и поощрён – Аграфёна Яковлевна дала мне два пёстрых яйца. Мама яичницу в полсковородки поджарила, а отец сказал:

– Кормилец растёт и честный человек. Вот что значит мужик.

В шутку или всерьёз они детей делили на «мой» и «твоя».

– А Люся грибов принесёт, – сказала мама.

Я забеспокоился, не поев ладом, выскочил на улицу. Туда-сюда – точно, ушли девчонки гурьбой в лес за грибами. Обиделся. Ну, никак они без пацанов не могут – мальчишки в лес, и эти следом. У-у, сикарашки! По полю чуть не до опушки добрёл, дальше побоялся и вернулся домой.

У ворот грузовик стоит – брат двоюродный Николай Масленников из Троицка приехал. Сливают шлангом бензин из бака в ведро.

– Лёль, куда выливать?

Все отцовы племянники зовут моих родителей лёльками.

– А я почём знаю? Был бы сам дома...

– Ну, ничего, найдём, – насвистывал Коля. – Сарай-то открыт?

– Да кто ж его запирать будет? И от кого?

Масленников нашёл в углу сарая бочку, открутил крышку, понюхал:

– Вроде, бензин. А солярке-то, откуда быть?

Он подмигнул мне и аккуратно перелил ведро в бочку.

– Как дела, подрастающее поколение?

Я решил поведать свои тревоги:

– Девчонки в лес ушли – как бы ни заблудились. Может, съездим, поищем?

Николай закинул шланг под сиденье, повесил ведро за кабиной, вытер руки тряпкой и сказал:

– Сами найдутся. Девоч, Антоха, кашей не корми – так им в лес хочется. А что ж ты с парнями не дружишь?

– Сестра там.

Мама показалась в воротах:

– Поешь?

– Нормально. Я не голоден, – и мне. – Прокатить?

Кататься с Николаем Масленниковым мне не хотелось.

По телику «Крепостную актрису» показали, и девчонки заболели театром. Наверное, Алка Мамаева придумала, чтобы слить в одно два увлечения:

– Мы будем играть в кукольный театр.

Пригодились их Дашки, Машки, пупсики и Маришки. Опять в дело пошли пёстрые лоскутки – шились наряды, декорации. Сюжет выбрали на тему сказки «Василиса Прекрасная», только перелопатили либретто изрядно. Все, кто хотел участвовать со своей любимицей, получили роль и листок со словами, которые надо было выучить и произносить, вертя куклой над ширмой. А поскольку участвовать захотели все, то возник дефицит зрителей. Тут они и вспомнили обо мне.

Я ко всей этой возне с кукольным театром отнесся весьма равнодушно и на репетиции не ходил. А когда пригласили на премьеру, решительно заявил:

– Не-а, лучше я по телику посмотрю – там интересней.

Девчонки на хитрость пошли:

– Буфет будет бесплатный.

И я пошёл, а девчонки не обманули – яблок притащили, груш, конфет, компот в графине. Я набью полный рот, жую и хлопаю невпопад, изображая благодарного зрителя.

Кукловоды разошлись – что значит, великая сила искусства! – прут отсебятину. Алка за ширмой психовала, психовала, а потом сдалась и смирилась. Короче, Василиса ихняя не только Кашея отмутила, но и Ивана, женишка своего, а потом за Бессмертного замуж собралась. И, кажется, выскочила. Я как-то не особо вникал – больше на «буфет» налегал, торопился халяву умять, пока артисты искусством заняты.

Вообщем, не понравился мне спектакль. И оказался неправ – чудо свершилось! Слух о представлении просочился на улицу. Стали меня мальчишки останавливать, спрашивать – «а, правда?», «а, что там?», «и когда?», ну и так далее. Как-то вечером изловили, за руки, за ноги схватили и, утащив на поляну, усадили в кругу:

– Рассказывай.

И я понял, что пришёл мой звёздный час. Ох, и врал же я! Отыгрался за все свои прежние унижения. Говорил, что театр кукол у нас получился, что надо. Что я в нём директор. Что будем мы выступать в «Горняке» – районном Доме культуры, а потом поедем с гастролями по всей стране. Эти лопухи верили всему, потому что это было необычно – своего театра на улице ещё не было. В тот вечер ко мне пришла слава. Сверстники за честь считали пообщаться со мной. Старшие ребята здоровались за руку. Всех интересовал вопрос – что нового в кукольном театре.

– Репетируем, – многозначительно отвечал я. – Готовимся к гастролям.

Девчонки наотрез отказались показать своё представление широкой публике – им тоже нравилось таинство творчества. Ну, а мне-то это на руку – день ото дня рос авторитет мой на улице.

С приездом на каникулы Нины Ломовцевой в дружном лагере девчонок наметился раскол. Нинель училась в пединституте, была вся из себя городская – ходила в брюках, курила, играла на гитаре и пела хриплым голосом блатные песни. Ещё она занималась боксом – мутузила со старшим братом Славиком мешок с песком в своём сарае.

– С мальчишками надо дружить, а не ругаться, – заявила она.

Поскольку вся улица в эти дни судачила только о театре, и Нина решила проявить свои способности в режиссуре.

– Будем ставить «Три мушкетёра», – объявила она. – И не куклами, а в естестве.

Дюма был решительно перелопачен, и весь сюжет спектакля сводился в основном к свиданиям Дартаньяна и Миледи. Однако на первых же репетициях возникла проблема, поскольку Нинель сама хотела играть обе главные роли. И кого бы она ни пробовала на героев, никто ей не нравился.

Прежний уличный лидер Алла Мамаева болезненно переживала падение авторитета – день ото дня ряды сторонниц её и кукольного театра стремительно таяли. Не как снег в ручьи, а просто сбегали девчонки из мамаевской бани, где ютился театр кукол, в сарай к Нинель Ломовцевой, где репетировали «Трёх мушкетёров». Причём, из репетиций тайны не делали – там всегда было полно зрителей и артистов. И мальчишкам вместе с девчонками вход был свободен.

Чёрной завистью изнывая, Алка захотела вернуть себе лидерство решительным шагом.
– Мы будем строить стадион, – однажды объявила она подругам и толпе малышей.

На следующее утро, вооружившись лопатами, все, кому понравилась идея, ушли за пригорок. Сделали разметку, вбили колышки, натянули бечёвку. Алка в позе Петра Великого, закладывающего северную столицу, объявила:

– Здесь будет стадион. Поставим штанги для волейбольной площадки, для бегунов засыпем дорожки, выроем яму для прыгунов. Зрителям поставим скамейки. Копайте.

Детвора дружно налегла на лопаты, но энтузиазм скоро иссяк. Мы устали и начали думать и понимать – пустая затея. Во-первых, далеко – не то что зрители, спортсмены не захотят сюда тащиться. Во-вторых, лето на исходе – о зиме надо думать, о лыжах и санках. Бунта не было – как-то сами собой работы свернулись, и мы побрели домой. Подружкам Алкиным стало ясно – лидерство её завершилось. И поняв это, она решила на месть. Втроём, с сестрой Ниной и моей сестрой, пригласили в гости Валу Жвакину – задарили её куклами, тряпками и уговорили не ходить на репетиции к Нине Ломовцевой в сарай. Та, дурёха, сразу клюнула и, когда повстречала режиссёра, пеняющего на прогулы, показала ей язык и пропела дразнилку:

– Выбразуля первый сорт, куда едешь – на курорт

На курорт лечиться, выражать учиться.

Нина тоже в долгу не осталась:

– Выбразуля номер пять, разреши по морде дать.

И дала, если б догнала. Девчонки-интриганки, узнав об этой ссоре, бегали перед Жвакинским домом, взявшись за руки, и кричали:

– На бобах осталась! На бобах осталась!

Никто из них и не собирался дружить с Валею Жвакиной – она была лишь орудием мести. А та, обманутая, тут же кинулась в сарай Ломовцевых – извиняться и каяться. И к удивлению девчонок, была не только прощена, но и великодушно назначена на роль Миледи. Негодованию оппозиции не было конца – ну, какая из неё шпионка кардинала, да она же вылитая лошадь Дартаньяна. Правда, волосы у неё роскошные – не отнимешь. А вот меньший брат Васька Жвакин учится в классе для умственно отсталых детей. Это все знают. И вообще, вся семья её – если не дураки, то придурки точно. Словом, удел проигравших – злиться и завидовать.

Я легко отказался от должности директора кукольного театра, которую, сам себе придумал, и перебежал в компанию Нины Ломовцевой. Мушкетёрам нужны были шпаги. Я принёс свою, вторую выпросил для артистов у Николая Томшина. Реквизитор – так называлась моя должность в новом театре. А что? Звучит. Мне, по крайней мере, нравилось. Я стремглав бежал выполнять любые указания главрежа, и занят был так, что забывал о еде. Солнечный трепет моря, белые чайки и гладкие, чёрные спины дельфинов, вынырывающих из воды, отошли куда-то в сторону. Их видения не тревожили мою душу в эти дни. Она была занята предстоящим представлением.

С распределением ролей подготовка спектакля пошла вперёд семимильными шагами – не за горами премьера. Наконец, был назначен день, написаны афиши. Расклеивать их на столбы я взял в помощники Халву – мы прошли по всем бугорским улицам до самой больницы.

День премьеры стал каким-то детским праздником – народ валил со всей окрестности. Ни Коле Томшину, ни какому другому «Потрясателю Вселенной» не удавалось собрать такое воинство под свои знамёна.

За околицей у сеновала вкопали столбы, натянули верёвку, повесили покрывало – это была сцена. Зрители рассаживались на траве. Кому хотелось курить, оставляли кепки и отходили в сторонку, ревниво следя за своим местом. Это был зал.

Я разрывался на части – мне хотелось быть и в зале, и за кулисами. Непосвящённые друзья дергали за рукава – ну, что там, как? Никто не обзывался – «Шесть-седьмой» или «Бабий пастух». Это был день примирения больших и малых, девчонок и мальчишек, Бугорских и Болотнинских, Октябрьских и Больничных. Великая сила искусства!

На сцене Дартаньян (Нина Ломовцева) самозабвенно целовался с Миледи (Валя Жвакина), а из зала ни одной пошлой реплики. Неумело размахивая шпагой, гасконец разгонял неуклюжих гвардейцев, и ему аплодировали наши лучшие уличные фехтовальщики. А когда артисты вышли поклониться, все встали и долго хлопали стоя, дарили цветы, как в настоящем театре.

Потом был концерт. Все жаждущие славы выходили на сцену.

Дартаньян пел хриплым голосом:

– В одном из замков короля с его прекрасной королевой

Жил шут красивый сам собой – король любил его напевы....

Два Серёги Ческидов и Колыбельников сбренчали дуэтом на гитарах нехитрую инструментальную пьеску.

Я стишок рассказал:

– Мишка косолапый по лесу идёт, шишки собирает, песенки поёт.

Шишка прилетела прямо мишке в лоб, мишка рассердился и ногою – топ.

Сёстры Мамаевы Алка и Нина спели душевно:

– Всё васильки, васильки – сколько их много во поле

Помню, до самой зари их собирали для Оли....

Сами в слёзы и толпу чуть не завели.... Однако хлопали от души. Чего-чего, а аплодисментов хватило всем от благодарных зрителей.

Вечером жгли костёр. Пели песни хором, травили байки, пускали папиросу по кругу. Было здорово и грустно. Грустно от того, что уходило лето. Грустно, что столько дней потрачено впустую, на бессмысленную межусобицу, хотя можно было дружить весело и беззаботно.

Первого сентября Люся взяла меня за руку и отвела в школу. Но это уже другая история.

Забияки

*Если дружишь с хромым, сам начинаешь прихрамывать.
(Плутарх)*

1

Наша маленькая в двадцать дворов улочка отправила тем годом в школу четырёх новобранцев. Первый раз в первый класс пошли трое Толек и один Колька. Расскажу обо всех, а начну с Толяна Калмыкова. Потому что дом его номер один и стоит крайним на улице у самого Займища. Потому что он выше всех в нашем квартете, сильней, отважнее, благороднее. Последнее утверждение спорно – себя бы поставил на первое место. Но вот пример, и судите сами.

Встречаемся на улице жарким летним полднем.

– Куда, Толян?

– Котят топить. Пошли со мной.

– Что?! Ну-ка покажи.

Он показал. В картонной коробке тыкались слепыми мордочками, топорщили голые хвосты четверо котят.

– Топить? Ты что ли фашист?

– Не-а. Мне рупь соседка заплатила.

– А мать за рупь утопишь? За трояк?

– Отстань.

– Слышь, отдай мне их.

– Зачем?

– Выкормлю.

– Без кошки они сдохнут.

– Я из бутылочки через соску.

– Не отдам – мне заплатили.

– А если я тебе, фашисту, морду набью?

Только спрятал коробку за спину и с любопытством посмотрел на меня.

– Набьёшь – отдам.

Желание драться с Калмыком отсутствовало напрочь.

– Ты вот что... Ты больше ко мне не приходи, и я с тобой больше не вожусь – таких друзей в гробу видал.

Мы разошлись в разные стороны.

Я не сдержал слово. Как-то сам собой забылся инцидент, а долго дуться на Толяна невозможно – слишком интересно было с ним. Прошёл, наверное, месяц. Приходит Калмык с известной уже коробкой, а в ней все четыре весёлых пушистых котёнка, вполне самостоятельных.

– Те?

– Те. Я их выкормил из соски, теперь твоя очередь заботиться – найдёшь им хозяев.

– Врёшь – поди, кошку у соседки кормил, а она их.

– Держи, Айболит, – он сунул мне коробку в руки и удалился с независимым видом.

Знаете, как я его после этого зауважал – просто кумиром стал моим, примером для подражания. Звал Толяном, а вообще-то кличек у него было предостаточно. Калмык, Калмычок – это понятно. Сивым его звал старший брат Бориска. Волосы у моего друга были белее известки, как у ветерана-фронтовика. Дрались братовья не часто, но жестоко. Разница в три года давало старшему Калмыку преимущества в росте, силе, инициативе. Но Толян был упёртым – он поднимался и снова шёл в бой, вытирал кровь и продолжал наседать. В конце концов,

избитый до полусмерти (наверное, лишка загнул), Толян терял терпение и облик поединщика: ударившись в рёв и слёзы, хватал, что под руку подворачивалось – нож, дубину, топор. Борька позорным бегством покидал усадьбу – благо ноги длинные, а вот характер слабый. Толька никогда не пользовался плодами своих побед, чтобы подчинить себе старшего брата – исправно слушался его до следующего конфликта.

Ещё его звали Рыбаком – страсть эта фамильная. Дед, работающий пенсионер, мастрячил внукам какие-то замысловатые капканы, силки, вентеря. Однажды сделал арбалет с луком из стального прутка и такими же стрелами. Толька пошёл с ним на болото, растерял все стрелы, кроме одной, которой подстрелил утку. Рыбалкой и охотой увлекался у них отец – Борис Борисович Калмыков. Только любил он эти промыслы не за азарт добытчика, не за результаты, а за возлияния у костра. Короче, алкаш был, и всё тут. Любил комфорт не только в доме, где за чистотой и уютom следили наперегонки жена и тёща, но и в полевых условиях. Сейчас поясню, в чём это выражалось.

У Борис Борисыча если лодка, то обязательно резиновая, из магазина. Такие же палатка, сапоги, гидрокостюм, удочки, сети и даже патроны. Хотя для набивки последних у него был полный набор приспособлений – калибровка, капсулевыбивалка и вбивалка, дозатор для пороха, пыжерубка. Он мог дробь изготавливать в домашних условиях – были литейка, протяжка, дроберубка и дробекаталка. Но Борис Борисович предпочитал без хлопот приобретать в охотничьем магазине «Зорька» заряженные папковые патроны.

Отец мой за это его недолюбливал и даже презирал, во всяком случае, чурался. Зато обожали окрестные охотники. Дважды в год шумно было у него во дворе от людского наплыва. Мужики тащили свинец во всяких формах его существования, ну а мы, пацаны, довольно уже сноровато лили свинцовую проволоку, протягивали её через калибровку, рубили, катали цилиндрики в шарики, вращая тяжеленную крышку чугунной дробекаталки. Час-другой и готовы килограммов пять прокатанной в графите дробы. Мужики угощали хозяина спиртным, нас – охотничьими байками. Весело было всем.

Борис Борисыч не брал сынов на промысел. Однако эта страсть у них была в крови.

Потеряв последнюю стальную стрелу, Толян забросил на чердак арбалет. А утки, будто прознав об этом, вышли на берег, стали купаться в песке, хлопать крыльями и беспечно крякать. Такого нахальства от пугливых пернатых Рыбак уже стерпеть не мог. Стащил у отца двустволку, из которой прежде никогда не стрелял. В соучастники пригласил нас с Колькой Жвакиным, пообещав поделиться добычей. Кока встал на четвереньки – подставкой под тяжеленное ружьё. Я упёрся в Рыбакову спину, чтоб отдача – по словам мужиков, не малая – не швырнула юного охотника «к чёртовой матери».

По неопытности иль азарта охотничьего, а может от лютой ненависти к наглым лысухам Толян сдуpletел из ружья. Как мы ни готовились, выстрелы прозвучали громом небесным. Дробь вспенила воду далеко за береговой чертой. Утки всполошились и врассыпную – кто на крыло, кто бегом до камышей. Я видел, а Колька нет. Он вскрикнул, зажал ладошками уши, потом и затылок, на который обрушилось оброненное Рыбаком ружьё. Жвака драпанул домой. Следом Толян – отдача отбила ему плечо. Остался я один с брошенным ружьём и ничуть не пострадавший. А потом и утки вернулись на берег, посмеяться да покрякать над горе-охотниками.

Удивил меня Толян своим бегством, а вот Колька ни сколько. Фамилия у него была Жвакин, а кличек – хоть пруд пруди. Впрочем, чего там – улице ли фантазий заниматься? Ноги у него были самой сильной стороной, не потому, что быстро бегал – хотя и этого у него не отнять – просто привык все проблемы копытами решать. Чуть небо омрачилось, Кока ноги в руки и домой. Хауз для него и двух его старших братьев был крепостью, которую в отсутствии родителей не раз пыталась взять штурмом уличная пацанва.

Они стояли друг друга, братья Жвакины. Никогда не бились за свой авторитет, не дорожили им: главное – добежать до дома. А уж оттуда, из-за высокого забора и крепких ворот, ругай, кого хочешь и как хочешь, швыряйся камнями, зелёными грушами и яблоками. Груши на нашей улице редкость, а эти поганцы настаивали их в моче и кидали в толпу. Кока сам однажды признался, а потом бросился бежать, и понятно почему.

У Кольки были белые волосы, даже белее чем у Калмыка. Сивым его звали братовья, а мы – никогда, уважая Сивого-Рыбака. У него был румянец от уха до уха и белое тело, которое совершенно не поддавалось загару. Это было странным.

– Ты альбинос какой-то, – заметил однажды я.

– Альбинос, альбинос! – стали дразниться мальчишки.

Но призадумались, когда узнали, что альбиносами зовут неполосатых тигров. Сравнить Коку Жвачковского даже с неполосатым тигром – курам на смех. И не прижилось.

Третьим в нашей компании был Толька Рыженков – парнишка с пшеничным чубчиком, лёгкой косинкой в глазах, влюбчивый до неприличия. Когда нас приняли в октябрята и дали значки с маленьким Лениным, Рыжен заявил:

– Я теперь таким же буду.

Думаете, он стал отлично учиться, слушаться родителей и учителей? И в мыслях не было – он стащил бигуди у старшей сестры и завил чубчик.

– Похож? – продемонстрировал нам.

– С Володей Ульяновым? Одно лицо, – согласились мы.

Эта страсть у Рыжена скоро прошла и появилась другая. Девочку звали Люба Коваленко – пухленькая, румяная хохлушка-хохотушка. Я бы тоже в неё влюбился, если бы не... Она училась в нашем классе, но жила в другом районе посёлка. Мальчишки там обитали злые, коварные – большие любители подраться, был бы повод. Люба – это повод. Я это понимал и даже не оглядывался в её сторону – не по Сеньке шапка. А Рыжен так не думал и, влюбившись, пошёл провожать.

Догнал он нас на самом Бугре. Мимо бы пробежал, не заметил – так его шуганули. Нос расквашен, фингал под глазом, в ранце снег вместо тетрадок. Урок да не впрок. На следующий день, зачарованный сияющими глазками и ямочками на щёчках, он взял её портфель и вновь пошёл на Голгофу. И казнь косоглазого «Христа» повторилась. И повторялась изо дня в день. Любочке что, ей весело, и перед девчонками форсит – вон как мальчишки-то из-за меня. А Рыжена били, с каждым днём всё ожесточённее.

Скажите, вот он рыцарь-романтик, настоящий герой – так страдать из-за дамы сердца. Но погодите с выводами, лучше дослушайте рассказ до конца.

Герой-романтик звал нас в телохранители, не поверите – даже зарплату обещал. Но лезть в такое пекло за пончик стоимостью четыре копейки никто не хотел. Жалко было товарища, но так били-то его не за сходство с маленьким Лениным – с девочкой из другого района хотел дружить, а это не поощрялось.

Однажды всё переменилось.

2

Чтобы покинуть школу через парадный выход, надо было пройти два маленьких коридорчика. К чему такая анфилада дверей? А кто знает – строителям было видней.

Я шёл первым и как всегда беззаботно балаболит о чём-то. Крепкая затрещина опрокинула меня в угол второго коридорчика. Успел только заметить, что бил Рыжен. И в то же мгновение град ранцев и портфелей обрушился на мою недоумевающую голову. Ботинки, валенки и сапоги вонзались в моё скрюченное тело, торопясь и мешая друг другу.

Кока шёл вторым, мгновенно оценил опасность и метнулся назад. Успел бы и Рыбак убежать, но он остался и бился в дверях один против своры одноклассников, не иначе как белены объевшихся. Впрочем, помочь мне он не сумел – вышибли его из дверного прохода, как пробку из горла бутылки.

Спас меня Илюха Иванистов. Был в нашем классе такой мальчик, жил с Любочкой на одной улице, но с тамошними ребятами не якшался – мнил себя независимым и бесстрашным. Впрочем, второе обеспечивал старший его брат Юрка Иванистов, которого, по слухам, даже милиция боялась. Был он бандитом (может хулиганом?), ходил с ножом и жестоко избивал младшего брата за любую провинность. Но попробовал бы кто посторонний тронуть Илюху – всё, кранты: возмездие наступало незамедлительно и было жестоким, даже изощрённым. Однажды он построил наш класс, достал нож и аккуратно отрезал все пуговицы, даже с ширинок брюк – положил их в карманы владельцев, пообещав в следующий раз выпустить кишки наружу. Ему верили, его боялись. Поэтому никто не хотел связываться с младшим Иванистовым. Илюха этим пользовался, бесстрашно влезал в любую заваруху, чтобы доказать свою независимость. Встрял и теперь. Продрался сквозь терзавшую меня толпу, встал над поверженным телом, и замельтешил кулаками, разбрызгивая по стенам разноцветные сопли – от зелёных до красных. Враги мои отпрянули. Выскочили из коридорчика и сгруппировались в школьном дворе. Илюха помог подняться, отряхнул от мусора.

– За что они вас?

– Не знаю. Рыжен, наверное, натравил.

Мы выглянули за дверь. Толпа одноклассников, числом не менее пятнадцати человек, томились ожиданием. Рыжен среди них за своего – руками машет, на окна указывает. Положение было фиговым. Илюха похлопал меня по плечу – держись, братан! – и смело пошёл на переговоры.

Я вернулся в школу, и с друзьями по несчастью, поднявшись на второй этаж, осмотрели двор. Увиденное не радовало. Взбесившиеся одноклассники стояли воинственной ратью, жаждали крови. Илюха томился в сторонке в гордом одиночестве. Впрочем, зная его настрой, не трудно было догадаться, что мирный исход – это не совсем то, что его устраивало. Надежды на него не было никакой. Нужно что-то делать и рассчитывать только на себя – жаловаться, кому бы то ни было, а уж учителям точно, не в школьных правилах.

Выход я предложил такой – выпрыгнуть в окно первого этажа, пока враги не оцепили школу по периметру, и драпать до дому без оглядки. План Рыбаку понравился, а про Коку что говорить – ему бы только «костыли» размотать, а там уж его ни одна собака не догонит.

Дверь класса, окна которого выходили в школьный сад, была распахнута – там гремела ведром техничка. Мы вошли.

– Давайте парты поможем перевернуть.

– Вот молодцы. Вот тимуровцы, – обрадовалась женщина.

Мы с Рыбаком за парты, а Кока шмыг к окну. Дёрнул шпингалеты и – вот она свобода!

– Ах, ироды! Ах, поганцы! Вот я вас шваброй.

Рыбак был уже на подоконнике, и швабра пришлась по мне. Впрочем, я вовремя подпрыгнул, и сырая тряпка на палке угодила в ведро. Оно опрокинулось, вода хлынула на пол. Совсем не женская ругань стеганула мою спину, но всё это было уже не важно. Потому что, взлетев на подоконник, я сиганул в распахнутое окно. Потому что, скрывшийся с глаз Кока, вдруг «вырулил» из-за школьного угла, таща за спиной свору улюлюкающих одноклассников.

– Бей! Ату их! Ату!

Мы бросились в сад, перемахнули высокий забор и поняли, что недооценили соперников. С обеих сторон улицы спешили к нам мальчишки, и не с пряниками в руках. Назад путь тоже отрезан. Мы кинулись в восьмилетку напротив – двухэтажное деревянное строение, с учениками которой перекидывались снежками на переменах.

Когда я вбежал в её двор, Кока уже хлопнул входной дверью. Впереди маячила спина Рыбака, а сзади наступало сиплое дыхание Рыжена. Не знаю, откуда у него взялась эта прыть, но летел он как ветер, вскоре догнал и поставил подножку. Рухнул я, а Рыжен, оседлав, принялся мутузить.

– Ага, попался!

Если б он не орал так истошно, мне бы опять здорово досталось. Но его вопли остановили Рыбака – он вернулся и сумкой так шандарахнул предателя, что тот кубарем покатился прочь. Толян помог мне подняться, и мы бросились бежать – захлопнули дверь перед самым носом наступавших преследователей.

Теперь оставалось только ждать и слоняться по коридорам – то пустым и гулким, то взрывающимся гулом голосов и топотом ног после звонка. Уже потемну в компании моей старшей сестры и её подруг беспрепятственно вернулись домой.

3

Это не инцидент – это было начало войны, в которой мы заранее обречены на поражение. Кока на утро сказался больным и в школу отказался идти. Заглянул к Рыбаку – тот нехотя швырнул тетрадки в сумку, а настроение читалось на несчастном лице. Я поведал о наших бедах старшему Калмыку – Бориске. Тот боевым пылом не проникся, но обещал над проблемой подумать. Учился во вторую смену, и времени для размышлений у него было предостаточно. А мы пошли в школу будто на фронт, но не добровольцами.

Весь день шли переговоры – на уроках записками, на переменах визави. Мы пытались дознаться причин вдруг возникшей всеобщей к нам нелюбви. Конкретных претензий мы не услышали, но чувствовалось, что Рыжен помутил изрядно. Мы предлагали для разрешения конфликта биться с любым желающим, но только один на один, а не как вчера – толпой на троих. Нам предлагали другой вариант – каждый, того желающий, бьёт разок по морде (по моей, между прочим, и Толькиной тоже), на том и расходимся. Это было унижением – могло подойти Жвачковскому, но нам это не подходило. Однако и зайцами бегать каждый день было постыдно.

После уроков на школьный двор выходили угрюмые, как защитники Фермопил, но меж собой решили – больше не побежим, станем спиной к спине и будем биться, пока не ляжем бездыханными спартанцами Леонида.

Нас поджидали. И не только враги. Оказывается, Борька Калмыков всё-таки обдумал проблему и нашёл из неё выход. Жили на Бугре братья Ухабовы – драчуны и забияки – Колька, Витька, Саня и Женечка. Вот этот младшенький – по-уличному Пеня – парень был, про которого говорят, оторви да брось. Был он, конечно, старше нас и даже старше Борьки Калмыкова. Избалованный авторитетом братьев, лез в любую заваруху. Не главное – кто с кем и из-за чего – но всегда на стороне сильнейшего. Страсть как любил победы. Был он крупнотелым, толстогубым, косноязычным – под носом и на подбородке всегда блестело. Нерасторопным был. За то и кличку получил – Пеня. Напросился футбол погонять, а на поле стоял как пень – с места не сдвинулся. Отсюда и пошло – Пень, Пеня (вместо Женья). Учился в Челябинске, в каком-то ПТУ, но чаще находился дома, болтался по улицам, отбирая деньги у малышей. Врал о своей учёбе и жизни городской безбожно. Что, де, мусора однажды их общагу штурмом брали, а они (бравые птушники) натянули резину меж тополей и как из рогатки обстреливали стражей порядка кирпичами, урнами и прочим хламом. Одним метким выстрелом мусорскую машину перевернули. Врал ещё, что у «Фантомаса» есть продолжение – «Труп в зелёном чемодане» называется. Что Фантомасом звали корову, которую задавила на дороге машина французских мусоров, и человек в ужасной маске им за то мстил. Вообще, враль безбож-

ный и неумный, а тип ещё тот, от которого лучше держаться подальше. Но он теперь шёл нам на выручку с маленьким юрким помощником – первоклассником Серёжкой Щипкиным.

В этот момент мы стояли вдвоём против стены одноклассников, алчущих нашей крови, и никак не соглашались на безвозмездный мордобой.

– А что тут происходит? – удивился и быстро разобрался Пеня. – Ага, бугорских обижают. Ну-ка, Щепка, вдарь.

Щипкин вразвалочку подошёл и треснул крайнего по носу. То был Юрка Семченко, и кровь из его ноздрей брызнула на школьную стену. Юрка сел на корточки, зачерпнул в пригоршню снег и приложил к лицу. Щипкин шагнул к следующему, и процедура повторилась. Кто-то бросился бежать.

– Куда? Стоять! – рявкнул Пеня. – Поймаю, убью.

Ему поверили и остановились. Только Рыжен улепётывал без оглядки.

– Этого зарезу со всей семьёй, – пообещал младший из Ухабов.

Щипкин аккуратно, никого не пропуская, обошёл всю толпу наших врагов. Тому, кто не желал кровоточить с первого удара, он повторял ещё. Упёртым бил и по третьему разу. Впрочем, удар, как говорится, у него был поставлен, а перепуганные мальчишки не сопротивлялись, не закрывались – безропотно подставляли носы для экзекуции. После воспитательных процедур Пеня собственноручно обшарил карманы – забрал всё, что нашёл. Особенно радовался мелочи.

– Завтра я снова приду сюда в это же время. С каждого – по пять копеек. Кто не принесёт, получит от Щепки. Всем ясно? Свободны.

Домой мы шли, радуясь счастливому избавлению, и строили планы мести коварному Рыжену. Однако Пеня повёл, между прочим, такие речи:

– Мужики, я вам помог, а долг, как говорится, платежом красен. Короче, по десять копеек с каждого в день, и ни одна собака вас не тронет. Даже можете лупить одноклассников, когда захотите, как Щепка, или же это он будет проделывать с вами.

Десять копеек! Эту сумму мне давали на школьный буфет. Остаться без обеда, или Щипкин расквасит мой нос. Я покосился на юркого первоклассника. Да что он может без Пени? Прибить его щелчком – плёвое дело. Тем не менее, гривенники мы аккуратно отдавали каждый учебный день самому Пене, а в его отсутствие молокоосу Щипкину. Толян спёр у деда трояк, и Пеня на месяц освободил его от податей. А я голодал, отдавая все деньги на обед. Впрочем, сильно отощать и умереть с голоду не дали мне одноклассники – вчерашние враги, а теперь собратья по несчастью. На большой перемене я собирал благодарных слушателей и рассказывал выдуманные истории, бесконечные, как сказки «Тысяча и одной ночи». Именно благодарных, потому что за красноречие получал награду – пончик, а то два или три.

Рыжена мы отметили очень скоро. Надо отдать должное – парень не был трусом, как, скажем, Кока. Он вышел на болото играть в хоккей – заявился, как ни в чем, ни бывало. На что рассчитывал? Только ему известно.

– Ну, что? – спросили мы.

– Бейте, – согласился Рыжен.

Кока отказался от экзекуции – не думаю, что пожалел, наверное, последствий боялся. Я встал напротив – Рыжен улыбался, глядя в мои глаза своими раскосыми. Он ничуть не боялся, или делал вид – и у него получалось. Ударил в его незащищённый подбородок, и Рыжен, поскользнувшись (был на коньках), хрястнулся спиной об лёд. Шапка его откатилась. Рыжен поднял её, нахлобучил, поднялся и сам – улыбка его осталась на льду. Потом ударил Рыбак и ещё пнул пару раз лежащего, срывая злость – экзекуция была закончена.

Потом его подловил Пеня и собственноручно отлупил – наложил дань в двадцать копеек. Сначала Рыжен отказывался платить, и Щепка каждый день пускал кровь из его носа. Потом где-то стал доставать деньги – наверное, крал – и жизнь его полегчала.

Пеня, не встречая сопротивления, наглед с нами день ото дня и дошёл до беспредела на новогодний праздник. В наши подарочные кулёчки он только лапу свою запустил с мерзкой ухмылкой – угощаешь? – и после этого там не осталось шоколадных конфет. А у противников наших прежних, мальчишек с Рабочей улицы, совсем отобрал кулёчки. Щипкин – упырь-малолетка – попробовал девчонок потрошить, но те такой визг подняли, что вмешался Пеня: – Этих оставь.

Никакие дипломатичные переговоры, никакая кровавая потасовка не спаяла бы так наш классный коллектив, как эта всеобщая беда – сильная, жадная и сопливая. Рыжен, плативший двугривенный налог, мог беспрепятственно провожать Любочку – никто его не трогал. Никто не задирался к нам. Все мучительно искали выход из создавшейся ситуации. И, кажется, он сам нашёл нас.

Однажды в класс явилась женщина в форме, сказала, что работает в детской комнате милиции. У неё, мол, есть сведения, что гражданин Ухабов Евгений отбирает карманные деньги у школьников и заставляет их красть у родителей.

– Вы не бойтесь, – убеждала она. – Вам достаточно только подписать одни общие для всех свидетельские показания, и Ухабов загремит в колонию для несовершеннолетних преступников.

– Он никогда не узнает, о нашем разговоре, – заверяла милицейская дама.

Первым вскочил из-за парты Рыжен. А потом другие. И я подписал. И Рыбак – правда, последним. А вот Кока Жвачковский состорожничал – мало ли чего. Впрочем, он не кривил душой – Пеня его не трогал: как-то незамеченным проскользнул он меж загребущих ухабовских лап.

После этого Пеня действительно куда-то исчез. Заскучал его подручник Щепка – били его в школе каждый день. Впрочем, сам виноват....

4

Появился Ухаб в конце зимы, и мы затряслись от страха. В школу боялись ходить – боялись и ходили. Месяц прошёл – Пеня никого не трогал. Щипкина перестали бить, но и он ни к кому не лез. Мы уж подумали, изменились времена – проучили мусора хулигана. Но вот однажды....

У нашей одноклассницы Любы Гайдуковой был старший брат Мишка, нигде не учившийся и не работавший переросток – дурачок, наверное, но неутомимый, как крот. Жили они на околице, где зимние метели такие наметали сугробы, что домишко их скрывало с крышей. Мишка Гайдуков целыми днями ковырялся лопатой в сугробе – рыл ходы, сооружал лабиринты, в путанице которых сам только и мог разобраться. В его подснежном королевстве, по слухам, была Палата – огромный зал с застеклёнными для света окнами. Взрослые парни устраивали там пиршества, а нам, ученикам начальной школы, дорога туда была закрыта – старшие не брали с собой, а самим страшно – заплутаешь в Лабиринте да пропадёшь. Однако влекло.

Вдруг Любочка Гайдукова передаёт нам приглашение от брата – посетить его знаменитые ходы. Сам приглашает, сам покажет. Нам бы, дуракам, задуматься – с чего это? Да откуда у третьеклассников ум? Уши да чуб, за которые удобно таскать, да лоб, которым можно стучать о школьную доску, вгоняя в тупиц знания. Нет, ума не было.

Приходим вчетвером – даже Кока, которому вдруг изменило природное чутьё опасности. Мишка улыбается, пряча глаза под цыганский чуб, за собой манит. Ползём вереницей – темно, страшно, ложных ходов с тупиками много – главное, не отстать от проводника, а то можно заблудиться. И вот, наконец, загадочная Снежная Палата. В ней светло – над головой окно, в виде стекла в снегу, и в нём мерзкая рожа Ухаба.

– Что, попались, голубчики? Мишка вылазь.

Гайдуков, как мавр, сделавший дело, молча в одну из тёмных дыр. Мы следом:

– Эй, эй, эй...!

Рыжен первым за ним кинулся, ему и прищемило в узком проходе затвором руки. Сверху Пеня сунул в щель широченную доску, и оказались мы в снежном плену – потому что ни поднять её, ни раскатать, ни вытолкнуть её не смогли. Да и не пытались, если честно – перепугались в кромешной темноте. Задом пятясь, вернулись в Палату. Рыжен хнычет, Кока подтягивает – первому руки прищемило затвором, ему больно, а второй от неборимого страха в слёзы ударился. Мы с Рыбаком в переговоры вступили.

– Жень, отпусти.

– Ага, сейчас, – радовался нашей беде и своей удаче толстогубый Ухаб. – Мусорам меня сдали, сволочи. Всё про вас знаю. Замерзните, поганцы – я вас собакам скормлю.

Хныкать хотелось уже всем. Однако Рыжен примолк, испуганный, зато Кока за всех старался.

Мы осмотрелись. Узилище было достаточно обширным. Скращенные доски, подпертые столбиками в четырёх местах, удерживали белый свод, высокий настолько, что стоя рукой не дотянуться. По периметру что-то вроде скамьи из снега с какими-то тряпками, соломой. На полу «бычки», фантики конфетные, пробки от бутылок – остатки пиршества.

Холодно. Может костерок запалить? Кто предложил? А кто ж у нас глупее помёта? Конечно, Рыжен. Если от дыма не задохнёмся, то с потолка начнёт капать – промокнем, замерзнем и очушимся раньше времени. А что делать? Ждать, пока Пеня своей дурью натешится? Или лечь, лапки сложить и прикинуться замерзшими – сам за нами полезет. Мысль, конечно, интересная, но попробуйте полежать недвижимыми на снегу. Нормально? То-то.

Рыжен похватал тряпки, солому сгрёб – лёг. Ну, лежи, брат, мы за тебя покричим.

– Жень, эй! Тольке Рыженкову плохо. Его в больницу надо скорей. Выпусти нас.

Кричали, кричали – в мутном окошке никого. Может, разбить его? Разбить, встать один другому на плечи, и верхний, наверное, сможет вылезти в дыру. За помощью сбегает. Я легче всех – мне и лезть.

– Надо темноты дожидаться, – размышляю вслух. – Сейчас Пеня увидит и всю затею испортит.

– До темноты мы замерзнем.

– Давайте прыгать.

– А может, он ушёл?

– А может, не ушёл.

Пеня не ушёл. Он курил с Гайдуком на лавочке у дома и напрягал свои извилины, думая, как с нами поступить. Выпустить и отлупить? Ну, отлупить – это уж точно. А вот выпускать не хотелось – когда ещё заманишь в такую ловушку. Бросить, чтоб замерзли? На Гайдука свалить? Ему, дураку, ничего не будет. А если мусора до меня докопаются? Вот такие сомнения терзали Ухабовскую душу – даже голова заболела от умственного переутомления.

Как всегда в подобных случаях, на помощь приходит Провидение. Узкой тропинкой меж сугробов пробирался Андрей Шиляев из магазина домой. Пеню просто озарило.

– Слышь, Шиляй, рабов не надо? Бери, недорого отдам, а в хозяйстве пригодятся.

Андрей учился в седьмом классе, был человеком самолюбивым, гордым, независимым – Пени он ничуть не боялся, скорее наоборот. Андрюха мог постоять за себя и презирал уличных хулиганов, помыкающих мальцами.

– Каких рабов?

– Пойдем, покажу.

Мы встrepенулись, когда померк свет единственного окна. Готовы были напрямч голосовые связи, вымаливая прощение и свободу, но воздержались, приметив новое действующее лицо.

Одним взглядом оценив ситуацию, Андрей деловито спросил:

– Сколько?

– По полтиннику за штуку.

Покупатель вытащил из кармана монету:

– Хватит?

– На двоих, – торговался Пеня.

Андрей пожал плечами – дело хозяйское – сунул монету обратно. Ухаб забеспокоился – новенький серебряный рубль разжёл в нём алчность.

– Согласен – забирай.

Монетка вновь увидела дневной свет, но не спешила покинуть ладонь хозяина.

Шиляев кивнул Мишке:

– Открывай.

Гайдук аккуратно вытащил из щели затвор и утащил домой.

– Вылезайте.

– Андрей, мы не знаем ходов – тут лабиринт, – на правах ближайшего соседа обратился к спасителю Рыжен.

– Выведи их, – приказал Шиляев Гайдуку.

Тот покивал головой и нырнул в тёмный лаз. Через пару минут он уже был в Снежной Палате. Следуя за ним, мы, наконец, выбрались на Божий свет. Пеня завладел рублём и заторопился.

– Ставьте жопы – прощаться будем.

– По полтиннику за пинок, – сказал Андрей, холодно глядя в лупоглазые Ухабовские zenки.

– Что-о? – возмутился работорговец. – Да я их так...

– Только попробуй тронуть моё имущество, – Андрей опустил авоську на снег.

Затей они драку, мы бы без команды бросились на Пеню и возместили все накопленные обиды. Понять это не сложно, и мучитель наш побрёл прочь, кляня себя за неудачную сделку. Он вдруг подумал, сколько мог бы зарабатывать, водя нас на верёвке и позволяя каждому желающему лягнуть нам под зад копеек этак, скажем, за пятнадцать. А мы, радуясь счастливому избавлению, гуськом брели за благородным Андреем, и Рыжен захлёбывался словами, описывая наши злоключения. Возле своего дома Шиляев остановился.

– Вас всегда будут бить и унижать, если не научитесь себя защищать. Хотите – научу?

Мы, конечно же, хотели быть такими же сильными, храбрыми и независимыми, как он.

– Иди сюда, – поманил он Рыжена.

Тот встал напротив, улыбаясь. Резкий удар в скулу сбил его шапку. Рыжен покачнулся, но устоял.

– Молодец. Теперь ты, – Шиляевский палец нацелился в мою грудь.

Недоумеая, зачем он так быстро из героя превратился в мучителя, шагнул вперёд. Моя шапка усидела, но лопнула губа, наколовшись на краешек зуба.

– Молодец. Следующий.

Я отошёл в сторонку, уступая место Рыбаку. Плюнул на снег, и слюна имела алый цвет. Толян шагнул навстречу экзекуции, а Кока в тот же миг сорвался с места и запылil позёмкой вдоль по улице в сторону дома. Может его бегство, а может ещё какая прежняя неприязнь правила Андреевой рукой – только достался Рыбаку удар, что говорится, от души. Толян охнул от зуботычины и раскинул руки, падая. Поднялся не сразу и не на ноги. Стоял на четвереньках, мотал головой, и капли крови летели в обе стороны.

Андрей кинул взгляд на дело рук своих и зашагал домой, бросив:
– Приходите завтра в это время.

5

Наутро в школе.

– Пойдёшь? – пытал Рыбака.

– Да на фик надо. Меня Пеня ни разу не тронул, а этот... Нет, не пойду.

Меня пытал Рыжен:

– Пойдёшь?

Я пожимал плечами. Конечно, хорошо быть гордым и независимым, уметь давать сдачи, но чтоб по морде получать каждый день... Бр-р-р... Какой-то спартанский способ воспитания – пренебрежение к боли, за счёт постоянного её присутствия, методом привыкания. Но есть и другой – например, индейцы никогда не наказывали своих детей, считая, что физическое воздействие унижает гордость человека, делает его трусом. И вырастают индейские мальчишки в могучих и бесстрашных воинов, терпящих любые муки у столба пыток. Лично мне такой метод более по душе.

– Я лучше к Пене пойду, – помахал Рыбак трёшкой перед моим носом.

Он прав – за деньги Ухаб любого другом считать будет. А мне-то их где взять – воровать не приучен. Копить по гривеннику в день, голодая, целый месяц? А за месяц... И решил – раз уж Судьбе угодно меня колотить, пусть она бьёт руками Шиляя. Коку Жвакина такие сомнения не терзали.

В назначенное время к известному дому пришли вдвоём с Рыженом.

– А мне не больно, – вертел головой Толька в томительном ожидании экзекуции. – Я вообще терпеливый.

Конечно, подумал я, с такой-то практикой. Но Андрей нас бить не собирался – более того, он как будто бы извинился:

– Вы за вчерашнее не дуйтесь – просто проверил, насколько ваше желание стать настоящими мужиками серьёзно. Прописные, так сказать.

Добавил, намекая на отсутствующих наших товарищей.

– Ну и видно теперь – кто есть кто.

В углу широкого Шиляевского двора была оборудована спортивная площадка – турник вкопан, на нём мешок с песком висел, помост со штангой и большим набором гантелей. Самодельную штангу Андрей один поднимал, а мы – разве только вдвоём с Рыженом. Зато испробовали все гантели и подобрали подходящие. По команде наставника мы подтягивались на турнике, отжимались от помоста, работали с гантелями, скакали через девчоночью скакалку, мутузили самодельную «грушу». И так каждый день.

Андрей заставлял нас с Рыженом боксировать между собой – и Толян косоглазый так разматывал кулаки, что я и защититься не всегда успевал, а уж сдачи дать... Зато я легко одолевал его в борьбе – сказалась отцова выучка. Андрей наставлял нас не только премудростям поединков, но и хитростям коллективной драки. Оказывается, и тут имели место свои тонкости, дававшие преимущества умению, а не числу.

В школе, по приказу шефа, мы о тренировках ни гу-гу. Зато над нами потешались. Слух о нашем снежном пленении и необычном избавлении прокатился по классу и выплеснулся в коридоры.

– За грошик купленные, – дразнились знакомые.

Или:

– Эй, двугривенный, подь сюды...

Прикусили языки острословы, когда мы втроём отлупили десятиклассника Суслая. Суслай – это кличка такая. Может, фамилия у него Суслов, может, звали Славка – не суть важно. Был он здоровым бугаём и гордостью школы – побеждал всех в районе на физических олимпиадах. В смысле, по физике – наука такая о природе вещей. А здоровым он был не потому, что занимался спортом, а просто ел помногу. Драться совсем не умел. Но начал удачно.

Что они не поделили с Шиляем, осталось мне не известным. Только на перемене босс предупредил – после уроков будет дело. И вот мы стоим втроём плечо к плечу на школьном дворе, и все ученики пялятся на нас в окна. Суслай хлопнул дверью, подошёл небрежной походкой – куртка расстегнута, пиджак тоже, галстук на боку, край рубахи торчит из брюк. Впрочем, он всегда такой – расхлестанный. Остановился, чего-то жуя.

– Ну?

А потом вдруг бросил портфель свой полупудовый в Рыжена и кинулся на Шиляя. Схватил атамана за грудки и давай трепать. Силёнка у парня была – под его лапами затрещали Андреевы латы (в смысле – пиджак, рубашка, куртка). Суслай то рвал их остервенело, то душил противника, стягивая ворот, то просто тряс, как грушу. Андрей крушил ему рёбра тренированными кулаками, а вот в лицо попасть не мог – гордость школы расставил локти.

– Агапчик, ноги! – крикнул атаман.

Этот приём мы много раз отработывали на тренировках. Я бросился Суслаю под ноги. Андрей толкнул его, и они оба кувыркнулись через меня. Тут, наконец, Рыжен выбрался из-под завалившего его портфеля, подскочил и очень удачно пнул Суслая в косицу. Тот хрюкнул и затих. Напрочь – ни звука, ни движения. Мы пинали его – причём, Рыжен в лицо, Шиляй по рёбрам, я по толстым ягодицам – а он лежал, как покойник, молча и не шевелясь.

От школьной калитки мы оглянулись. Суслай неуклюже дёргал ногой, пытаясь повернуться то ли на бок, то ли на живот. Школьные окна облепили встревоженные лица.

Андрей стянул с ладони перчатку и выставил перед собой.

– Один за всех!

– И все за одного! – мы с Рыженом дружно шлёпнули по ней своими ладошками.

Ну, блин, мушкетёры!

6

Андрей учил нас не только мордобоем. Он прилежно занимался в школе и желал, чтобы мы избавились от двоек. С некоторых пор наш день в Шиляевском доме стал начинаться с приготовлением уроков. Андрей проверял тетрадки, показывал, как надо решать примеры. Объяснять он умел гораздо доходчивее учительницы. По крайней мере, мне становилось всё понятным. А вот Рыжену не очень – непробиваемый тупица. Андрей, побившись с ним немного, плюнул – а со мной занимался даже с удовольствием.

Однажды мы так увлеклись, что опрокинули чернильницу на красивый полированный стол. Это я опрокинул – Андрей разве только руку мою подтолкнул нечаянно. Всё, думаю, кранты – ох и попадёт мне сейчас. От страха голову втянул, глаза закрыл – что-то будет.

– Таня! – позвал Андрей старшую сестру. – Что можно сделать?

Она вошла – красивая, опрятная, совсем-совсем не строгая.

– Как мама огорчится.

Вдвоём с Андреем они помыли стол стиральным порошком, но след пятна всё-таки проглядывался. Таня принесла клеёнку:

– Постелите от будущих конфузий.

Она была очень похожа на свою мать, а Андрей – на отца. Вот такая семья.

К тому времени, как мы заканчивали готовить уроки и собирались выйти во двор, Таня приносила поднос с чашками чая и сушками в вазе. Надо ли говорить, что я по уши был в неё

влюблён? Тем более, что и она иногда принимала участие в совершенствовании нашего с Рыженом образования. Когда Таня за моей спиной склонялась, заглядывая в тетрадку, её светлые длинные локоны щекотали мне шею и ухо. Я был в те мгновения на вершине горы, под названием Счастьем.

С подачи сестры и брата Шиляевых успеваемость моя поползла вверх. По итогам года в ударники выбился – тёзки на осень остались. А вот Кока остался на второй год в третьем классе. Но это я в будущее заглянул.

7

Сначала была весна, и снег на поляне растаял. По воскресеньям мы бегали кросс до леса и обратно. Это очень далеко – наверное, несколько километров. И после такой пробежки у меня неделю болели ноги, но ликовала душа. Под ногами шуршала прошлогодняя трава, похрустывал ледок над следами луж, грудь наполнял исключительной чистоты и свежести воздух. На опушке мы отжимались от пахнувшей прелостью, стылой ещё земли, подтягивались на ветке берёзы. Мнили себя спартанцами и презирали тех, кто в такие часы дома сидит.

После проводов Николая Томшина в армию, ватага Лермонтовская распалась. Теперь мы уже не собирались такой толпой, как было прежде. По двое, по трое ходили в кино и получали там от забияк с других улиц. Старших ребят били на танцах. Андрей решил вернуть нашей улице утраченный авторитет. По приказу наставника мы с Рыженом обошли весь Бугор и оповестили ребят – Первого мая выступаем. Собрались и выступили целой колонной. Пристроились в конце первомайской, где учащиеся и трудящиеся демонстрировали свою солидарность со всем угнетённым миром, и прошли за ними до самой площади. Пели блатные песни, кричали «ура!», махая ветками и флажками, отобранными у школьников. У нас даже собственный транспарант был, написанный Андреем на куске картона – «Бугор сила». На площадь, понятно, мы не пошли, но на улице прохожие на нас тарачились, указывали пальцами, махали руками, приветствуя. Ну, а мы ликовали – Да здравствует Первое мая, праздник соединивший бугорских ребят!

После демонстрации встали в круг, прикидывая финансовые возможности. Думали в лес пойти и решали, что прикупить – вино, закуску, сигареты. Борька Калмыков вылетает из-за угла на своих худых и длинных, следом Олег Духович, друг и одноклассник. Наехали на них Красноармейские пацаны – фотик Барыгин им понравился. Борька вырвался и побежал, следом Дух, а за ним уже вся Красноармейская ватага.

Натолкнулись на нас. Перед Андреем их атаман начал кульбиты выделывать.

– Знаешь кто я?

– Знаю, – говорит Андрей спокойно. – Ты – Колчак.

– Верно. А знаешь...

И дальше полилась неположенная на музыку песня – эх, сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько душ невинных загубил...

– Что мне до твоей арифметики, – говорит Андрей презрительно. – Придёт время – и тебя прикончат.

– Может, попробуешь? – встрепенулся Колчак.

– Сам сдохнешь.

Красноармейский атаман затруднился с ответом. Все муки – бить или отступить, а если отступить, то как, не потеряв престижа – отразились на его отвратительном лице. Подсунулся подручный – шу-шу-шу на ухо. Колчак тревожно зыркнул по сторонам, махнул рукой своим, и, огибая наш строй, красноармейцы бегом покинули несостоявшееся битвы поле. Причину такого их поведения узнали поздно вечером, когда уставшие и навеселе вернулись из леса. Бориска-то наш, Калмыков-старший, не поверил, что устоим против красноармейских, и дра-

панул под шумок. Заметил это кто-то из врагов, и бросились колчаковцы в погоню. Догнали, накостыляли, фотик отняли – а мы и не ведали, а то разве б дали.

Потом был случай на летних каникулах – собрались на карьер рыбку удить. Вообще-то это вотчина красноармейских – но где наша не пропадала? Пошли толпой. По дороге Пушкарь пристал – парень из больничной ватаги, а стало быть, тоже бугорский. Только на карьере красноармейский бандюган Шаман – ух, и здоровый же лоб! – признал в Пушкаре давнего своего обидчика и принялся его лупить. Избил, в воду сбросил. Пушкарь переплыл на противоположный берег – тут как тут Пеня Ухабов, пинает, не даёт ослабевшему, истекающему кровью выбраться на сушу. Пушкарь обратно поплыл. И началась драматическая гонка – избитый плывёт от берега к берегу, теряя силы, а Пеня посуху бегаёт, не даёт ему выйти и ещё камнями кидается.

Шаман, будто Наполеон на Поклонной горе, стоит, скрестив на груди руки, и смотрит с суровой печалью. Вид его трезвил наши буйные головы. Да и Андрюха предупредил – не рыпайтесь. Пене накостылять – плёвое дело, но против Шамана нельзя – он взрослый, здоровый, в тюрьме отсидел. Соберёт дружков и подвесит нас всех за причинное место. И, в конце концов, это его, Пушкарёвское дело – пусть выкручивается, видать, напроказил. Короче, не до рыбалки нам – стоим, смотрим, зубами скрипим. А Пеня увлёкся – залез в воду и оскользнулся. Да и Пушкарь его за руку дёрнул. Упал Ухаб в воду и орать. Вот тут-то мы узнали его сокровенную тайну – не умеет Пеня плавать. Такой здоровый, уж в армию скоро, а воды боится. Любой карапуз с нашей улицы, только ходить научится, а уж бултыхается на Песке (пляж на Займище – подарок Природы). Глядишь, и поплыл. А этот урод-переросток орёт и тонет. Ну и фик с ним.

Пеня бултыхается на месте, голос до сипа сорвал, воду хлебает, а мы потешаемся и спорим – утонет или нет. Камни бросаем – хватайся, Пеня! В какой-то момент истошные ухабовские вопли вдруг перешли в утробный рык погибающего зверя. Мы примолкли, но никто и не подумал к Пене на выручку идти. Красиво, головой вниз с крутого обрыва, одетым и обутом прыгнул в воду Шаман. Треснул Пеню кулаком по башке, чтоб не царапался, а потом оглушённого и нахлебавшегося вытащил на сушу. Ухаб встал на четвереньки и начал рыгать – вода хлынула потоком изо рта и носа.

Под шумок Пушкарь выбрался на берег и дал дёру в сторону дома. Мы тоже отчалили, так и не размотав удочек – притихшие, подавленные увиденным.

Андрей поучал:

– Повезло вам, ребята, что в посёлке живёте: в городе правила жёстче – бьют толпой, бьют без жалости, бьют, пока не убьют.

Жутко становилось от его слов. Мои школьные успехи радовали отца:

– В институт поедешь учиться – поплавок для жизни зарабатывать.

А меня что-то не перспективило – может, стоит подумать о двойках?

8

Следующей зимой произошёл случай, положивший конец мушкетёрскому братству нашему. Отец атамана, Андрей Андреевич Шиляев работал водителем в райисполкоме, поэтому ходил на работу в костюме и при галстукe – водил легковой автомобиль, на котором приезжал домой обедать. Больше своей работы любил он якшаться с мильтонами – дружинником каким-то числился: ездил с ними в рейды, дежурил на дорогах. Когда после охоты или рыбалки попадались такой заставе, Андрей Андреевич хлопал по плечу моего отца:

– О, сосед! С этим, ребятки, всё в порядке, – говорил он ментам. – Я его знаю и ручаюсь – добропорядочный гражданин.

Отец тоже улыбался, пожимал протянутую руку, и говорил: «Шакал!», как только проезжали милицейский пост.

И вдруг наша улица... да что там, Увелка вся всколыхнулась от новости – Шияев с двумя мильтонами ограбил и пытался убить заезжего «чебурека». Смаковались подробности. На южноуральском базаре кривоносый уроженец Кавказа подошёл к служебной шияевской «Волге»:

– Продаёшь, дорогой? Беру, не торгуясь.

И деньгами помахал.

– Продаю, – сказал Андрей Андреевич. – Но не эту. Другую. Дома стоит.

Поехали в Увелку лесной дорогой. Шияев за рулём, покупатель рядом, сзади два мента в форме. Кто-то из них вдарил «чебуреку» по кумполу. Деньги вытащили, поделили, а их незадачливого владельца выбросили в снег, аккуратно напротив кладбища – не помер от удара, так замёрзнет на морозе. А этот смуглолицый любитель дорогих машин не замёрз и не помер – оклемался, добрёл до Южноуральска и в милицию. Начальник построил своих – никого не признал пострадавший. Вспомнили, что Увелка такая есть – поехали туда. Там тоже общее построение, и вот они, голубчики – хватай, вяжи! Задержали, допросили – менты Шияева вложили. Того тоже к ответу.

И началась борьба: прокурор хочет посадить преступников, а начальник милиции заступается – мол, так и так, мусор из дома, честь мундира. Райком партии молчит, приглядывается – последнее слово за ним останется. Потянулись дни томительного ожидания. Менты под домашним арестом сидят. Шияев А. А. на работу ходит, улыбается, здоровается – как ни в чём не бывало. У обеих Тань – мамы и дочери – глаза на мокром месте. Младший А. А. мрачнее тучи, даже с нами здоровается сквозь зубы. Новый учебный год развёл нас в разные смены. Тренировки прекратились, но мы с Рыженом по-прежнему тянулись к нашему наставнику и готовы были выполнить любое задание.

Однажды он приказал:

– Вечером подтягивайтесь к школе – дело будет.

Пришли – Андрюха одноклассницу показал:

– Вон ту козу отлупить надо. Вдвоём справитесь?

Рыжен кивает, а я нет. Это я на словах девчат презираю, а в душе мне их очень жалко – они же не виноваты, что не умеют писать стоя. За что их лупить? И ещё сказалось влияние сестры – с малых лет таскала меня в свои девчоночьи компании. А также отцово воспитание – громкоголосый матершинник он и пальцем не трогал маму. Других женщин тоже. Был такой случай – однажды в застолье соседка Мария Васильевна Томшина закатила отцу пощёчину. стакан с брагой лопнул в его руке. Показалось, убьёт её сейчас – по стенке размажет, голову снесёт, если ударит. А он не ударил – ушёл из-за стола и до конца застолья играл с малышами.

Почему соседка-красавица приложила ладонью к щеке отца? Теперь, обременённый жизненным опытом, думаю, что любила она его. Отец был видным – лицом чист, грудь гвардейская, силёнка в руках. Как ей было не влюбиться? Год с небольшим – пока не отстроились – ютились они в пустующей нашей землянке. Только напрасно Маруся Томшина вздыхала по моему отцу – строгих моральных правил был человек. Ну и получил за холодность свою...

Думаю, это у меня от отца – рыцарское отношение к женщинам. А Андрей – морду набейте.

– Не буду, – говорю, – с девчонкой драться.

Не до философий в то время было наставнику нашему – взглянул мельком, толкнул в снег:

– Да пошёл ты!

Я ушёл, и больше не ходил к Андрею, в их дом – не водил, как говорят на нашей улице, с ним дружбы.

Ту криминальную историю, если интересно, доскажу. Покончили с собой менты-разбойники – от стыда и позора наложили на себя руки. Один повесился, другой застрелился, будто сговорившись, в один день. Шилиева тут же под стражу. Потом суд – и первый зек на нашей небольшой, в двадцать дворов, улочке.

9

Как-то Рыжен пригласил на Рабочую улицу. Распри наши кончились – шёл я без опаски и с любопытством. Ребята в чьём-то огороде у сарайной стены окоп в снегу вырыли, строчат из самодельных автоматов синюшными от мороза губами:

Тр-р-р-р-....

Швыряются деревянными гранатами в условного противника:

– Бух! Бух!

Падают ранеными, их уносят на носилках в сарай. Вобщем война не на жизнь, а на смерть.

Все попадали. Рыжен последним. Тащить некому – сам заковылял, постанывая. Следом я. В сарае лазарет – лежат на досках герои раненые, чаёк попивают. Две одноклассницы Люба Коваленко и Света Фролова их перевязывают. Мне место нашлось.

– Куда ранили? – спрашивает Светка.

Я на лоб показал. Фролова замотала его бинтом, а Люба чай несёт. Лучше бы она перевязывала – нравится мне эта девочка, что тут поделаешь? Теперь, после замирения общеклассного, стала доступней её красота. Могу смотреть, сколько хочу, а она мне улыбается – ведь я лучше всех мальчишек в классе учусь. Хотя нет, Вовку Матвеева забыл. Этот отличник, как начал с первого класса пятёрки домой таскать, так до сего года ни одной четвёрочки в четверти не было. Только он ещё и в музыкальную школу ходит, на баяне играет – ему драться нельзя: не дай Бог, пальчик сломает. Поэтому его никто и за мальчишку не считает – так, паинька в штанишках. А Любочку я бы до дома прожал и портфель нёс – лишь бы позволила.

– Ну, как? – спрашивают парни с Рабочей улицы: Рыжен-то примелькался здесь давно – моё, свежего и неглупого человека, мнение интересует.

– Примитив, – говорю. – Мы этим до школы переболели.

Любочка слушает, улыбается, вторую кружку мне несёт. И меня несёт.

– Если хотите настоящим делом заняться, могу предложить следующее. У нас на Бугре такие сугробы намело, что не пройти, не проехать. А когда дороги бульдозером чистили, такие горы нагребли, что не сразу и заберёшься. Мы – нас числом меньше – крепость построим, а вы попробуйте её взять. Сабель с копьями наделаем – сражаться будем. Снежки – вместо гранат.

Моё предложение всем понравилось.

Рыжен решил брать быка за рога – очень ему хотелось выбиться в командиры. На следующий вечер собрал у себя дома всех бугорских одноклассников и мальчишек помладше – старшими-то не с руки командовать. Себя объявил командиром, меня назначил начальником штаба, и приказал карту изладить – я тут же взялся за дело.

С Толькиной старшей сестрой Люсей, вдруг заинтересовавшейся нашей вознёй и объявившей себя начальницей медсанбата, склеили несколько чистых листов, и я принялся чертить карту окрестности. Лучше меня, её никто не знал: всю исходил – и лес, и болото. Карта получилась – загляденье. Лес обозначен до самой свалки, поделён на бор и рощицы. Кружочком помечен заброшенный сад, бывший когда-то фруктовым питомником. Жирной линией канал нарисован, которая теряется в лесу, беря начало от болота. Займище будто на ладони – берега, камыши, плёсы и проходы к ним. Крестиками обозначил пару мест и подписал «Шт» и «Ск».

– Что это? – ткнул пальцем косоглазый командир.

– Штаб и склад. Для секретности, – я подмигнул. – Вдруг карта врагу попадёт – пусть ищут и копаются.

Моё творение всем понравилась. Заминка вышла с названием отряда. Что только не предлагалось – и «Смерть фашистам», и «Болотная братва», и... ещё чёрте что. Моё первое предложение было «Гёзы». Так называли себя восставшие против владычества Мадридского престола жители Нидерландов. С испанского это переводилось, как «оборванцы». Слово Рыжену понравилось, а суть его нет.

– Какие же мы оборванцы? – командир полюбовался на себя в зеркало. – Нет и нет. Думайте дальше.

Тогда предложил назвать отряд «Береговое братство» и объяснил его суть – так называли себя пираты с острова Тортуга в Карибском море. Это понравилось всем, и командиру тоже. Во-первых, живём мы на берегу Займища. Во-вторых, пиратом быть куда как хорошо: грабишь себе да пируешь – никаких забот. Закончив формальности, мы сговорились собраться в воскресенье строить снежную крепость.

Карта осталась у командира. Она просто зачаровала его. Этот придурок всерьёз думал, что, если найти место обозначенное «Ск», то откроется целая куча необходимых ему вещей. Он принёс карту в школу и похвастался Любочке Коваленко. Та дальше – и пошла цепная реакция. Короче, после уроков меня похитили – захватили в плен и силой утащили в известный сарай. Бить не били, но допытывались, что я знаю по сути дела. А я молчал, стойко перенося пытки (щипки и щекотку), мужественно слушая угрозы. Правда, случился момент, поколебавший моё упорство.

На щеке зияла царапина – от ручки ранца в момент моего захвата. Любочка не запаслась аптечкой и просто поцеловала рану. Вот тут-то дрогнуло моё сердце. И когда Любочка просила: – Ну, расскажи.

Не сказал решительно «нет», не мотал, отрицая, головой. Если бы в следующую минуту она предложила – а хочешь меня поцеловать? – и подставила губы, я, наверное, и Родину продал. Но она не догадалась, а я, повременив, справился с желанием стать предателем. Ну, чего там – ну чмокнула в щёку, я и не почувствовал ничего. Вот если б в губы... И продолжал упорствовать. В конце концов, меня напоили чаем и отпустили с миром. Сказали, что я настоящий партизан – такого врага следует уважать. И они уважают.

Нож в спину «Береговому братству» вонзил сам наш раскосый командир. Не знаю, что за наваждение на него нашло – ни есть, ни пить, не спать уже не мог спокойно – так овладело им желание найти то место, которое так, смеха ради, обозначил я на карте «Ск». Один он боялся идти в лес. С нами...? Не знаю, почему он не позвал верный ему отряд, а взял и показал карту врагам с Рабочей улицы. Может, думал, что те тоже его командиром изберут. И станет он, объединив два отряда, классным лидером. А может даже школьным. А может...

Не знаю, чем он там руководствовался, но пошёл на сделку с врагом. В воскресенье все собрались, а он не пришёл. В понедельник в школе всё выяснилось, и наш отряд тут же распался – кто-то перешёл к Рабочим, кто-то остался сам по себе, неорганизованным. А я затаил обиду.

На следующий выходной, когда эти идиоты, вооружившись самодельными автоматами, пошли откапывать несуществующий склад, я подговорил Халву с Грицаем пужануть ораву. Валерка с Вовкой – здоровяки, их издали легко за мужиков принять можно. На это я и рассчитывал, собираясь разогнать два десятка складаискателей.

Следить за ними не стали: мне было известно место, куда они, в конце концов, притапают, если не конченные идиоты – не заплутают в лесу или не разберутся в такой прекрасной карте. Добрались до заброшенного сада и принялись уплетать побитые морозом ранетки. Вкуснотища! Увлёклись и чуть не засветились. Слышим вдруг – голоса. Я крадучись на опушку поляны, из-за сосёнки выглядываю – они. Идут и карта в руках.

Друзья мои без особой фантазии выскакивают из кустов, чуть меня не стоптав, и навстречу:

– Ага! Попались! Вот мы вас!

– Убью! Зарежу! Изнасилую! – входя в раж, орал Халва.

И Вовка вторил ему матом.

Здорово всё получилось! Горе-вояки сыпанули прочь. Рыжен, конечно, впереди. А вот Любочка со Светкой отстают, понятное дело – девчонки бегать не умеют. Чешем – они от нас, а мы за ними. Впереди канал, когда-то вырытый для осушения болота, да так и брошенный у береговой черты. Преследуемые стекли в него, и пропали с глаз – с той стороны не показались. Головой верчу: жарят каналом, где-то выскочат – слева, справа.

Подбегаем – навстречу деревянная граната летит, кувыркается. Точно Вовке в лоб – везёт же парню на стандартные ситуации. Он упал сначала, а потом вскочил, буйволом взревел и в канал. Следом Халва. Когда я поднялся на высокий берег – внизу шло месиво. Приятели мои крушили всех подряд, не жалея и девчонок.

Минут пять происходило что-то похожее на драку – одноклассники защищались и даже сдачи пытались дать. Но вскоре сопротивление было подавлено, и искатели склада снова ударились в бег. Мне было жаль девочек, а про ребят подумал, пусть побегают – лишним не будет. В сердце, правда, закралась тревога – что-то будет теперь в школе, ведь только-только замирились. Но всё обошлось – жив, как видите.

10

Можно ставить точку в повествовании, но хочется рассказать ещё один эпизод. Он произошёл следующим летом. После суда над отцом Андрей Шиляев стал раздражительным, нелюдимым. Последнему зима способствует. А вот лето нет: хочешь, не хочешь, а надо идти на улицу – без купанья и футбола разве проживёшь? И Андрей вернулся в общество. Постепенно растворилась его отчуждённость, вернулись лидерские замашки. Однажды заявляет мне:

– Катись отсюда, а то в ухо дам.

Я хорошо его знал: сказал – даст. Готов был подняться и уйти, но пришла неожиданная поддержка. Ближайший сосед и друг детства Мишка Мамаев голос подал:

– А рискни.

С Андреем они были ровесники. Шиляев ростом выше, но у Мишки очень сильные руки и вятская упёртость. Только вчера он дрался с Колькой Брезгиным. Этот мордвин старше Мишки и здоровше. За что наскочил на него – не знаю. Поначалу Михаилу здорово досталось – кровь бежала изо рта и носа. Но он терпел, и бил, бил, бил... В конце концов, Брезгин не выдержал и ударился в бег. Вернулся обратно со старшим братом – этот вообще взросляк, после армии.

У Мишки было время убежать, но он взял дубину и заявил мордвинам:

– Убью, если не обоих, то одного.

И братья отступили.

Может, в упоении этой победой Мишка давал мне теперь поддержку – встал на пути мрачного, алчущего крови Шиляя и смело глянул ему в глаза:

– Только попробуй.

Андрей взвесил все «за» и «против», плюнул в мою сторону и отступил. Так закончилась моя старая дружба и началась новая. Хотя не совсем точно сказал – с Шиляем мы ещё зимой разбежались, а с Мишкой давно (сколько помню себя) знакомы и дружим. Только после этого случая отношения наши стали ещё тесней.

Мальчишкам нужны наставники. Не отцы – этого нельзя, то не смей! – а старшие ребята, в отношениях с которыми узаконены правила: пошли со мной, делай как я, попробуй лучше

моего. Так и получилось – окончив начальную школу, входили мы в подростковую жизнь, имея свой собственный пример подражания.

Кока Жвакин остался на второй год и откололся от нас. Да ему кроме братьев никто и не нужен.

Толян Калмыков, задружив с Пеней, пристрастился к куреву и воровству. Крал деньги дома, в магазине с прилавка, шоколадки с витрины. Собирал «бычки» на остановках. Вообще катился вниз. Отец пытался его воспитывать. Центром их дома была большая русская печь, а вокруг неё три комнаты и кухня, сообщающиеся дверями. Борис Борисович и в минуты воспитания не изменял сибаритским привычкам.

– Так, – объявлял он. – Сейчас я тебя выпорю.

Вставал и начал освобождать ремень из брюк. Только занимал исходную позицию, и началась потеха. Рыбак бегал по комнатам вокруг печи с криками:

– Папочка, не надо! Больше не буду!

Бориска ликовал на печи – забирался, чтобы под ноги или горячую руку не попасть. Женщины – мать и бабка – забивались в угол и переживали за наказуемого, боясь гнева главы семьи. Отец и сын наматывали круги. Правила были справедливыми – иногда, умаявшись, Борис Борисыч отступал, другой раз Тольке не везло. Однажды мне не посчастливилось явиться к другу в такую минуту. Увидав открытую дверь, Рыбак решил сжульничать – ринулся на свободу. Меня сшиб на пороге, а потом и ремень прошёлся по спине – пока Борис Борисыч разобрался....

Рыжен тянулся за Шиляем. Только Андрей после неприятности с отцом становился день ото дня всё хуже – пристрастился к куреву, спиртному, запустил школьные дела. Словом, погружался в пучину грехов и тянул за собой Рыжена.

Ну, а мне исключительно повезло с наставником – Мишка Мамаев был и остаётся правильным человеком. Он никогда не учил меня драться – он учил меня мужеству.

Крылышко жёлтого трубача

*Мстящий – всегда судья в собственном деле,
а в этом случае трудно не потребовать больше, чем следует.
(М. де Пуизье)*

I

Каждому возрасту, говорят, свои увлечения, но улица вносит поправки.

Прошёл в кинотеатре фильм «Три мушкетёра» – добротный красочный французский фильм с Милен де Монжо в роли миледи, и наши ребята, в неё влюбившись, вооружились самодельными шпагами. Что из этого получилось, я уже повествовал. А получилось то, что пятнадцатилетний Виктор Ческидов проколол мне, дошколёнку, щёку своей ржавой проволокой. А вы говорите – возраст. Любви все возрасты покорны, а увлечениям – тем более.

Вслед за шпагами пришла страсть к рогаткам. Вся улица, от мала до велика, вооружилась незатейливым изобретением необремененного интеллектом ума человеческого и набросилась на воробьёв, скворцов, синичек и прочую пернатую живность, будто злее врага во всей природе не удалось сыскать. Они (воробушки), оправдывались стрелки, вишню клюют – после них только косточки на ветках висят.

Мне было жаль крылатых пернатых, и потому рогатки не делал. А самая лучшая была у Витьки Ческидова – настоящий «оленебой». Исполнением завидным, а главное Чесян вёл на ней зарубками счёт трофеям. Сначала штукам, потом десяткам, потом... Дошёл бы и до сотен. Совсем умолкли бы без птичьего гомона сады наши, только шелест от поедающих листья гусениц, да Коля Томшин вмешался – отобрал рогатку у чемпиона убийц.

Чесян губы надул:

– На чужое позарился... От зависти ты это, Петрович...

Томшин говорит:

– Смотри.

Выкопал яму на пограничной меже (огороды по соседству были), положил туда рогатку и стеклом прикрыл. Ческид утром приходит, смотрит, вечером смотрит: лежит его любимица, как экспонат в оружейном музее – не зарится на неё Коля Томшин. И успокоился.

Потом пришла мода на огнестрельное оружие. Пугачи, поджеги, самопалы загрохотали на бугорских улицах – того и гляди, людская прольётся кровь. Мильтоны на «бобике» катаются – вдруг выскочат, окружают и шасть по карманам. Найдут «пушку» – к себе волокут. Так боролись. А нам романтики в кровь добавляли или – как его? – адреналину. Впрочем, и это увлечение прошло мимо моих симпатий.

Отец так и сказал:

– Баловство всё это и хулиганство. Хочешь из настоящего ружья пострелять – на охоту поедем и постреляешь.

Сказал и слово сдержал. Мог ли я своё нарушить? Пообещал, в руки не возьму – и не брал. Курьёзный даже случай приключился с этой принципиальностью – а мог бы стать трагическим. Короче, дело было так. Однажды мой старший друг и наставник Мишка Мамаев объявил:

– Всё, больше в эти штуки не играю. Хочешь, подарю?

«Этими штуками» были два поджега и самопал. Причем, поджег один был выполнен в старинном стиле – ну, с такой массивной ручкой, как у пиратов, которые за поясами их таскали. У Мишки батяня – профессиональный столяр, и друг мой с его инструментами давно на «ты». «Пистоль» этот Мишаня вырезал из берёзовой коряги. А потом ствол и прочее «присобачил». Вообще, отменная получилась штука – музейный экспонат.

На его предложение я пожал плечами – как хочешь. Он принёс, подаёт. Я, помня обещание отцу, кивнул:

– Положи на лавку.

Положил Мишка, ушёл – они лежат. Отец увидел, нахмурился:

– Мы, кажется, договорились.

Я, плечами пожав:

– Не моё – Мамайчика.

Мама:

– Вот я их в печке сожгу.

Отец:

– Смотри аккуратнее – они могут быть заряжены.

Маму это остановило. Отца что-то отвлекло. А они лежат на видном месте. Тут Рыжен ко мне прискакал – домашнее задание списать. На него иногда это находило – желание немножко поучиться. После его визита пистолеты пропали. Но я об этом ещё не знал. Вдруг под вечер прибегает мамаша Рыженкова:

– Ах, Боже-святые! Ваш Толька чуть моего сыночка глазика не лишил.

Этот придурок стащил оставленное без присмотра оружие и стал в стволах ковыряться. Доковырялся – пыжом в лоб, а пламенем начисто брови с ресницами смахнуло. Хорошо, что в стволе пули не было. А я думаю – поделом. И отец так же считал – отправил соседку восвояси:

– Верно говорят – на вору шапка горит.

Была мода на воздушных змеев. И опять Витька Чесян отличился – его бумажный летун, размалёванный под нахальную рожу, забирался под облака и там торчал даже при самом слабом ветре. С ним вообще никаких проблем не было. Лежит Витёк на травке и пальчиком бечевку поддёргивает, чтобы хвостатая бестия совсем не уснул в заоблачных высях. Мне такого не сделать. Отец – на все руки мастер – пытался помочь. Но и его детище поднималось в воздух, если только я бежал, натягивая бечеву, во всю прыть навстречу ветру. А то вдруг вильнёт хвостом и носом в землю – тоже мне, пикирующий бомбардировщик. Короче, когда я у Чесяна выменял чемпиона всех воздушных змеев на какую-то ерунду, их полёты были уж не в моде – ни зрителей, ни помощников на поляне. Да и лето кончилось.

А в новом – другие увлечения.

У Калмыкова Борис Борисыча была будка рыбацья для подлёдного лова. Лето она коротала на берегу водохранилища, а с ледоставом использовалась по назначению. Однажды привёзли её и поставили в саду, а Толька с Борькой перебрались на лето туда жить. Ну, жить, не жить – ночевали там. И каждый считал за счастье составить им компанию. Тогда и случилось новое поветрие – в садах ли, в огородах все ринулись строить будки и оборудовать их для ночлега. Не в почёте стала ночёвка под крышей дома в кроватях на белых простынях. Куда как лучше – на и под старым трепьём, в цикадном гомоне с комариным припевом. Зато свобода – ни тебе родительского надзора: «Сына, домой!», ни сестриных наездов: «Ноги мыл?».

Я будку не строил – перебирался летом на чердак сарая. А вот друг мой Мишка сколотил в саду – с дверью, печкою, окном. Я там частенько ночевал, потому что вдвоём вдвое веселее. И совсем не скучно стало в наших самодельных домиках, когда провели огородами проводную связь.

Объясню, как это делалось. Наушник обыкновенной телефонной трубки – на одну клемму провод с гвоздём в землю, от другой тянем к абоненту (ох, и завернул!) в соседний огород. Всё, связь готова. Не верите? Вот и физик наш не верил. А когда предложили спор на интерес – пасовал. Плечами пожал:

– Ну, может быть. Разность потенциалов и всё такое. Земля это ведь огромный конденсатор – столько молний в себя принимает и ничуть не краснеет.

Звук, правда, в наушниках от такой связи еле слышный. Но потом Витька Ческидов догадался подключить их к радио, которое от 220 вольт. Музыка ночами слушаем, голоса всякие вражки, и током нас не било, и наушники низковольтовые не горели. А вот тётё Стюре Грицай досталось – так крепко шандарахнуло, что не сразу и очухалась. А могло убить.

Через наши соседствующие огороды была натянута проволока для сушки белья. Мама стирает – развешает. Соседка Стюра Грицай тоже пользовалась после стирки. А мы с её Вовкой приспособили этот провод для телефонной связи, подключив к общей сети. И вот однажды накидывает тётя Стюра мокрыми руками сырое бельё на проволоку, а босыми ступнями землю попирает. Ну и дербальзнуло её. Да так, что...

Что говорить. Не рады были, что в живых осталась – всем досталось на орехи. Впрочем, пережили. Только провода надёжней прятать стали. А отец злосчастный снял и натянул нормальную бельевую верёвку.

2

Голубями увлеклись пацаны бугорские не без моего участия.

До того, как все буквально заразились к ним любовью, обитала стая на подворье у Жвакиных. Именно, обитала. Потому что голуби были таксебешные – сизари. Потому что хозяева их совсем не кормили. Летали эти бедолаги по полям, дорогам, перебивались воровством у кур на чужих дворах. И более того, Жваки ели этих вестников мира. «Оторвал башку и в лапшу». – Кокино выражение.

Друг у меня был, одноклассник Сашка Дьяконов – матершинник ужасный. За часто повторяемое: «Соси банан через диван» имел кличку «Банан». Но не суть в этом. Вот он держал голубей – дорогих, породистых. Жил возле общественной бани в конце Октябрьской улицы. Ходить к нему запросто было не просто – мимо Октябрьской не пройдёшь, а там шпана, того и гляди накостыляет. Потому и общались чаще в школе, а на лето расставались. Но в этот раз он меня сам нашёл. Понадобился ему фонарик. Похвастал я ещё в школе, что имею такую штуку. Отец с умыслом приобрёл: и подарок к моему дню рождения – не у всякого, даже взрослого парня, такой – и вещь на охоте крайне необходимая. Он так и напугтовал, вручая:

– Береги, сын, из рук не выпускай.

И говорю Сашке:

– Дать я тебе его не дам, но посветить могу. Чего ты хотел?

Оказывается к стае сизарей, что на чердаке бани обитали, прибился настоящий почтовый голубь. Дьякон мне его показал. Он чуть крупнее собратьев своих, и главное – на клюве вот такие наросты. Короче, настоящий почтарь. Саня решил им завладеть, но днём ведь его не поймашь, а в темноте голуби беспомощны. Вот и забрались мы с приятелем на чердак общественной бани. Испачкались, конечно, оцарапались, но нашли-таки приبلуду. Бананчик его в клетку посадил вместе с голубкой. Через недельку, сказал, будут целоваться – а куда им деваться? Небось, Америку не открыл, что голуби целуются?

Когда их Саня на волю выпустил, почтарь только крыльями махнул – бросил суженную и на банной крыше снова воркует сизонькой голубке.

Снова Банан ко мне бежит. Снова шаримся по ночному чердаку. Нашли, схватили.

– Опять улетит, – пророчу я.

– Ну и хорошо, – ликует Банан. – Я его в Троицк свезу и продам. Бизнес буду делать.

Год прошёл, я и забыл об этом случае. А тут как-то Борис Борисыч Калмыков вручил сыновьям тридцать рублей и отправил в Троицк, снасти какие-то прикупить. Чтобы деньги хулиганы городские не отняли, собрали Калмычата толпу пацанов – проезд бесплатный пообещали и мороженое на десерт.

В электричке встретил Сашку Дьяконова – вёз на продажу известного почтаря.

– В который раз? – спрашиваю.

– Шестой, – гордо отвечает. – Он меня скоро богачом сделает.

Ну, богачом не богачом, а фонарик Банан себе приобрёл. К нам прибился. С нами по магазинам шлялся, а потом на базар всех затянул. Мужик-голубятник сходу десятку за почтаря предлагает. Банан торгуется, тридцатку просит. Мужик и не спорит:

– Согласен – стоит. Да денег сейчас нет. До пенсии ещё пару недель. Пойдём ко мне. Дам десятку и ещё пар пять хороших голубей.

Пошли всей толпой смотреть. Голуби, как на подбор – красивые, породистые, мохноногие, вислокрылые, с малюсенькими клювиками. Мужик объясняет:

– Это мартыны. Эти – жуки. Вон – бабочные. Выбери – клетка в подарок.

Дьякон качает головой. А Борька Калмыков вдруг загорелся голубями.

– Бери, Банашка, я тебе, сколь денег есть, сейчас отдам за них, а остальные потом, со временем.

Сашка согласился – сделка состоялась. А Барыга, хитрец, на нас сэкономил – мороженое зажил, да ещё пришлось от контролёров по вагонам бегать на обратном пути.

Став голубятником, Борька Калмыков шумную рекламную компанию повёл. Хвастал, как окупятся вложения, если каждая пара ему за лето три-четыре выводка принесёт. Да ещё играть он будет – на верность дому. Есть такая забава у настоящих голубятников – выпускают питомцев за много километров и пари на деньги заключают, чей раньше прилетит. Да и прилетит ли вообще? Ещё Борька грозился чужих голубей загонять.

Ну, и тронулся лёд. Все сразу захотели стать голубятниками. И раскрасилось небо над нашей улицей разноцветными стаями. А какие пируэты выделывали иные экземпляры – любодорого посмотреть. Нет, братцы, голуби это красиво. Это даже лучше воздушных змеев. Ну и заканючил я дома – хочу, мол, купите или дайте денег. Отец заколебался – вот-вот сдастся. А мама встала насмерть – только через её труп. И объяснение её упорству очень убедительное привела. Стиралась она исключительно дождевой водой, которую собирала крыша в бочки по углам дома. Без всяких солей и примесей водичка – щепотку порошка стирального бросила, и от пены нет спасения, не прополоскать.

– И чтобы в эту воду какие-то голуби... От воробьёв спасу нет. Лучше бы рогатку смастерил да отучил их пакостить на крыше. Вообще – нет, нет и нет.

Что делать? Пошёл к Мишке со своим горем. У него тоже нет голубей, но по другой причине – финансовой. Только что гроза закончилась – обходя лужи, пересёк улицу. Мишка доски строгаёт на верстаке.

– Что творишь? – спрашиваю.

Друг кивает:

– Домик гостю.

Проследил его взгляд. Под стрехой крыши притулился голубок – мокрый взъерошенный комочек.

– Грозой прибило, – поясняет Мишка.

– Дак ты бы его сначала поймал, – советую и предлагаю – Хочешь, к Рыбаку за сачком слетаю?

Друг мой:

– Куда он денется?

Мишка ещё голубятню не закончил, солнце обсушило приبلуду – он сначала на конёк вспорхнул, а потом и вовсе отлетел в ему лишь ведомом направлении.

Мамайчик вздохнул вслед и предложил голубятню мне:

– Хочешь, подарю?

У Вовки Грицай та же беда – денег нет, а моде следовать хочется. Что он придумал – пошёл к леснику и нанялся сосёнки пропалывать. Маленькие, конечно, те, что от роду год-два.

Через месяц у него в кармане лежал целый червонец (десять рублей). Поехал Вовка тайком от народа и приобрёл пару жёлтых трубочек.

Это, я Вам скажу, птицы! У них хвост как у павлинов – огромный, веером. Их даже слабый ветерок с ног опрокидывал – ещё бы, походи с таким опахалом. А цвет – жёлтый, удивительный. Вся улица и с дальних краёв ребята побывали у Вовки во дворе – всем любопытно взглянуть на диковинных птиц. Летать они, конечно, не летали. Я имею в виду основные голубиные достоинства – заходить в точку, кувыряться в воздухе, на хвост падать. Так себе – порхали над крышей, а чаще ворковали и целовались. Вскоре кладку сделали и сели на гнездо.

Вовка ликует:

– Ставьте в очередь, пацаны – на всех не хватит.

А улица судачит – десять рублей это много для такой пары, мало или как раз?

Грицайчик:

– За что брал, за то и отдаю – жлобиться не стану.

Наверное, нашёлся бы покупатель на невылупившихся ещё птенцов, да родители пропали – однажды ночью кто-то спёр их из голубятни, сломав нехитрый запор. Очень Вовка огорчился – неделю ждал, места не находил, а потом по совету знатоков отдал остывшие голубиные яйца. Их подложили в гнездо другой паре, попроще, но, видимо, поздно – так и не вылупилось ничего.

А пропажи голубей с того дня (вернее, той злосчастной ночи) стали регулярными. И никого не обошла худая доля. У Славы Немкина всю стаю унесли из стайки. У Андрея Шиляева из голубятни. У братьев Ческидовых тоже из голубятни, а туда подкинули дохлую кошку – будто насмехаясь.

Волновался народ. Хитрости разные выдумывали, даже капканы ставили на воров, но они были неуловимы. А голуби пропадали.

3

Ночь была. Дождь накрапывал. Мы набились в будку к Калмыкам. Сергей Ческидов бренчал на гитаре и пел с надрывом:

– Плачет девушка в автомате – вся Калькутта из подлецов

Вся в слезах и губной помаде, перепачканное лицо....

Хорошая песня, красивая. И голос у Сергухи неплохой. На душе моей от тепла в будке, дружелюбной тесноты, когда плечо касается плеча, а ногам вообще места не найти, от песни жалостливой такое тепло разлилось – вот оно счастье пацанское! Что ещё от жизни надо – чтобы дождь не на голову, чтобы друзья рядом, и гитара с нами.

– Ей сегодня идти одной вдоль по улице ледяной....

Я встрепенулся от душевной неги:

– Э, стой! Тут ты, братец, заврался – откуда в Калькутте ледяные улицы? Любому дебилу известно – там жара несусветная.

Ческид мне затрещину:

– Больно умный!

И ещё бок кто-то щиплет. Потом ногами, ногами, и вытолкали меня под морозящий дождь. Вот тебе и друзья!

Кричу:

– Я вас спалю к чёртовой матери! Спасибо скажите – уж лучше не жить, чем такими тупорылыми! В снежки они на экваторе играют.

Но ребята дверь захлопнули и меня не слушают. Пошёл было прочь – злость и обида подгоняли, а потом присел на ящик под яблоней, спасаясь от дождя. Куда идти? Домой, на чердак? Просто так? Может, устроить какую каверзу? В трубу чего засунуть – так они печку не топят.

Волком повить – да разве такую ораву напугаешь. Надо бы у Барыги голубей стащить. Подумал и с этой мыслью поплёлся домой.

А голубей действительно у Калмыков украли той ночью. Всех. А одному, чемпиону улицы в игре на верность дому, голову оторвали и бросили в голубятне. Я видел его обезображенное тельце. Тоску и страх душевный нагнало на меня это зрелище. Ведь, что получается? Очень даже может быть, когда сидел я под яблоней разобиженный, рядом в двух шагах прятался вор. Если он только собирался совершить кражу, то мог просто затаиться и выждать. А если моё появление застигло преступника уже с краденным, то он очень даже запросто мог пристукнуть меня дрынком или кирпичом. Или удавку на шею....

Как на похороны набились пацаны в Калмыковский двор. Всем вдруг стало ясно, что воруга среди нас обретается – ведь он точно знал, что вот этот пёстрый и хохлатый, из породы бабочных, быстрее прочих голубей находит путь к родному гнезду. Высказывались предположения. Кто-то назвал Банана. Ему был резон отрывать хохлатому голову – из-за него простил Барыге приличную сумму старого долга. Пошли к Банану.

– Не мог он, не мог, – твердил я дорогой. – Хорошо его знаю – не может он быть воровом.

Сашка на линчевание не появился – вышла его мать и стала нас усовещать. А наши горячие головы так и объявили женщине:

– Теперь капец вашему сыночку – варите кутью.

Саня в наши края больше ни ногой. Летом можно дома отсидеться, но осенью в школу, и там его вздуют. Это точно. Но я не верил – горячился и убеждал, только никто меня не слушал. К Мамайчику приставал:

– Мишка, ты же все загадки телепередачи «Есть ли у вас в семье Шерлок Холмс?» разгадал. Ты же наш уличный сыщик – что тебе стоит воругу сыскать?

Друг безмолвствовал. Напрягался и молчал, потому что не было зацепочки.

А потом она появилась.

Я шнырял по свалке за околицей, отыскивая консервные банки, из жести которых сворачивал наконечники камышовых стрел. Рогатка меня не увлекла, но от лука не отказался – благородное оружие благородных людей. И вдруг увидел.... Нет, ошибиться не мог. Взял в руки, пошарил вокруг взглядом – больше ничего такого, только вот это маленькое, как у куличка, крылышко жёлтого трубача. Ошибки не могло быть. Сколько раз я держал его владельца (владельца?) в руках. Они были почти ручные, Вовкины трубачи – клевали зерно с ладони, пили слону с языка. Просто прелесть! Такие милые, доверчивые и беззащитные. Однажды пропали. Мы думали, украл кто-то, перепродал, и живут они теперь далёко от нашей улицы, в чьей-то голубятне выводят жёлтых птенцов. А оказывается, злая участь постигла их, страшная доля.

Я помчался к Мишке. Мамайчик не только подтвердил мою догадку, но и сказал твёрдо, без тени сомнений в голосе:

– Это Жваки. Они, сволочи, голубей жрут.

Согласен был с ним, но хотелось покритиковать идею.

– А как же крылышко на свалку попало. У нас дома перья куриц и уток, что отец стреляет, всегда сжигают в печи.

– Просто, – говорит Мишка и вертит находку перед моими глазами. – Красивое? Лидке, маленькой Жвачке, могло понравиться? Наигралась – бросила, или потеряла. Смели в мусор и выкинули на свалку. Потому и сохранилось.

Логично.

– Логично, – говорю.

Или я тогда ещё не знал таких заумных слов? Может, сказал:

– Всё верно – так и было.

А Мамайчик продолжал:

– Только не докажешь – отопрутсы.

- А если отлупить?
- Не сознаются.
- А если сильно побить?
- Их что, мало бьют? Привычны уже.
- Так что делать?
- Не знаю.

Не знал Мишка до обеда, а в полдень заявился ко мне.

- Не струсил?

Одноклассник Барыгин, Олег Духович, пришёл с печальной новостью – его обокрали, ночью стырили голубей. Олег хоть и жил далеко от нашей улицы, но дружил с Борькой Калмыковым и вечно у него ошивался.

У Мамайчика тут же родился план операции, и он поспешил ко мне.

- Не струсил?
- А ты сам?
- Мне на забор не залезть, а ты меня не поднимешь.

Мишкин огород соседствовал со Жвакинским. Его самодельная будка, в которой мы не раз ночевали вместе, стояла впритык к их забору из тонких и длинных жердей. Взобраться по ним под силу разве что коту. Но Мишка залез на свою будку, я встал ему на плечи и, перешагнув через гибкий штакетник, ступил прямо на шиферную крышу Жвакинского сарая. Она была односкатной и пологой. Пачкая штаны и рубашку о шифер, пополз к верхнему краю, с которого можно было обозреть двор, недоступный постороннему взору с улицы. Добравшись, стал двигаться медленно-медленно, буквально по сантиметру в минуту – ведь меня легко могли увидеть из окон дома, который голубел ставнями через двор, как раз напротив этого сарая.

Наконец, глаза мои достигли кромки крыши, и я сразу увидел голубей. Они ходили по двору вместе с курами, пытаясь что-нибудь поклевать. Это были не Жвакинские сизари. Ещё вчера красивые и игровые птицы превратились в жалкое своё подобие. Не сразу я разобрал, как это произошло. А потом понял, у них подрезаны крылья – маховые перья под самые основания. Несчастные то и дело тыкались клювами в своё оперение, силясь понять, что же с ними произошло – куда ушла вся сила, так легко прежде поднимавшая их к самым облакам.

Из черноты дверного проёма какого-то строения вышел Кока и сразу увидел меня. И я его увидел. Наши взгляды встретились. Его выражал изумление, мой – холодное презрение.

- А голубки-то Духовы, – сказал я.

Колька Жвакин ничего не сказал. Его рука потянулась к вилам, что стояли, прислонившись к стене дома. Неужели кинет, подумал я. Не знаю, что подумал Кока, но его глаза продолжали сверлить меня. А вилы приняли горизонтальное положение.

Положение было отчаянным. Для него, по крайней мере. Ведь я стал свидетелем страшной тайны. Если я с ней сейчас выйду на улицу, то жизнь братьев Жвакиных станет кошмарной. Но мне надо было ещё выйти. Ведь сейчас я был на вражеской территории и как бы в их власти.

Впрочем, на что он надеется? Всерьёз думает, убить меня, и не дать тайне открыться? Интересно, как он это намеревается сделать? Думает, что я вскочу во весь рост и подставлю грудь под его дурацкие вилы? Да я просто спущусь немного, а потом встану на ноги – но ты меня не увидишь – разбегусь и прыгну с крыши через забор в картофельную ботву. А там Мишка, и ты туда не сунешься.

Но что это я? Ведь никогда Коки не боялся, скорее наоборот. Впрочем, мы и не дрались ни разу. Просто Коку бьют всегда, и брата его старшего, Ваську – такая семейка. А сейчас-то мне чего боятся? Или кого? Коки что ль? Ну, был бы Васька.... Он старше, здоровее. Хотя трус, конечно, но психованный. С Васькой я бы не рискнул.

- Я бы на твоём месте повесился, – дал я Коке вполне приятельский совет.
- Га-а-а-ад! – заорал мой бывший одноклассник и швырнул в меня вилами.

На четвереньках, но ногами вперёд и брюхом кверху, я семеня к противоположному краю крыши. Ударник в школе, мнивший себя умнее многих ребят, даже старших, в данной ситуации считал себя в полной безопасности. Но я забыл об одном очень важном природном явлении – о законе всемирного тяготения. А двоечник и второкурсник Жвакин Николай не забыл. Или это получилось у него случайно?

Короче, вилы, брошенные его рукой, взмыли над крышей, перевернулись в полёте и устремились вниз остриями с нарастающей скоростью. Пробив шифер, они воткнулись в крышу буквально в сантиметре от моих кед. Вот если бы я семеня чуть-чуть быстрее, то сейчас бы...

Холодный ужас пронзил моё существо. Вскочив на ноги, в два скачка добежал до края крыши и прыгнул в мамаевский огород. Картофельная ботва смягчила удар – я упал, но не ушибся. Мишки не увидел, и, подгоняемый страхом, помчался в его двор через грядки, не разбирая дороги.

Приятель поджидал меня, сидя на солнышке, прислонившись спиной к своей будке. Увидев, какого я задал стрекоча, поспешил вслед и перехватил меня у ворот моего дома.

– Ты что?

– Фу, чёрт! – стряхнул я оцепенение страха.

Наверное, скажите: ох, и заврался Антоха – разве может тринадцатилетний мальчишка кинуть вилы выше крыши сарая? Сказать, что вилы были лёгкие, а сарай низкий? Всё что угодно можно сказать. Но скажу только то, что видел – как они впились в шифер на моём пути, а я насмерть перепугался. Ваше дело – верить или нет.

Пойдём дальше.

4

Ребят мы нашли на берегу Займища. Не стало предела их возмущению.

– Ну-ка, погодите, – Олег Духович заметил Ваську Жвакина, собиравшего ракушек у лодочного прикола.

Прошлой зимой в спортзале школы открылась боксёрская секция. Ну, мальчишки все сразу туда – и друзья неразлучные, Барыга с Духом. Только Калмыков после первого же синяка слинял и прибил к лыжникам, а Духович ничего – прижился. Говорили, что не плохо у него получается – колотушками махать. Сейчас мы с интересом ждали, как отдубасит он воришку.

– Смотри, какое небо голубое, – сказал Дух.

И Васька послушно задрал подбородок, подставляя его удару. Мы ждали красивого апперкота, а Олег банально пнул Жваку в пах. Васька взвизгнул и начал сворачиваться по спирали. Вот руки его коснулись земли – сейчас ткнётся лицом в пыль и свернётся клубком. Но в этот момент Васька, как мифический Антей, будто получив от Земли силу, начал раскручивать спираль в обратную сторону. Вот он уже стоит перед Духом во весь рост. Вот он поднял ногу и лягнул противника в солнечное сплетение.

А что же наш боксёр? Он опрокинулся на спину и скрючился на траве раздавленном червяком. Мы бросились на выручку и преследовали Васятку до самых ворот его дома. Впрочем, без всякой надежды на успех – слишком велика была фора.

Ваську били всегда и везде. Били за дело и просто так. Били свои, били чужие. Он никогда не сопротивлялся, не давал сдачи, даже если на него наезжали маленькие и дохлые. Единственная защитная реакция у него была... Короче, он был соплив, и в момент мордобоя надувал у носа большой пузырь зелёных соплей. Нападавшим становилось противно, и они оставляли Васисуалия в покое. Он учился в классе для умственно отсталых детей. Был такой разновозрастный в деревянной школе. Наверное, по этой причине он ни с кем не дружил. Наверное, по этой причине его всегда били. А может, и без причины. Теперь-то уж точно появилась –

засветился Василёк своим воровством. И Кока. Этот прохиндей был допущен в общество нормальных парней – всё вынюхивал, а потом братца наводил. Сам, должно быть, стоял на шухере. Держись теперь, Жваки – у улицы законы суровые.

Нам бы, дурачкам, задуматься – почему это забитый и безответный Васисуалий вдруг насмелился дать сдачи. С какого это перепугу он таким прытким стал – ведь никогда не бегал и всё терпел, раздувая свои пузыри. Но не задумались. Лишь под вечер я узнал причину его необычного поведения – к сестре пришли подружки и шумно обсуждали новость.

– Чемодан у него с металлическими уголками. Брюки узкие, корочки сверкают, а галстук шнурком до самой ширинки.

Девчонкам лишь бы пёрышки поярче, а что за попугай под ними – и не важно. Я и не слушал. Потом – стоп! Фамилия знакомая прозвучала.

– Это вы о ком сейчас.

– Сашка Жвакин приехал.

Вот это новость! Вот с чего Васька стал не похожим на себя, а Кока начал вилами швыряться. Сашка был старшим из трёх братьев. Его сверстники служили в армии, а он завербовался на стройку и работал где-то за Полярным кругом. Года два его не было в наших краях, а теперь появился в самый неподходящий момент.

С этим известием помчался к другу. Мишка сидел за столом на кухне и уплетал картофельные оладьи с молоком. Рот его был набит, и по этой причине, что-то промычав, кивнул – садись, мол, рядом. Я похлопал себя по животу, намекая – из-за стола только что, и его драникам вряд ли сыщется место. Но друг мой был родней Демьяну из басни – хлопнул на край стола пустую кружку и потянулся к кринке с молоком. Я поспешил ретироваться: выскочил из дома, присел на лавочку у ворот – здесь дождусь.

Смеркалось. Перекликались собаки по дворам, им вторили гагары с болота. Тихий чудесный летний вечер угасал, отдаваясь во власть звёздно-бархатной ночи. Пахло зеленью садов и болотной тиной. Она везде – у берега, на подсыхающих сетях, в бревёнчатых пазах домов. Наши улицы не освещались – по ночам хоть глаз коли. Если хочешь без опаски и конфуза пройти, запасайся фонарём. А иначе... Впрочем, пугать не буду вампирами да вурдалаками – самое страшное и неприятное, что могло произойти в тёмное время суток, это вступление ногой в коровий блин. Кому хошь настроение испортит...

Надо было испортить Мамайчику аппетит новостью о Сашке Жвакине. Его приезд, мне казалось, менял расстановку сил не в нашу пользу. Помню и те времена, когда гоняли их всех троих. И они, конечно, бежали, если путь был свободен, и дрались, если отступить было некуда. По-настоящему дрался только Сашка, а меньшие Жваки вяло отмахивались. Но отмахивались же. Это в отсутствии старшего брата они сделались такими податливыми: Кока костыли разматывал, едва жареным запахнет, а Васька становился в позу цапли – прижимал одну коленку к животу, раздвигал локти, прикрывая голову, только нос один торчал, и на конце его начинал надуваться большой зелёный пузырь.

Что-то привёз Александр со своих Северов. Я не чемодан имел ввиду – характер его: злее стал или добрее? Может, как самый старший на улице, выйдет к парням и скажет:

– Ребята, давайте жить дружно.

Только подумал – три тени прошмыгнули рядом. Топ-топ-топ – ногами. Бу-бу-бу – говорят что-то. И в темноте они были узнаваемы – вон тот с краюшку Кока, в серёдке Васька, а самый здоровый Сашка Жвакин. Куда это братья ночной порой? И вдруг мне стало ясно – Духа бить.

Нет, не скажет Сашка – давайте, ребята, жить дружно. Вот бы они сейчас меня увидели – накостыляли бы походя. Да ладно бы. Ни себе, ни кому другому не пожелаю попасть беззащитным в лапы Жвак – не дай Бог им выплеснуть столь долго копимые обиду, боль и унижения...

Стукнуло калитка, я вздрогнул.

- Мишка, чёрт, ходишь, как медведь!
- Сыкнул?
- Тут такое творится, расскажу – сам обкакаешься.

И я выложил все известные новости. Мишка согласил, что положение серьёзное, но паниковать не стоит, а надо собирать ребят. В Калмыковской будке застали троих – самого Барыгу, Рыжена и Духа.

- А тебя уже ловят, – сообщили мы.

И пока рассказывали, Рыжен смотался за Шиляем. С такими силами можно было выступать на врага. Нас было шестеро против троих. Мы с Рыженом молотим Коку. Дух и Барыга – Ваську. Ну, а старшим придётся биться с заполярным Жвакой.

Мишку ещё никто не побеждал на улице. Хотя друг мой не из задир – просто давал сдачи и при этом не признавал авторитетов. Андрей Шиляев вообще претендовал на роль уличного лидера – вот пусть и отдувается. Из Барыги, какой боец – он никогда ни с кем не дрался, разве что с младшим братом, и тот, чем-либо вооружившись, всегда обращал его в бегство. Сидел примолкнувшим Рыжен. Не слышно его обычного:

- Да я.... Да Коку.... Одной левой.... Да вот так, да вот эдак....

Кока с поддержкой старшего брата становился в наших глазах серьёзным противником. Хиляком он не был, а вилы как метнул – с серьёзным намерением пригвоздить меня к крыше. Бр-р-р.... У меня до сих пор мороз на коже.

Сидели на Мамаевской лавочке, поджидая Жвак. Рассудили так – не стоит за ними гоняться, сами придут. И Дух на этом настаивал, хотя я не понял, чем он руководствовался – домой идти с провожатыми куда веселей. Сидели, негромко переговариваясь.

Вот как вечерами ватаги сбиваются? Выйдешь на улицу, прислушаешься – если ни гитар, ни голосов не слышно, то уж собачий переклик точно выдаст то место, где нынче тусуется молодёжь. Мы, наверное, пару часов отсидели – никто к нам не прибился. И понятно, почему.

Вдруг слышим – топ-топ-топ и бу-бу-бу. Жваки. С нами поравнялись.

- Эй! – окликнул Андрей.

Сашка с дороги к нам подворачивает. Его и численность не смутила.

- Олег Духович здесь?

Мишка поднялся:

- Зачем тебе?

Сашка ответил Мамайчику ударом в лицо, и кутерьма закрутилась. Назвать потехой происходящее язык не поворачивается. Сашка вертелся как заведенный, а мы оказались не готовыми к такой атаке. Прежде, чем оторвали задницы от скамьи, каждый успел получить по зубам. Сашка бил поднимающихся и поначалу успевал за всеми, а потом его всё-таки оттеснили от лавочки, и в побоище втянулись его братья.

Мы, как и намеревались с Рыженом, набросились на Коку. Рыжен первым набросился и первым получил. Он даже упал – то ли от Кокиного удара, то ли от прыти своей неуёмной. С земли закричал:

- Ах ты, гадина! Убью сейчас!

И Кока пасовал – кинув братьев и поле битвы, ринулся домой. Хоть и был он совсем рядом, но был на запоре. Такие запоры, ещё их называют завалами, имеют все усадьбы нашей улицы. Большие ворота запираются ржавой трубой – если её немножко продвинуть в скобах, то запирается и калитка. В воротах делается дырка, сунув руку в которую, можно открывать и запирает калитку с улицы. На эти манипуляции у Коки, понятное дело, времени не было.

Подворотня завалена широкой доской, и лишь маленький лаз оставался для кур – чтобы они могли свободно покидать двор, ну и, конечно, возвращаться, когда им заблагорассудится. В эту дыру и метнулся перетрусивший Кока. Голова с плечами проскочили, а вот задница застряла – ей-то и досталась вся ярость Толькиных башмаков. Этому придурку схватить бы

Коку за ногу и держать до моего спешного прибытия. Вдвоём мы бы вытащили Николая на лунный свет, и не спеша, со вкусом отмузулили. Но головой Рыжен умел только драться. Короче, когда я подбежал, Кокины башмаки исчезли в подворотне.

Со своим заданием мы справились – враг разгромлен и бежал. Можно было вернуться и посмотреть, как там обстоят дела у других. И мы вернулись.

У Сашки были два противника, но он быстро сообразил, кто из них опаснее, и всю ярость свою и силу обрушил на Андрея. Шиляй считался хорошим бойцом, но старший Жвака был значительно крупней, и отчаяние добавляло ему силы. Пока они бились, Мишка в сторонке стоял – и я знал почему. Мамайчик мог драться с кем угодно, мог биться и с двумя, и с тремя противниками. Он не мог только одного – вдвоём нападать на одного. Так был устроен мой друг. И когда Андрей падал, наступала его очередь. Но и тогда он не бросался на Сашку сзади.

– Эй, собака, берегись! – кричал он и ждал, когда Жвака оставит Андрея и бросится на него. И лупили они друг дружку с яростью и без жалости. Но Сашка постоянно держал Андрея в поле своего зрения, и едва Шиляй, оклемавшись, поднимался, бросался на него. Мишка вновь оставался без дела и томился ожиданием.

Барыга не дрался. Он скакал на месте и тряс руками, как обычно делал в минуты душевного волнения. Я не видел, как плясали людоеды у костра на острове Робинзона, но был свидетелем и даже участником (держал сырой валенок) сушки у костра, провалившегося под лёд пацана. Он тряс, обжигая, ладони над костром и скакал с ноги на ногу – босые ступни колот снег. Такой вот, примерно, танец исполнял Барыга в двух шагах от того места, где его друг утюжил Васисуалия тренированными кулаками. Средний Жвака притулился к нашему забору в известной уже позе цапли – прижав одну ногу к животу. Интересно, а пузырь свой знаменитый уже надул? Сам я его ни разу не видел, только слышал от тех, кто Ваську бил.

Рыжен – сказала Шилаевская выучка – решительно подскочил и, дёрнув Ваську за волосы, опрокинул на спину. Потеряв опору, Васисуалий жалобно заверещал. Знаете, настолько жалобно, что у меня сами собой опустились руки, и пыл весь боевой пропал. Забыл я про съеденных голубей и пожалел умственно отсталого парня.

На его зов о помощи бросился Сашка, причём в самый неудачный для себя момент – он ещё не отбил от Мишки, а уже Андрей настигал. Старший Жвака сунул Духу в ухо, а чтобы добраться до Рыжена, надо было перешагнуть через брата. Сашка шагнул, а Васька впился ему зубами в лодыжку – совсем, должно быть, очумел от побоев. Тут Андрей и Дух подоспели. Общими усилиями завалили-таки заполярника, и ну избивать его ногами. Под шумок из сутолоки выбрался Васька и подался к дому. Нет, не побежал, а, как-то прихрамывая, поволокся. Ну и пусть себе – лично я ему уже простил смерть пернатых и воровство.

Сашка лежал тёмным пятном на чёрной земле. Я думал, он прикинулся поверженным – есть такой приём: избиваемый затихает, как бы сдаётся на милость победителя, и драка прекращается. Но Сашка вдруг зарычал, не дождавшись, когда его оставят в покое, поднялся с земли, вырвался из круга терзавших его противников и побежал прочь. Вернее, к дому. Его никто не преследовал, и он вскоре перешёл на шаг.

Навстречу ему Васька. Этот умственно отсталый что-то нёс в руках – вилы или топор, а может, ружьё? Сашка отнял у него это что-то, развернул домой, и они скрылись в калитке ворот.

5

Подводя итог потасовке, можно сказать, что мы показали Жвакам, где зимуют раки – объяснили заполярнику, кто на улице хозяин. Можно и так сказать, если бы не одно «но».... На следующую ночь у Мишки Мамаева сломали будку в огороде – в щепки разнесли, а печку утащили. Слава Богу, никто там не ночевал, а ведь могли – мы с Мишкой или он один. Через

день снова ЧП – Духу вышибли все три окна, выходящие на улицу. Разом будто от взрыва ударной волной. Но какой там взрыв – Духович нам три осколка кирпича продемонстрировал.

Следующей ночью чуть не убили Андрея Шиляева – ему проломили голову в собственном дворе своей же гантелью, из тех, что лежали на спортивном помосте. Шиляевы не имели дворового пса, а только маленькую комнатную собачку. Она-то и взволновалась среди ночи. Две Тани, мама и дочь, держась за руки, с собачонкой на руках вышли на крыльцо, а там Андрей в лужи крови и без памяти. Вызвали скорую. Андрей остался жить, а мог бы и того... сыграть в печальный ящик. Так он сам выразился, когда мы, толпой навестили его в больнице.

И тогда всем стало ясно, что Жвак мы не победили, а только загнали в подполье. Потому что ЧП на нашей улице стали совершаться каждую ночь. Что интересно, Жваки совсем пропали с наших глаз. Будто и нет их на белом свете. Родителей ещё можно было увидеть – ну, когда они с работы или на работу. А сыночки словно вымерли. Но каждую ночь что-то жуткое творилось на улице.

Взрослые подозревали нас, нормальных пацанов, и, конечно, притесняли. Но мы-то знали, чьих это рук подлые проделки, но ничего с ними не могли сделать, а жаловаться или доносить – не в наших правилах. И с каждым днём всё больше и больше начинали страшиться за свою участь. Даже завидовали тем, кто уже пострадал – дважды Жваки в один дом не навещались.

По какой-то им одним известной схеме или списку они в ночную пору навещали очередную усадьбу. Возможно, дежурили там до рассвета. И, если не удавалось отловить и отлупить именно того, кого хотели – пакостили. Так, Ломовцевым кошку кинули в колодец, и прежде, чем выловили её разложившийся труп, хозяева животами изболелись.

Ну, ладно, дохлятину можно выловить, воду прокачать. А Вы представьте ощущения хозяйки, когда тянет она за шнурок и вытаскивает из колодца (холодильников ни у кого ещё не было) не колбасу, скажем, в бидоне, а дырявое ведро из туалета, в котором бумажки с дерьмовыми росписями. Всё, закапывай колодец – никто из него больше пить не захочет. Даже поливаться брезговали. Такое случилось у Колыбельниковых.

У Рыжена скотина утром вместо стайки оказалась на огороде – всё, прощай урожай! У Назаровых Малька бросили в колодец. Пёсик такой славный был – на всех лаял, но никого ни разу не укусил. Его дразнить – одна умора. Я представил, как они вытаскивали щенка из будки, душили верёвкой, топили в колодце – и вновь возненавидел пожирателей голубей. Но и опасался: если кто попадался им – били.

Вовку Грицай отлупцевали возле уборной, куда он ночью по нужде пошёл. Прихватило парню живот – а им и дела нет. Помнишь, Ваську обижал? Не помнишь? Память застило? Сейчас освежим. Бац! Бац! Представляете, какое надо терпение иметь, какой ненавистью пылать, чтобы полночи ждать, не зная наверняка – появится или нет, тот, которого ждут. Меня в Вовкинском рассказе озадачило другое – огороды наши рядом, и забора между ними нет. Выйди я ночной порой – мне бы досталась. Серёгу Ческидова избил у ворот его дома – а не гуляй по ночам. Накостыляли Васе Доброву. Выследили, когда мать на дежурство ушла – в дом вошли и избил.

Словом, кошмар на улице Лермонтова.

Из-за этих ночных безобразий стал бояться темноты, перебрался домой с чердака стайки. Вечером на улицу никаким пряником не заманишь. Пригоню корову с поляны и к телеку. А спать если ложусь, когда один дома, свет включаю. Однажды страх достиг своего апогея, и чуть было не лишил меня рассудка. А мог бы и инвалидом сделать – паралитиком, каким. Произошло же следующее.

Родители уехали по какому-то случаю в деревню, и остались мы с сестрой в доме одни. Она все дела переделала и на улицу – ей там весело. Как раз пришёл из армии Сергей Помыткин, собрал девчат в кучу, на гармошке играет – они поют. Потом хропку отложит, байки чешет – страшные и смешные, из солдатской службы. Например, такую. К одному посту ходить

надо было через кладбище. Идёт однажды сержант Помыткин, а навстречу приведение. Сергей его – бац! – прикладом, а оно схватило автомат и не отпускает. Сержант кинулся наудёр. Примчался в караулку.

– В ружьё! – кричит. – Жмурики наших обижают!

Пошли с фонариком, автоматы наготове. Видят – сержантов на берёзе висит, ремнём за сук зацепился. Вот тебе и приведение!

А однажды этот герой чуть старуху не пришил – та жила рядом с кладбищем и бельё просохшее снимала потемну. Серёга кричит:

– Стой! Стрелять буду!

Старуха присела с испуга, а сержант опять без фонаря – боится приблизиться и нарушителя не хочет упускать. Дал очередь вверх. Ребята с караулки примчались, а старуха чуть Богу душу не отдала.

Вот и я однажды, как эта старуха. . . .

Сестра моя доблестная наслушалась баек и заявляет:

– Боюсь домой идти одна.

Проводили толпой до калитки:

– Иди не бойся – вон свет горит.

Она:

– Это братик спит. Если его приведения не придушили.

Вошли в дом. Нет приведений. Я мирно сплю на раскладушке.

Сестра:

– А вдруг они в подпол попрятались?

Подпол под нашим домом – гордость отца и матери. Отец его выкопал высоким, просторным, со ступеньками из земли. Мама его выбелила, обиходила – будто ещё одна комната в доме. Бабушка Даша из Петровки приехала в гости, поахала, глядячи, и заявила:

– Ой, хорошо здесь домовому.

А мы как с сестрой слышали, стали подпола бояться.

– А вдруг они в подпол спрятались?

Полезли в подпол. Крышку откинули, спускаются, фонариком светят и все ахают – будто чудо природы зрят. В этот момент я просыпаюсь. Представляете? И так весь страхом истомился – жизнь не в радость – а тут ещё вижу вдруг: подпол открыт, свет там колеблется, и голоса чьи-то – бу-бу-бу. Всё, думаю, до меня добрались. Только что они в подполе делают? Наверное, смотрят – куда труп закопать. Ну, что рассказывать? Не заверещал я, не заплакал. Не сорвался с места вскачь – ни в дверь, ни в трубу не сиганул. Лежу – столбняк меня прошиб. Всё вижу, соображаю, но, ни рукой, ни ногой пошевелить не могу. Губы словно спаяло, язык чугунный – не повернёшь. Девки с Серёгой из-под пола вылазят, а я только глазёнками – луп, луп, луп.

Нинка Мамаева сразу ко мне:

– Ой, Толенька проснулся. Какой ты тёпленький и вкусный.

И с поцелуями. Всегда она такие штуки проделывает, когда видит меня. А я чтобы отбиться, хватаю её за грудь или за ягодицу.

– Ой, охальник, какой! – кричит Нина и отпускает.

А сейчас не кричит и не отпускает, потому что я пошевелиться не могу. Нинэль ставит мне засос на шею и выходит за остальными.

– Завтра, – говорит, – похвастаешь.

А я отрешённо думаю, каким-то оно будет это завтра.

Инвалидом не стал, слава Богу. Ночь прошла, и недвижимость мою как рукой сняло. Проснулся, правда, очень поздно – никогда так не вставал. Перебрался через дорогу, сел на соседскую лавочку и поглядываю на свой дом, будто дед старенький. Ну, совсем бегать не хочется, мчатся куда-то, играть – как хорошо сидеть на солнышке, ни о чём не думать

и только поглядывать на окружающий мир. Вон куры гребут лапами сырую землю кювета в поисках дождевых червей – не скучно им. Верный Моряк показался в калитке, тявкнул, цепь натянув – что сидишь, молодой хозяин, скидай скорей с меня ошейник да сгоняем к болоту....

В Жвакинских воротах заскрипела калитка, и вот они, всей семьёй, с чемоданом и ещё каким-то баулом – наверное, на вокзал, Сашку провожать. Значит, кончился его отпуск, и нашим кошмарам теперь конец. Прошли мимо, увлечённо беседуя, на меня и не взглянули. А я проводил их до угла взглядом, и даже мысли о том, что Кока с Васькой теперь беззащитны и можно с ними за всё поквитаться, не приходило – так душою вымотался за этот месяц, что рад был худому миру.

Потом сестра позвала завтракать.

– Ты часом не заболел? – участливо приложила ладонь к моему лбу.

Нет, я не заболел, просто постарел за одну ночь, за весь этот кошмарный месяц.

Так бывает.

Лорды с Болотен-стрит

*Регби – игра хулиганов, в которую играют джентльмены;
футбол – игра джентльменов, в которую играют хулиганы.
(английское изречение)*

1

Мяч не давался – скользил вертлявой ящерицей меж ног ребячьих, падал и путался в высокой траве, вновь вздымался, но никак не хотел лететь, куда его посылали.

– Пас! Пас! – будоражили истошные крики.

Наконец, трёхклинка вырвалась из толчеи и сбила горкой сложенные кепки и майки.

– Гол!

– Штанга!

– А я говорю – гол!

– На-ка выкуси!

– Кому по сопатке? – Вася Добров, чьё право на гол оспаривали соперники, выпятил худую и потную грудь.

Всегда спокойный и рассудительный Сергей Ческидов демонстративно высморкался ему под ноги:

– Вот твой гол, поднимешь – засчитаем.

– Что? – Вася взбешён. – Я тебя, Тыква...

Он набычился и готов был ринуться на обидчика, но Андрей Шилаев прицкнул на него, и Добрик суксился. Ческид побежал за мячом, а к Васе подошёл Серёга Колыбельников:

– Тебе за Тыкву старший Чесян знаешь, что сделает?

Он покрутил у виска пальцем.

– Грушу он из тебя сделает и в сарае, как Слава Ломовцев, подвесит.

Добрик, совсем уже остывший:

– Да был гол-то...

Спор продолжился, и каждая сторона оспаривала своё мнение, не поддаваясь ни на какие доводы. Так и не пришли ни к какому мнению – устали спорить, играть тоже расхотелось. Уселись в траву, и Вася Добрик, ковыряя болячки на ногах, обиженно ворчал:

– Были б штанги... А так, хрипеть – ни о чём. Да и играть-то не интересно. Коротышка в калитке – все удары выше ворот. Кто громче орёт, тот и побеждает.

Боря Калмыков ехидно усмехнулся:

– Ты ещё скажи – разметка, сетка и судья.

– Ну, а что пузырь-то гонять зазря. Команда «Лишь бы пнуть» из колхоза «Светлый путь». Если заниматься футболом, то всерьез. Поле как поле оборудовать, чтоб гостей пригласить, и не стыдно было.

Град насмешек и ехидных замечаний посыпался со всех сторон.

– Хочу сказать, – Миша Мамаев, опёрся на руки за спиной, широко раскинув босые ноги.

– Говори, только короче.

– Тут и говорить много не надо – притащить из леса соснины да поставить ворота.

Шилаев, сердито прищурясь:

– Лесник тебе притащит, пожалуй, так притащит, что нечем будет в футбол играть. Орёлик!

Я за Мишку всегда горой:

– А если попросить? Неужто не даст? Могу даже в райком комсомола сходить, попрошу там специальную бумажку для лесника. Для хорошего же дела – для молодёжи, для спорта.

Райком его за нас может так вздрючить, что он не обрадуется. В барсучьей норе рад будет скрыться.

Моя мысль всем понравилась, а Шиляеву нет.

– Забавник же ты, Агарыч – в райком. Там тебе скажут, ходи на стадион гимнастикой заниматься.

– Или лыжами, – буркнул Боря Калмыков.

– Или лыжами, – согласился Андрей.

– А я скажу, хочу в футбол играть, – настаивал я.

Но Андрей и внимания не обратил на мои слова.

– Лесник с твоей бумажкой под куст сходит и рад будет – воры сами сдаваться пришли.

Он тебя в тюрьгу сдаст и грамоту получит.

В тюрьгу никто не хотел, и все приуныли. Кроме Шиляева.

– Нет уж, если тащить сосёнки на ворота, то уволок. Лес большой – лесник один. Глядишь, проскочим. Ну, а попадёмся, то можно и в морду.

Он сжал крепкий кулак:

– В лесу закон – черпак, лопата. Кто смел – тот и съел. Короче, что нам толпой одного лесника бояться? А, парни?

Сашка Ломовцев сидел понурясь и думал крепкую думу. Ещё со дня первого удара по мячу ему, жадному до славы, пришла в голову шальная мысль – сделать настоящую футбольную карьеру, как Пеле, как Гарринча, как любимый Воронин, как Эдик Стрельцов. Поначалу он сам испугался затеи: это ж, сколько надо пота пролить, чтобы достичь такого мастерства, выбиться в более-менее известную команду, и далее – в столицу, за границу – к мировой славе. Но, играя много лучше своих сверстников, он всё более убеждал себя, что пот это для бездарей, настоящему мастеру должно везти в игре. Себя-то он считал везунчиком. Он так уверился в своей удаче и великой будущей карьере, что каждый день встречал с надеждою, а провожал в унынии – да где ж она, слава-то мировая.

Сашка не слушал спорщиков. Он думал, думал и вдруг поднялся. Выждал время, пока утихнут разговоры, и все уставятся на него в ожидании важного заявления.

– И подумал я, – без лишних слов объявил Ломян. – Нам надо жить и тренироваться по режиму – только тогда будет толк. Чтобы утром все, как один, на пробежку, потом с мячом работать, физикой заниматься – бегать, прыгать, силёнку качать. Потом игра и её разбор. Тактика игры – тоже великая вещь. Если это соблюдать изо дня в день – толк будет.

Сашка говорил не спеша, со знанием дела. Видно было, что он упивался не только сутью излагаемого, но и собственным голосом.

– И поле тоже нужно хорошее, раз уж мы команду создаём – ворота с сетками, разметка, скамейки для зрителей.

– Душ, раздевалка, туалет, – оперным дискантом пропел Серёга Колыбеля.

– Со временем, – сказал Ломян и постучал себя пальцем по виску. – Чать, голова моя не только кепку носит, но и мыслишки кой-какие... Может, сначала и не все будут соблюдать режим, ходить на тренировки, а как начнём играть с серьёзными командами – все прибегут, как миленькие. Без физики и техники в футболе делать нечего.

Вовка Грицай крепко постучал себя в грудь кулаком:

– А что? Мы в пионерском лагере каждое утро на зарядку бегали. Здоровье, знаете как, укрепляется.

Многие ребята с глубоким вниманием слушали Сашкино предложение. Иные, постарше и не без претензий на лидерство, скептически ухмылялись, подозревая, что Ломян как будто перехитрил их – на кривой кобыле объехал. Добрик, пристроившись позади Серёги Ческидова, исподтишка плевал ему на майку, вешая харчок за харчком, изнывая от того, что никто не замечает его подлой храбрости.

Сергей Колыбельников повернулся набок, подложил грязную ладонь под грязную щёку:
– А и тоска же с вами.

Запел:

– Мама, я Ломана люблю,
Мама, за Ломана пойду
Ломан хорошо играет, много «банок» забивает
Вот за это я его люблю.

А дни стояли звонкие, как монисты. Первые дни летних каникул. Солнечные лучи в прозрачном воздухе играли, словно кровь у застоявшегося в стайке телёнка. Вечера были тихие, зорькие, а ночи короткие, спаявшие закатные багрянцы с рассветной радуницей.

Если мне удавалось бодрствовать в час солнечного восхода, душа наполнялась таким несказанным счастьем, будто открывались разом все сокровенные тайны мира. Так бы всегда, во все времена просыпаться вместе с первым лучом солнца и последней ночной песней соловья, слушать вздохи трав и шорох листвы, освобождающихся от брильянтовой росы, полной грудью пить влажный ароматный воздух сада. А ещё бежать легко, крылато нестись над землёй, будя её, опережая солнечные лучи. Красота! Но...

Но и мама встаёт рано.

– Ты куда такую рань? А вот и хорошо, что встал – корову в табун угонишь.

Ну, начинается. Корову угони, грядки полей, картошку прополи.... Как эти взрослые не могут понять, что у нас родилась команда, что мысли и мечты о будущей футбольной славе гонят нас из тёплых постелей. Под силу гору свернуть, а тут – корова...

Мать поставила на крыльцо почти полный подойник и открыла калитку. Я сунул два пальца в рот, и разбойничий свист сорвал Белянку с места в галоп.

Мать схватилась за голову:

– Тебе сколько лет? В кого ты уродился? Позорище моё!

Но её «позорище» уже скакал на одной ноге вслед за рогатой блондинкой.

У околицы школьный учитель Фёдор Иванович Матреев провожал в табун своих коз. Потрепал меня мягкими пальцами единственной руки по щеке:

– Ишь, румянец полыхает – как кумач революции. Куда ты в такую рань?

– В лес пойдём за штангами. Мы теперь команда и скоро поедем в Бразилию играть.

Я говорил и ничуть не сомневался, что так и будет. Ведь главное понять, что тебе надо, а как этого достичь – дело второе. Не зря ведь говорится – терпение и труд всё перетрут. Мы будем вставать чуть свет, бегать и прыгать, подтягиваться и отжиматься, работать с мячом, играть в футбол – и сам Пеле пришлёт телеграмму: приезжайте, мол, охота посмотреть да и поиграть тоже. И вот на стадионе «Сантос»....

Фёдор Иванович недоверчиво хмыкнул, но на всякий случай попросил:

– Будешь в Бразилии, прихвати мне натурального кофе, чтоб без цикория...

Утро разгоралось яркое и тёплое и обещало погожий день. У дальней кромки горизонта чуть трепетали прозрачные, нежно-розовые облака. Ласковое солнце, проникнутые мирным покоем дали, пряное дыхание трав заряжали нас бодростью и безотчётной радостью жизни.

А вот явочка подвела. Договорились тронуться с табуном, но он уже за холмами, а у нас нет и половины состава. Ждём сонь и лентяев, ругаемся – время уходит, и каждый отсроченный час увеличивает вероятность встречи с лесником. От этого настроение падает. Арифметика проста – шесть лесин несут двенадцать человек, а нас с десятков не наберётся. Наконец, решаем, надо идти – ждать далее нет смысла.

Пока шли полем, ещё несколько опоздавших догнали толпу. Теперь людей хватает, но время упущено и настроения нет.

Нелюдима была опушка. А что творится в сердце тёмного бора, того не знают даже сороки, охочие во всё вникать да проведывать. Но лишь только вошли под сень, ожил лес.

Заговорили птицы, наперебой сообщавшие друг другу и всей округе:

– Воры, воры, идут...

– Щас попадутся! – разразилась сойка залихватным смехом.

И дятел азбукой Морзе передал:

– Точка, точка, тире... точка, точка... Идут, идут, хватайте.

Тоскливыми трелями плакала малиновка:

– Ох, посадят... Ох, и много же дадут...

Мы стремились уйти поглубже в чащу, не заботясь о том, что и тащить свой преступный груз придётся дальше. Бор сменился рошей. Бесшумно струилась листва в солнечных лучах. Окружающий мир здесь был так не похож на раздолье поля и домашний уют, что, казалось, зашли в такую глушь, куда кроме нас никогда не проникала и впредь не проникнет ни одна живая душа.

И вот опять молодой сосняк. Сонный паучок на тонкой паутинке свесился с изумрудной иголки.

– Руби, чего же ты! – оттолкнул меня Вовка Грицай.

Солнечный блик сверкнул на блестящем жале топора. Озноб пробежал у меня по спине.

То ли это был остаток страха, то ли жалость к сосёнке.

– Постой, не надо.

– Отстань!

Топор ухнул. Сосёлка вздрогнула. Убийство совершилось. Я присел, угнетённый горем. Весело и бесшабашно плясал топор в руках у Вовки, быстро, одна за другой отлетали ветви упавшего дерева.

Вдруг всё смолкло – пение птиц, перестук топоров, ребячий гомон – раздавался только приближающийся издали грохот телеги. Весь лес наполнился страшным гроыханием деревянной повозки по ухабистой лесной дороге. Её тащила ископаемая кляча, огромная лохматая собака путалась у неё под ногами.

Когда телега перестала гроыхать, она остановилась как раз в метрах десяти от меня, и я сумел хорошо разглядеть её ездока. У него было широкое лицо, мясистое, красное, похожее на бульдога. Оно имело только одно достоинство – было гладко выбрито. До тех пор, пока человек бреется, печать зверя не прилипнет к его лицу. И к тому же форменная фуражка покоилась на макушке.

Напряжённое молчание воцарилось среди нашей команды, молчание, которое вяжет язык, а мысли легко передаются и читаются одними глазами. Казалось, это неожиданное явление напрочь лишило нас всяческих сил. Наверное, со стороны наша растерянность выглядела жалкой. Но лесник жалости не знал.

Краска постепенно сбежала с бульдожьего лица, покрывшегося пепельно-серой, мертвенной бледностью. Не обращая внимания на яркую игру солнечных бликов, волнующуюся листву деревьев и запахи цветов, весь осатаневший, в сдвинутой на затылок фуражке, взлохмаченный, он сжал кулаки и остервенело затряс ими над головой. От переполняющей ярости он и словами не сразу разродился.

– Порубщики! Туды вашу мать! – что было сил заорал лесник, схватил кнут, замахнулся и щёлкнул им почти над моей головой.

У меня от страха и предчувствия боли подогнулись колени. Бежать и не помышлял, а приготовился к худшему. Но дальше случилось то, что и предположить было невозможно. Кляча рванулась, испугавшись кнута, и понеслась вскачь, не разбирая дороги. Лесник кувыркнулся через голову и, потеряв вожжи, чудом не упал с телеги.

– Уззы! Уззы их! – успел крикнуть он, сорвав голос.

Собака бросилась на ошалевшую лошадь и погнала прочь. Её лай, и грохот колымаги вскоре затихли вдаль. Среди порубщиков прокатился лёгкий смешок. Ещё раз. А потом дружный многоголосый и отчаянный хохот взорвал лес.

Это было здорово! Оцепенение спало, испуг ушёл или переродился в истерику. Я, например, катался на спине, схватив руками впалый живот. Ни звука не прорывалось сквозь сведённые судорогой челюсти. Я едва успевал набивать воздухом лёгкие, а куда он пропадал, одному чёрту известно. Слезы текли по щекам. Курьез, да и только. Впору лесника жалеть с его клячей. Кому рассказать – не поверят.

Однако пора и двигаться. Водрузив будущие штанги на плечи, мы тронулись в обратный путь.

Судьба, словно лавина, несётся вниз, увеличивая скорость движения с каждым новым поступком. Только что я избежал неприятного знакомства с лесниковым кнутом – до сих пор плечи зудятся – а уже новая преграда на пути. Канал, наполненный водой, заросшей ряской. Ребята бросили лесину с берега на берег и судачат – другую рядом надо. Ещё балансир нужен, как канатоходцу в цирке. А меня чёрт несёт вперёд, к неприятностям и позору.

– Чего стали? Сюда смотрите. Смертельный номер.

До середины бревна я добежал легко, как заправский гимнаст, а потом вдруг остановился, будто наткнувшись на смертельную черту. Далее я двигался так, словно утратил способность владеть своим телом, а под ногами видел не близкую воду, а бездонную пропасть. Побалансировав руками, упал, обдав брызгами развеселившихся ребят. Никто не решился повторить мой глупый подвиг.

Когда вылез на другой берег, вид имел жалкий и удручающий. Человек, дошедший до такой степени унижения, обычно стремится удрать со всех ног подальше от места своего позора, от насмешек толпы. Может, в другой раз я так бы и поступил, не будь с нами штанг – этого ответственного груза, который во что бы то ни стало, необходимо доставить до места.

А, ну их – пусть смеются. Стал выжимать свою одежду. Им-то ещё предстоит перебраться на этот берег – и я посмотрю, как у них это получится.

Полдень, как и утро, заслуживал всяческих похвал. Дул лёгкий ветерок. Суслики столбиками стояли у своих нор и насмешливо пересвистывались:

– Куда прёте, дурачье!

Трясогузка пристала у дороги, скакала по стволам, чуть не по головам (руки заняты, прогнать) и разорялась:

– Ведь не ваше! Ведь не ваше!

Наше, дура! Теперь наше – мы столько выстрадали ради этих штанг, ради футбола, ради нашей большой мечты. Однако, что толку с ней спорить – дороге не видно конца, мучили и голод, и жажда, натёрли плечи эти проклятые лесины.

Шли полем, виден стал посёлок, но силы были на исходе. Перекуры стали чаще, пройденные отрезки всё короче.

Валерке Журавлёву толстый комель достался. Он пыхтит и отдувается, его румяная физиономия сочится потом. Я иду впереди с тонким концом сосны на плече.

– Не плохо бы дождичка, а Валер?

– Лучше селёдки с луком и молоком.

Валерка всё на свете ест с молоком, потому он такой толстый, и зовут его Халва.

– Не трави душу, гад.

– Слушай, если нас не покормить несколько дней, я только похудею, а ты-то, наверняка, сдохнешь.

– С чего бы это?

– У меня жирок с запасом, а у тебя кожа да кости.

– Если голодать придётся всей команде, – парирую я, – тебя первого съедят.

Валерка замолчал, а я подумал, что он подозрительно начал поглядывать на остальных – готовы ли те к людоедству или ещё потерпят немного.

За такими пустыми разговорами нудно тянулось время. Мы несли штанги по двое, и ещё двое отдыхали, впрягаясь в ношу после очередного перекура. И вдруг бунт. Отдохнувший Сашка Ломовцев отказался нести сосёнку.

– Боливар выдохся, и бревна ему не снести, – объявил он, мрачно глядя меж своих коленок. Плечи его сгорбила тяжёлая давящая тоска. Было ясно, что никакая сила на свете не заставит его подняться и взвалить на себя шершавый комель.

– Ну-ка, дай мне руку, – подошёл к нему Андрей Шилиев. – Я сначала её жму, а потом бью в торец, потому что терпеть не могу жать пятерню покойнику.

Сашка не испугался, лишь проворчал глухо:

– Бросьте меня здесь. А мамке скажите, чтоб пришла за мной с тележкой – сам не дойду.

– Ты дурак, мастер, – сказал его напарник Серёжка Колыбельников. – Столько протаскаться и бросить сейчас, у самого дома... Не понесёшь – мы тебя из команды того, выгоним.

Сашка упал на спину, заложив руки за голову, с тоскою глядя в небеса:

– Да хоть запинаяте до смерти – дальше ни шагу...

– И не хочется, и жалко, да нельзя упускать такой случай, – сказал Колыбеля и стал кидаться в строптивного Ломяна сосновыми шишками, припасенными для младшего брата.

– Дать ему в хайло что ли? – сам себя спросил Шилий, пожал плечами и отошёл.

Мы взвалили на плечи ненавистную ношу и, шатаясь, побрели дальше.

Оставшийся без пары и отдохнувший Колыбеля суетился:

– Не хотите ли порубать, мужики? Нет, правда, я сбегая. Вон магазин-то, ближе, чем поле. Вы пока шлёпаете, я вафлей принесу, целый кило, у меня деньги есть.

И он побежал (откуда силы взялись?).

– Один хитрей другого – вот команда подобралась, – сказал Мишка Мамаев.

– Да какой он хитрец, дурак законченный, – я про Ломяна.

– А вафли это хорошо. Я их страсть как люблю.

– Голод, если книжки почитать, самое частое на Руси стихийное бедствие.

– А еда – самое главное, что есть на свете.

– Во базар, а... Больше не о чем поговорить что ли?

– В пустынях миражи – ну, пальмы там, озёра. Братцы, никто колбасу впереди не видит?

– Вон то облачко похоже на куриную ножку.

– Где, где? Цапнул сам и отвали, дай товарищу куснуть...

– Кажись, котлетами пахнет. Точно, где-то котлетки жарят.

Все зашмыгали носами, принюхиваясь.

За этими разговорами кое-как дотащились до места, которое планировали под футбольное поле. Сбросив на землю ненавистную ношу, мы повалились в ласковую траву, не в силах идти домой, как того требовали тоскующие животы. Впрочем, поджидали обещанных вафлей.

– Люблю есть, люблю спать, купаться, загорать, играть в футбол... Да мало ли чего. Одно ненавижу в жизни – таскать брёвна.

– Ты не один, Толян.

2

На месяц нас хватило. Месяц мы отзанимались усердно, как того требовал играющий тренер Сашка Ломовцев. Он вернулся в команду, как только поставили ворота и разметили поле.

Мы вставали по утрам на пробежку и чесали до самого леса. Физику качали – отжимались, катались друг на дружке, у девчонок скакалку отобрали.

Дед Калмыков подарил два столба и железяку – мы вкопали турник рядом с футбольным полем. Болтались на нём, как сосиски, пытаясь подтянуться. Но кое у кого получалось, неплохо даже.

Работали с мячом. Наша бедная трёхклинка не знала покоя с самого рассвета до темноты. И, конечно, играли, играли каждый вечер, до полного изнеможения, до грачей темноты. Поделились на равные по силам команды и пластались совершенно бескомпромиссно.

Появились болельщики. Собирались у кромки поля и стар, и мал. Борис Борисыч Калмыков ничего не смыслил в футболе, но страстно переживал за двух своих сыновей, волею судьбы попавших в соперничающие команды.

Что дальше?

А дальше предстоял нам первый официальный матч. Сестра Ломана Нина, окончив пединститут, устроилась на лето директором в пионерский лагерь «Чайка». Она и пригласила нас сыграть с их футбольной командой. И ещё пообещала накормить обедом. Это вместо приза, наверное, так как в своей победе мы не сомневались. Потому и силы не берегли, а сэкономили на мороженое деньги, выданные дома на проезд.

Утренний воздух был ещё влажный, но тёплый и свежий. На чистом небе плавилось яркое летнее солнце. Окрест дороги было удивительно красиво, уютно и мирно. Даже пыль в кюветах сверкала росой. Леса, меж которыми петляла дорога, манили прохладой.

Мы в полном составе (с двумя запасными) бодро вышагивали навстречу славе. Мимо проносились машины – все стремились на озеро Подборное искупаться, отдохнуть, повидаться с любимым чадом, укрепляющим здоровье в пионерском лагере. Выходной – это понятно. Пыль с каждым разом поднималась всё выше и оседала всё медленнее.

- Может, нам по парам разбиться – глядишь, кого и подвезут.
 - И какая мы после этого команда, если каждый за себя?
 - Кто был там, может, знает – полдороги прошли или ещё нет?
 - Да нет ещё – полдороги будет в Копанцево.
 - Сань, нас там покормят?
 - Обещали.
 - Андрюха, а после игры-то искупаемся?
 - А что нам делать до вечера? Отыграем и в озеро. Праздник, народу полно.
 - Зрителей будет, хоть отбавляй.
 - Заметь, все против нас болеть будут – кабы не опрофаниться.
 - Цыц! Такие разговоры перед игрой... Язык оторву и собакам выброшу.
 - Пионеров сделаем, куда потом?
 - В Англию, на чемпионат.
 - Играть? Смотреть?
 - До Англии доехать денег не хватит.
 - Сыграем пару матчей на интерес.
 - На футболе много не заработаешь. Богатым надо родиться.
 - Вот в Англии лорды «пузырь» со скуки гоняют – им не надо думать, чего похавать.
 - Мы тоже лорды. Чем хуже?
 - Ага, лорды с Болотен-стрит.
 - Далеко ещё? А может, пробежимся немножко, для разминочки, пока нет жары.
- Сашка Ломовцев оглядел растянувшуюся колонну:
- Трусцой... вперёд... марш!
- Мы побежали. Тут же притормозил грузовик. Из кабины:
- Эй, спортсмены, подвезти?
 - Ну, конечно.

Вот ведь как бывает в жизни. Шли по дороге и оглядывались с надеждой на каждую проходящую машину. Никто не тормозил – видно, принимали нас за банду подростков, идущую на праздник затевать драки и прочие хулиганские забавы. Стоило только намекнуть, что мы спортсмены – и, пожалуйста, всенародная любовь и уважение.

Спасибо, вернём долги красивой игрой.

В кузове грузовика мигом пролетели остаток пути. Мелькнул вековой бор из мачтовых сосен, с тёмными голубовато-зелёными кронами где-то под облаками. И вот он, долгожданный берег озера, заполненный толпами народа – купающегося, загорающего, играющего в мячи, жующего, пьющего и стоящего в очереди за закусками, напитками, мороженым.

На высокой, наспех сколоченной эстраде играли музыканты. Репродукторы, как и разноцветные флажки, украшавшие каждый столб, создавали атмосферу всеобщего веселья и праздника. Озеро заманчиво сверкало солнечными бликами и манило прохладой. Жди, родное, мы скоро – сначала в лагерь пионерчиков трепать.

О наших будущих соперниках чуточку подробнее – они того стоят. Дело в том, что на берегу озера Подборное ютились два пионерских лагеря – «Восход» для сельской детворы и «Чайка», городской ребячий пансионат (если можно так выразиться). Вот эти самые «чайковцы» с мячом на «ты», потому что в городе в любом дворе – спортивная площадка, при каждом ЖЭКе – футбольный клуб.

Зелёный штакетник закончился высокими металлическими воротами с вывеской в форме спасательного круга «Пионерский лагерь „Чайка“. Добро пожаловать!»

Девушка лет двадцати в чёрной юбке, белой рубашке с алым галстуком окинула нас тревожным взглядом:

– Что вам, мальчики?

– Мы футболисты, играть приехали. Вообще-то, нас Нина Михайловна приглашала.

– Ой! – обрадовалась девушка. – Да, да, мы вас ждём. Проходите, стадион вон там. Я сейчас физрука найду.

Мы степенно прошлись усыпанной песком дорожкой, и расселись на лавках трибуны футбольного поля. Крепкий парень в спортивной форме вскоре появился и всем без исключения пожал руку. Начало вроде ничего.

Потом пришла давешняя девушка, и они заспорили. Ей не хотелось нарушать установленный порядок праздника, а он утверждал, что играть надо немедленно или поздно вечером. В пекло гонять футбол мало удовольствия для спортсменов, и для болельщиков не рай на трибунах.

Спорили они долго, горячо. Наконец, парень уступил. И нас повели обедать.

Повара звали Роза Васильевна. Характер у неё был добрый, а обед отменный – борщ, мясо с картошкой и компот. Кто хотел, просил добавки.

– Жаль, что это всего лишь обед, а не победный банкет, – посетовал Андрей Шиляев.

А Колыбеля не изменил своему репертуару:

– Мама, Васильевну люблю.

Мама, за Васильевну пойду.

Для меня у ней найдётся всё, что естся, всё, что пьётся

Вот за это я её люблю.

Дородная повариха оглушительно хохотала, прижав пухлые ладони к высокой груди.

После сверх сытного обеда пошли купаться. Потом загорали. Лёгкий бриз – прохладный, ароматный – освежал мокрое тело. Солнечные блики играли в волнах, кругами расходящихся от купающихся и играющих в воде людей. Мы лежали в раскалённом песке. И не было сил не только играть в футбол, но и думать о нём. А может, ну его на фик? У людей-то праздник – праздник жизни.

– Пойдём, что-то покажу, – Вовка Грицай потянул за локоть.

Неподалёку нацмен, коренастый и волосатый, жарил на мангале сардельки. Вовка встал в трёх шагах и принялся смотреть на его работу хмуро и внимательно, неотвязно.

Мангальщик раз бросил беспокойный взгляд чёрных, как уголь, глаз, другой.

– Чаго тыбе, малчик? Праходы.

Мальчик и бровью не повёл. Нацмен торопливо сунул Вовке горячую сардельку, обёрнув её в капустный лист, и подтолкнул прочь, взявшись волосатой рукой за плечо.

– На. Иды, пожалста, гулай.

Вовка откусил сардельку, сунул мне:

– Хочешь?

– Куда? – я похлопал себя по тугому животу.

Вовка тоже не хотел и скормил остатки резвящемуся пёсику.

Возле нас расположилось загорать семейство – он толстый и в очках, она молодая, очень красивая, спортивная, грациозная женщина, и маленькая дочка их, которая, уронив в воду большой разноцветный мяч, тут же расплакалась. Я достал ей потерю, а она взяла меня за руку и подвела к своим.

Мама в открытом чёрном купальнике поднялась навстречу, взяла меня за подбородок, заглянула в глаза:

– А ты мне нравишься.

Я вспыхнул, отвёл взгляд и понял, что влюбился. Чтобы что-то сказать, буркнул:

– Меня Толей зовут. Мы в футбол приехали играть. В три часа на стадионе пионерлагеря.

Приходите болеть.

– Обязательно придём, – сказала женщина и наперегонки с дочерью побежала за мячом.

Её муж жевал, сидя у самобранки. Поправил очки лоснящейся пятернёй:

– Говоришь, в футбол?

Он пошарил вокруг глазами, дотянулся толстой лапой до другого мяча, поменьше, наверное, для игры в водное поло.

– Футбол, говоришь?

Он бросил мяч, но не мне, а почему-то Сашке Ломовцеву.

Наш мастер ловко принял его на ногу и начал жонглировать. Я бы, конечно, опозорился, а Ломян на такие штуки горазд. Он долго держал мяч в воздухе – вокруг уже начали собираться зеваки, кто-то принялся считать вслух. Сашка поймал мяч руками и раскланялся. Зрители заплодировали.

– Да ты, брат, талант, – сказал довольный толстяк.

Высокий мужчина со строгим худым лицом, пронизывающим взглядом зелёных глаз и тяжкой гривой пшеничных волос, заплетённых сзади в косичку, усмехнувшись, сказал:

– Так может каждый.

– И ты? – закричал толстяк. Сил ему хватало только на то, чтобы поворачиваться с боку на бок.

– И я, и вы, и этот мальчик...

– Мальчик, ты умеешь мячом жонглировать?

Я пожал плечами:

– Умею немножко, но не так...

Толстяк рассмеялся:

– Если б победы давались одним оптимизмом. Спорим на трёшку – он и минуты не продержит мяч в воздухе.

– У меня нет столько, – испугался я.

– Это заметно, – сказал мужчина с косичкой. – Но не важно. Я ставлю червонец за то, что этот паренёк в два счёта научится владеть мячом не хуже первого.

– Бред конечно, но хотелось бы попытку посмотреть, – зевнул толстяк.

– Нет ничего проще. Мальчик, хочешь научиться жонглировать мячом, как цирковой артист?

Я кивнул.

– Тогда успокойся, – сказал мужчина с косичкой. – Освободи свой разум от всех ненужных мыслей. Загляни в центр своего сознания и постарайся остаться там.

Следуя его указаниям, я расслабил мышцы спины и ног, повертел головой, пошевелил пальцами, сделал три глубоких вдоха и стал ждать.

– Готов?

– Готов.

– Жонглирование – это бесконечная серия отдельных повторяющихся движений. Закрой глаза. Отличная ориентация во времени и пространстве – основное условие. Думай о том, где ты находишься, определи своё место во вселенной.

Я представил себе Землю в виде глобуса, висящего в мировом пространстве. Повращал, узнавая очертания материков и океанов. Нашёл точку на земной поверхности и устремился к ней душой. Мир разом сузился до песчаного берега лесного озера.

– Представь, что вокруг тебя хрустальная посуда – мяч упадёт, и останутся только осколки. А теперь отбрось эту мысль напрочь, забудь её вместе со страхом уронить мяч. Ты его не уронишь – он будет скакать столько, сколько захочешь. Всё понял? А ну!

Мяч перелетел из рук мужчины с косичкой на мою ногу и запрыгал передо мной, как привязанный. Я не понимал, как это происходило, но жонглировал красивее Ломяна – меняя ноги: левой, правой, левой, правой – легко, непринуждённо.

Остановился, когда мне захлопали все зрители, и наши ребята тоже. Стоял беспомощный, чувствуя, как пылают мои щёки, и боялся одного – команды: «а ну-ка, повтори». Вряд ли смог бы. Я ведь даже не понимал, как это получилось.

– Гипнотический трюк, – предположил толстяк. – Или шарлатанство. Вы заранее стоворились разыграть публику, а пацана подсунули тренированного.

Тем не менее, он покряхтел, повозился в вещах и протянул гипнотизеру десять рублей.

– Гипноз? Ну, если только самую малость. Я просто помог парню избавиться от страха перед неудачей и сосредоточиться на задуманном.

Лицо его оставалось строгим, даже мрачноватым – «мефистофелевским», сказала бы наша «русачка».

– В каждом человеке кроится масса всевозможных талантов, но комплексы, увы, комплексы закрепощают душу мятущуюся и не дают их проявить.

– Мистика, – отмахнулся толстяк то ли от мухи, то ли от собеседника. – Вам бы с вашим талантом банки брать, а не детишек забавлять.

Их спор меня совсем не увлекал. Я стоял, прислушиваясь к самому себе, всё ещё не в состоянии понять, как это у меня получилось. Руки мелко дрожали, в ушах стоял гул далёкого прибоя. И всё. Последствия сошедшей благодати? Или вдохновения?

– Эй, Пеле, пошли, – окликнули меня – Уже пора.

А что? Может, и Пеле. Вот попрошу гипнотизёра, он меня заколдует – и айда лови, вынимай мячи из сетки. Надо только от комплексов избавиться.

Репродукторы по всему побережью объявили, что на стадионе пионерского лагеря начнется футбольный матч между спортсменами «Чайки» и сельской командой из Увелки. То, что мы из Увелки понятно, но почему сельская – тогда уж поселковая. Но было подчёркнуто диктором – именно, сельская.

И народ повалил – закрывали машины, сворачивали самобранки и спешили в «Чайку». Скамейки стадиона все заполнились.

Мы переодевались за воротами. Подошёл физрук.

– У вас нет что ли единой формы? Тогда играйте – голый торс. Хоть не по правилам, ну так, путать не будем.

Гольшом так гольшом, нашим легче – жара африканская.

Вовка успел побывать в соседнем лагере «Восход», где отдыхал самый маленький Грицай – Серёжка. Вести он принес неутешительные – наши соперники здорово играют, восходцам по двадцать «банок» вколачивали, и никаких шансов.

Мы приуныли. Не зря народ валит – над деревней потешиться. Может сбежать? Да, поздно уже – сами ведь назвались. Да и обед надо отрабатывать. Играем!

Пионеры в красивой сиреновой форме уже разминались у противоположных ворот. Пора и нам на поле.

– Пойдите, ребята, – подошёл человек с косичкой. – Вас уже раздели? И на трибунах веселятся, пророчат разгром. Попробую помочь. Ну-ка сели в круг. Закройте глаза и слушайте только меня. Ничего на свете нет, только вы, ваше сильное, неутомимое тело, которому будет послушен мяч. Напрягли всю волю, сжали в кулак. Замерли до остановки сердца. Всё, пошли. Кто голкипер?

С поля уже свистел судья-физрук. Все пошли к центральному кругу, так и не размявшись. Я задержался – было интересно, что он скажет старшему Калмыкову, стоявшему у нас на воротах. А он ничего не сказал – заставил закрыть глаза, и положил ладонь на Борькин лоб. Так они замерли на целую минуту.

Судья вторично просвистел, приглашая команды к построению.

Под дружное ликование трибун игра началась. Пионеры накатывались на нас лавина за лавиной, организуя атаки большими силами. Мы же наоборот, огрызались короткими и яростными контратаками. Здесь блистал индивидуальным мастерством Сашка Ломовцев, раз за разом взламывая защиту соперника и врываясь в их штрафную. И удары были хороши, вот результата пока не было.

Минут двадцать прошло, и болельщики засвистели, заулюлюкали, требуя от любимцев гола. А пионеры начали нас уважать – поставили к Ломану опеку, потом ещё одного игрока.

Когда мы забили гол, Сашка троих обыграл. Его уже откровенно валили на газон, но он сумел выдать пас за спину защитников, и набежавший Толик Назаров пушечным ударом чуть было не оторвал руки вратарю. По крайней мере, я точно видел, как он тряс кистями и прыгал словно ошпаренный.

Трибуны охнули, жидко поаплодировали. А мы ликовали вовсю.

Пионеры, кажется, ещё не поняли, что проигрывают – по крайней мере, их тактика до перерыва не изменилась. А после перерыва... М. Ю. Лермонтов, чьё имя с гордостью носит наша улица, когда-то хорошо сказал о похожем:

– Уж был денёк: сквозь дым летучий

Французы двинулись, как тучи,

И всё на наш редут...

Пионеры будто встrepенулись, забегали, насели на наши ворота и лупили, лупили, лупили без конца. Трибуны ликовали – гол казался неминуем. Но чертовски здорово играл наш вратарь. Борька вытаскивал такие мячи, что Яшин бы позавидовал. Ему начали хлопать болельщики и поощрять возгласами.

К концу матча с трибун дружно неслось:

– Держись, колхозники! Судья, время!

Физрук решил не рисковать и на последней минуте назначил спорный, очень спорный, пенальти. Был удар, был немислимый Борькин бросок, а мяч пролетел мимо ворот.

Победа!

Мы ликовали, нас поздравляли.

Когда, наконец, суета утихла, попытался разыскать гипнотизера, но не нашёл. Не видел его на трибунах и во время матча. Заметил толстяка с дочкой, его жену-красавицу, которую любил уже целых полдня, а гипнотизёр куда-то пропал, будто и не было.

До сих пор сомнения берут – а был ли?

3

Потом пришла апатия.

Ну, ничего не хотелось делать, абсолютно – ни бегать по утрам, ни пузырь гонять вечерами. Футболисты сборной СССР привезли из Англии бронзу, стали кумирами всего Союза, а про нас и краешком уха никто не слыхивал. Стоит ли упираться?

В тот знойный день неоглядные холмистые дали облачного неба наводили такую тоску, что её не мог развеять и сизый горизонт – предвестник будущей грозы. Поляна между околицей и болотом, служившая нам футбольным полем, казалась пустынной, давным-давно вымершей. Не слышно обычного гомона, ударов по мячу, хотя вся команда здесь – все в сборе, в полном составе, только умирают с тоски у покосившихся ворот. Видавшая виды, штопаная-перештопаная трёхклинка под чьей-то белобрысой головой. Солнце бодро слало свои лучи в разрывы облаков, тени которых наперегонки скакали через поле. Только нас взбодрить вряд ли кому под силу.

– Да-а, – ворчал Борька Калмыков. – Кажись, к ночи грозу надует.

– Старые кости ломит? – участливо спросил Серёжка Колыбельников.

Вовка Грицай усердно грыз ногти – он и ему нашёл «приветливое» слово:

– Не кормят дома?

– Пошёл ты... – огрызнулся Вовчик.

– Э-эх, тоска с вами, – Колыбеля лёг поудобнее, подперев скулу рукой. – Вон Ёршик идёт, сейчас чего-нибудь соврёт.

И спел, как обычно:

– Мама, я Ёршика люблю.

Мама, за Ёршика пойду.

Ёршик много выпивает, днями дурака валяет.

Вот за это я его люблю.

Виктор Ершов недавно из армии пришёл, пил и куролесил, на работу не спешил.

Вообще-то, на улице Серёжку Колыбельникова звали совсем не Колыбеля – это я так, чтобы понятно было – а звали его совсем даже непонятно – Галя. Не потому что у него было что-то общее с девочкой по имени Галя. Нет. Наверное, оттого, что он был черноволос, как галчонок. По крайней мере, младшего Колыбельникова Сашку все звали – Галчонок. А вот старшего их брата не дразнили никак, а просто – Вова. Он отслужил на подводной лодке «Челябинский комсомолец» и вёл себя очень даже солидно.

Кому как повезёт. Это в смысле прозвища. Моё Вы знаете. Вовка Грицай с некоторых пор стал полнеть, и его дразнили «Сало». Все ждали, когда он по упитанности Халву догонит. Но Вовчик застрял где-то в промежутке – не худой и не толстый. Просто он, как начинал играть, тут же потел и весь лоснился, будто от жира.

Вольдемар, конечно, психовал на Сало. А потом, как-то незаметно Сало переродилось в Сулу. Я ему по-дружески объяснил, что был такой диктатор в Древнем Риме – всех гонял, и Грицай смирился. Тот римлянин, возможно, имел в имени два «л», не знаю, но наш – точно одну.

А вот мою одноклассницу Раю Митрофанову дразнили так – «Бух-книга-тетрадь-авторучка». Это ж надо до такого додуматься! А терпеть какво? Я и говорю, кому как повезёт. Ну, да ладно. Отвлёкся, а Ёршик уже подошёл.

– Здорово, орлы! Хандрим? Есть дело на полмиллиона.

Он не спеша пожал присутствующим руки, присел и закурил.

– Перебрал я вчера, – сказал, обращаясь к Андрею Шиляеву. – Наболтал лишнего. Короче, Андрюха, Стадник сейчас приходил. Я, оказывается, прихвостнул, что вы здорово пузырь гоняете. Поспорили мы на ящик бормотухи... Чёрт, дёрнул! У меня и денег таких нет. А Стадник, паразит, все улицы оббегал, до самой больницы. Короче, они сборную против вас выставляют. А, Андрюха? Сыграть надо. Нет, выиграть надо. Обязательно выиграть. У меня и денег сейчас нет, проставиться, а уговор, сам знаешь, всего дороже.

– Короче, – голос Ёршика напрягся и стал жёстким. – Если проиграете, собираете деньги на винище. Или...

– Или? – Андрей презрительно скривил тонкие губы..

– Или всем по рылу...

– Так прямо всем?

Мы чувствовали, как напрягся Андрей, и сами подобрались, готовы были по его команде наброситься на Ёршика и завалить в траву. Бить, конечно, не били бы – всё-таки, старшее поколение и всё такое прочее, но то, что мы команда, показали и заставили себя уважать.

А что? Не верите? Мы тут недавно Генке Стофееву накостыляли. Тоже ведь дембель, после армии. По-нашему так – заслужил, гуляй, но команду уважай. Мы хоть и пацаны, но не для побегушек, и помыкать собою не дадим. Короче, дали ему по разу, даже не все – Андрей Шиляев, Сергей Ческидов (с него и началась буза), да, кажется ещё Вася Добрик. Больше-то и не понадобилось – Генка так стартанул в сторону дома, что любо-дорого было смотреть.

Ёршик, конечно не Стофа, но и для него есть предел нашего терпения. Ждём, что скажет капитан.

Влез Сашка Ломовцев:

– А кто играть-то там умеет? Ну, на Октябрьской два-три человека, Журавли с Соньки Кривой, на Больничке – Бобыль. Конечно, ребята неплохие, если соберутся, но ведь опять же сыгранности-то никакой. Соглашаемся, Андрюха, а то тут со скуки одуреем и траву жевать начнём.

Андрей никогда не был противником футбола, но вот Ёршик, его тон...

Виктор Ершов не страдал, как Стофа, избытком гонора, он тут же вцепился в спасательный круг:

– Выручайте, мужики, а... Надерём хвоста всей Больничке и Октябрьским заодно. А винище вместе выпьем. А, мужики?

И «мужики» согласились.

Были сборы не долги – от болота до футбольного поля у больницы мы добрались за полчаса. К удивлению, народу там уже было довольно таки прилично. Пинали мяч в кругу наши будущие соперники. Какая-то чёрная лохматая собачонка носилась взад-вперёд и тьякала, всячески выражая своё негодование к мячу и игрокам. На скамейках за воротами курили болельщики – больные в больничных халатах, сбежавшие из палат. Поле качеством было таксебешным, наше получше – и разметкой, и отсутствием коровьих «блинов». Тут бегай и смотри, как бы не вляпаться.

Мы скинули лишнюю одежду у дальних от больничного забора ворот, тоже встали в круг на перепасовку. Старшие ребята пошли здороваться со знакомыми пацанами. Капитан и тренер обговаривали условия игры. Выбрали судью.

Сели посовещаться.

– Толян, – Ломян, в своём репертуаре, давал указания на игру. – Тебя они не знают, душить будут меня. Вы все – пас на меня, а я с мячом буду уходить в угол, утащу защитников,

и навес на пятачок. Толян, ты врываешься на пустое место. А дальше сам знаешь – не промахнись.

Толик Назаров кивнул головой, соглашаясь.

– Добрик, поиграешь сегодня в центре. Все угловые, все верховые мячи твои. Попробуй не забей – Ёршику скормим.

Ческидову:

– Серёга, ты чуть оттянешься, у тебя хороший пас, будешь разводящим. Только помни, все пасы на меня, на свободное пространство в угол. Не создавай нападению проблем. Возле меня всегда будут два-три придурка: я в угол, они за мной – пятачок будет свободный. Лупи – не хочу. Все поняли?

– Защита, стоять насмерть. Если валить, то подальше от штрафной – судья не наш, как дудеть будет неизвестно. А вообще, вначале поиграйте попроще – на отбой, а дальше посмотрим, как игра пойдёт.

Никто никогда не спорил с Сашкой, даже Андрей-капитан, его дело – дисциплина в команде. В игре все слушались Ломяна без ропота. А если нет, то и пендаль по мягкому месту от Шиляя не задержится.

– Всё, встали.

Парни напротив казались крупнее.

– Толя, – Миша Мамай руководил защитой. – Справа становись, особо не мудри, чуть что – выбивай за боковую.

Видя мой мандраж, ободрил Борька Калмыков.

– Не дрейфь, Агарыч. Этим бананам мы сейчас накостыляем.

От избытка спортивного настроения он подпрыгнул, пытаясь зацепиться за перекладину ворот, а она ухнула, треснула и чуть не упала. Борька спрыгнул, вжал голову в плечи, ожидая на неё обломки, но лишь труха посыпалась на его курчавые волосы.

Судья в больничном халате дал свисток. Игра началась. Мяч укатился к тем воротам и застрял надолго. Если позволите, я дальше противника «болячками» буду называть – поле у больницы, и живут они тут все неподалёку. Разве только Октябрьские ближе к болоту.

Продолжу. «Болячек» мы прижали к их воротам и не давали высунуться из штрафной. Гол должен быть, но всё не было. Не было хорошего последнего удара. Была сутолока, была свалка у ворот, даже «косьба» откровенная на пяточке. Но арбитр молчал, забыв про свисток. Наш центральный защитник забеспокоился, задёргался, подался вперёд.

– Толян, следи за этим.

Я с края переместился к центру, поближе к скупающему в одиночестве форварду. Он был длинный, худощавый, смуглый, черноглазый и черноволосый, весь упругий и гибкий, точно силек для птиц. Лет ему было шестнадцать, а может, даже и больше. И бегал он, как олень. Это я тотчас же почувствовал. Мяч сильным ударом выбили из штрафной. Долговязый сорвался с места и помчался к нему. А я за ним. С техникой-то у него было слабовато. Пока он усмирял пузырь, я подлетел. Чтобы обыграть меня он пустил футбол далеко вперёд на ход себе. И обогнал меня в три скачка. Он вышел один на один с воротчиком, но без мяча. Тот уже был в руках Калмычка.

– Где, сука, бегаешь? – зло бросил мне Борис, далеко с рук выбив мяч.

– Я на перехват пошёл, – оправдывался, смущённый и растерянный.

– Бегать научись, перехватчик. Мишка, Мишка, вернись к воротам!

Но Мамайчик и сам уже нёсся на свое место крейсерской скоростью.

– Фу, блин, чуть не пропустили. Иди на край, прижмись ближе к игре, не делай разрыва. Там такая мясорубка. Ну, быть драчке, точно быть – ребята бурые, злые, играть не могут, по ногам секут. Чесян уже хромает.

Долговязый форвард ещё дважды получал мяч, рвался к нашим воротам, но не обыграть, не обогнать Мишу Мамаева он не смог. Тогда сместился на мой край.

– Ближе, ближе, Антон. Атакуй его при приёме – ты же видишь, он тебя делает на прямой. Прижмись к нему, ни на шаг не отставай, – поучал Михаил. – Похоже, эта глиста – всё, что они имеют.

Всё исполнил, как сказали, и мне пару раз удалось сорвать его атаки даже ещё не начавшиеся. Уже говорил, с техникой он не на «ты» – мяч от него отскакивал, как от стенки, а я подхватывал, перехватывал и навешивал в штрафную. Долговязый совсем расстроился и оттянулся к своим воротам. Я следом и оказался как бы в нападении.

А гол назревал. Дважды мяч попадал в штангу. Угловые следовали один за другим. Однажды удар был такой сильный, что мяч улетел за больничный забор.

Пока за ним бегали, долговязый подошёл ко мне и толкнул в грудь:

– Ты что здесь делаешь?

Я поискал глазами судью.

– Автобус жду.

– Что? – долговязый рассвирепел. – А ну катись отсюда.

Он вытянул руку вперёд, указывая в каком направлении я должен был катиться.

– Витенька! – крикнул их воротчик, выбивая свободный в направлении долговязого.

Но Витенька отвлёкся на меня и прозевал пас, а я нет – подхватил мяч и понёсся к воротам, точно щенок, которого долго держали на привязи. Никого не было впереди, справа и слева защитники ко мне не успевали. Можно было уже бить. Но я нёсся вперёд и сам себе командовал: «Ближе! Ближе! Приготовься! Вот сейчас». Я видел растерянные глаза их воротчика, который почему-то не бросался мне навстречу, сужая угол обстрела ворот, а наоборот – пятился назад, вжимаясь в сетку.

Что-то сейчас будет. Я подготовил правую, более сильную, ногу для удара. Ну?!

Нога запнулась за другую, подставленную, и я кубарем полетел вперёд, да с такой силой и скоростью, что запутался в сетке.

Пенальти!

Тут даже больной судья развёл руками.

Пока отсчитывали метры и устанавливали мяч, я плевался землёй и кровью – губу прикусил. Долговязый хмуро посматривал на меня.

Пенальти. Воротчик пригнулся, раскинув руки точно для объятий. Миша Мамаев разбежался и ударил. Мяч, словно из пушки пущенный, скользнул вратарю по плечу и вздыбил сетку за его спиной. Гол!

Гол!

Мы бросились обниматься. Ликовал Ёршик за воротами. Нет, не зря мы звали Мишку Деревянная Нога – его удары вряд ли кто возьмёт.

Между тем, воротчик побледнел и зашатался.

– Так я и знал, – заявил он, вытаращив глаза – вот-вот они вылезут из орбит. – Я так и знал.

Он прижал ладонь к ушибленному плечу, сел в пыль и заплакал.

К Мишке Мамаеву подскочил здоровяк-болячка:

– Ты что, придурок, сделал? Ты что сделал, гад? У парня ключица сломана, и ты туда ударил.

– Так я что, нарочно? – Миша пожал плечами. – Куда попал...

– А вот я нарочно, – сказал детина и пнул Мишку по мягкому месту.

Мамайчик оторопел на несколько мгновений, а потом бросился на своего обидчика. Они сцепились намертво и упали в траву. Напрасно свистел судья – их уже было не растащить. Хотя

нет, вскоре Мишка оседлал своего обидчика и, схватив за волосы, вбивал его лицо в пыль. При этом они ругались и рычали, как дикие звери.

Страшно было смотреть, не то, что лезть разнимать.

Не испугался Ёршик. Он схватил Мишку под мышки и оттащил в сторону.

– Потом, ребята, потом. Все счёты потом. Сначала доиграйте, а то, не дай Бог, такой куш мне сорвёте. Играть! Играть! Судья! – он захлопал в ладоши, как немец из концлагеря – арбайтен, мол, арбайтен!

Мы побрели на свои места, а «болячки» покатали мяч к центру. Но время первого тайма уже истекло.

В перерыве.

– Ты как? – спросил меня Андрей. – Играть сможешь.

Он заставил меня открыть рот, показать язык и зубы.

– Шатаются?

Я мотнул головой и обречённо посмотрел на свои колени – в кровь сбитые и грязью заляпанные. Да них никому дела нет.

– Ничё ты, Тоолян – похвалил Бориска. – Чуть гол не забил. Тебе в нападении надо играть, а не у ворот отсиживаться.

Мишка лёг на спину и натянул на голову мокрую от пота, грязную майку. Переживает. Возможно, после игры ему снова придётся драться с этим верзилой – таковы законы улицы. Но я знаю Мишку – у него добрая душа, и он переживает за воротника. Ему жаль паренька со сломанной ключицей.

– Что, Валер, побегаешь? – предложил наш тренер Халве.

Тот томился в запасе и, конечно, обрадовался – схватил мяч и попытался жонглировать, разминаясь. Получилось ровно настолько, чтобы все развеселились.

Ох, хитрющий же ты, Ломян. Всегда знает, чем команду поддержать. Вот только установки твои не сработали: переоценил ты соперника – так себе командочка, «бей-беги, думай не надо».

– Да, Халва, – сказал Гала. – Видела б тебя сейчас Галочка Ткачёва, сразу б сердце отдала, без лишних церемоний.

Галя Ткачёва была местной дурочкой, так что комплимент очень даже сомнительный. Халва его и не стерпел. Он бросился на обидчика, но рядом сидели друзья, и они общими силами завалили Валерку.

Серёжка озабоченно пощупал его лоб:

– Горячий. Никак любовная горячка?

Все весело и безобидно расхохотались. И сам «влюблённый», поднявшись и отряхнувшись, также присоединился к общему веселью. Однако то была военная хитрость. Угадав минуту, он вдруг схватил Галу за шею, другой рукой его соседа – а это был Юра Куровский.

– Да! Бойтесь! У меня лихорадка. И я вас сейчас стукну лбами.

И он так их стукнул, что они завопили от боли, а остальным стало весело.

Перед началом второго тайма пришли парламентёры.

– После игры домой не спешите – будем драться команда на команду, а если вы против, то мы отметим вот этого.

«Вот этим» был Мишка Мамаев.

– А один на один не желаете? – пришло время Андрею Шилиеву отвечать за своё капитанство. – Готов с любым из игравших.

Незадачливые парламентёры съёжились под его взглядом.

– Мы сказали, что велели.

– Это, наверное, Лёха Стадник мутит, – заметил Ломян. – Видит, что игра не прёт.

– А что, можно и подраться, лишь бы взросляки не лезли, – это Сула взъерошился.

Ну, вот и всё, ослепительный день померк. Драться мне совсем не улыбалось – не любил я это дело. Нет, мог, конечно, как Мишка, на обидчика броситься. Но чтобы вот так хладнокровно говорить о ней, готовиться... Ну, не Лермонтов я, не Пушкин, не дворянин, одним словом – не умею дуэлянтничать и говорить о ней хладнокровно.

Во втором тайме мы их окончательно добили. Я уж и счёта не помню. Андрей забил, Добрик, Толик Назарян. А сколько Сашка Ломовцев... Никто уж не считал. Все думали о предстоящей драке. Особенно я. Правда, тешился бесплодной надеждой – может, обойдётся. Всё выбирал себе соперника, с кем бы мне сцепиться. Но таких маленьких и щуплых там не было. А долговязый, подставивший ножку, теперь сам держался ко мне поближе и всё ухмылялся. Похоже, он свою жертву нашёл.

На удивление, второй тайм отыграли очень даже корректно. Ни сносов не было, никакой другой грубости. Видимо «болячки» готовились взять реванш в другом.

Мишка сильнейшим ударом послал мяч за боковую.

– Отдыхай, ребята!

Но никто не побежал за футболом. Так, поплёлся не спеша один из соперников – им вбрасывать.

Ломян душу отвёл – таскал за собой полкоманды, финтил, крутил, обводил. Соперники вяло-привяло пытались отнять у него мяч.

Они же первые и закричали:

– Судья время.

И судья свистнул.

Ёршик, ликуя, пустился вприсядку. А Лёха Стадник объявил о начале третьего тайма, в котором каждый может свести счёты с каждым. Мы, как и перед игрой, выстроились в центре поля.

Какой-то паренёк, упитанный и коротконогий, но, судя по кривому носу, большой любитель подраться, ткнул в Вовку Грицай пальцем:

– Вот эту харю я отметелю с большим удовольствием. Иди сюда, иди ко мне, мурло поганое.

Вовка не пошёл – он набычился и вдруг ринулся на обидчика, боднул головой в грудь и навалился на упавшего. Началась потеха!

Кто-то кинулся кривоносому на помощь, но крутанулся вокруг своей оси, пойманный Ческидом за шиворот. Вторая пара нашла друг друга.

Всё, завертелась кутерьма! Толпа кинулась на толпу и наоборот – на толпу кинулась толпа.

Я попятился. Видел, как побежал прочь Гала – может, и мне за ним? Но то была военная хитрость – Сергей бросился под ноги преследователю и через мгновение сидел на нём верхом и барабанил по его морде кулаками.

В это мгновение кто-то схватил меня за шиворот.

– Попался, гадёныш!

Я испугался. Закричал так громко, что больные, толкаясь и путаясь в халатах, кинулись в дыру в заборе. Нападавший попытался закрыть мне рот грязной ладонью. Я цапнул её зубами, а головой дёрнулся так, что у моего врага лязгнули челюсти. Ещё пнул его по коленке. Но противник был много сильнее. Он выкрутил мою руку и всё клонил лицо моё к земле, всё ниже и ниже. Ой, мамочка, сейчас сломает.

Я лягнул его и, кажется, попал, куда не следует – вернее, следует, так как долговязый форвард (а это был он), выпустил меня и взвыл, заскакал, зажимаясь. Я бросился бежать. Но он быстро оклемался – и разве от него убежишь. Он прыгнул на меня, свалил в пыль и принялся душить обеими руками, сам отчаянно хрипя, будто это ему не хватало воздуха. Он бы задушил меня, это точно. Но...

Как много в нашей жизни бывает этих спасительных «но».

Его лицо вдруг исказила гримаса боли. Он отпустил меня и вогнул спину, как пресс-папье на столе бюрократа.

– Зачем же гвоздём-то? – взрыдал он.

Долговязый вскочил и бросился наутёк, заламывая руки, пытаясь оторвать от спины доску больничного забора, гвоздём впившуюся ему меж лопаток. Он так и скрылся с глаз, волоча за собой нечаянный груз.

Валерка Халва поднял меня с земли, зачем-то потрогал мою челюсть, заглянул в глаза – живой? – а потом подмигнул и хлопал ладони, будто стряхивая пыль:

– Не дрейфь, Тольчина.

Бегство одного, будто разом ослабило силы остальных. Все, кто мог, кинулись прочь. Тех, кого пинали наши пацаны, бросился спасать Стадник:

– Всё, всё. Аллес! Финита и комедия. Судья время – конец последнему периоду.

Судьи и след простыл. Короткая, но жестокая и кровавая схватка наша перепугала больных – забыв на лавке халат, они ретировались в свои палаты.

– Ну, что, Лёха, – ликовал Ёршик. – Беги за винищем. Сейчас и отметим.

Закончу на этом. Про футбол взялся рассказывать, а что бывало до и после игры – тема других басен.

4

Финальный день спартакиады школьников Увельского района пришёлся на последний день бабьего лета. Стадион переполнен народом, собравшимся посмотреть состязания, поболеть за своих, насладиться последним теплом догоравшей осени и вообще порадоваться жизни. Работали буфеты, играла музыка, диктор объявлял результаты и фамилии, набранные очки каждой из школ. После соревнований лёгкоатлетов, на поле должны были выйти юные футболисты.

Оглашая список заявленных команд, диктор запнулся и продолжил после паузы совсем другим тоном, каким объявляют выход клоуна на арену:

– ... и дворовая команда «Лорды с Болотен-стрит».

Перед тем, у судейского столика была перепалка.

– Ну, «Вымпел», там, ну, «Метеор»... Какие к чёрту «Лорды»? Хотите, чтобы вас на приветствие «мордами» обозвали. Так и будет. Вот увидите.

– Да какая тебе разница? Ну, «Лорды», значит «Лорды». Это ж здорово! Ребята сами пришли, сами заявили и хотят сыграть. Оставь – пусть играют.

– Меняйте название.

– Не будем, – упёрся Гала. Это была его идея, и он её отстаивал.

Надо сказать, к осени у нас поменялось руководство команды – Шиляй с Ломяном до того расплевались, что оба подали в отставку. После выборов тренером стал Гала (надо же!), а капитаном Серёга Ческидов.

– Не будем, – упёрся Гала. – Либо пишите так, либо мы пошли.

– Не больно-то и нужны.

– Э, прекрати. Давай, парень, вашу заявку – готовьтесь к эстафете.

Команда расположилась на двух крайних скамейках в углу трибуны. Заявление диктора вызвало у народа оживление и интерес к нам.

– Эй, дылда! – окликнул Сергея Ческидова какой-то недоперепивший гражданин. – В такой погожий день лучше всего в лесу. Отвёл бы ты, курносая кряква, своих утят на свежий воздух, на природу.

У Сергея действительно был широкий нос, которым он не очень-то и гордился.

– Шёл бы ты, дядя, пока есть на чём, – Ческид сплюнул, чтобы показать своё презрение к обывателю, но получилось как-то не очень удачно – попал на свою коленку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.